

Երեւան Արքունական

ԱԵ

1936

8

АВГУСТ

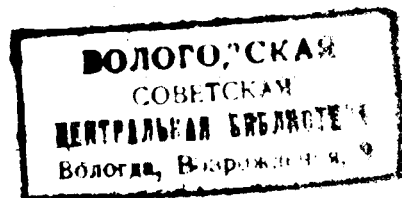
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советская Арктика

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОРГАН ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
ПРИ СНК СССР
И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ГУСМП**

**8 АВГУСТ
1936**

И з д а т е л ь с т в о   Г л а в с е в м о р п у т и

СОДЕРЖАНИЕ

Сталинская конституция и работа на Крайнем Севере	3
---	---

ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТИЗАЦИИ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ

Приказ № 109 по Главному управлению Северного морского пути при СНК СССР	8
О. Ю. Шмидт, С. А. Бергавинов. Знаменательная дата и поучительный процесс	10
Г. А. Ушаков. Остров Врангеля	16
А. И. Минеев. Замечательное десятилетие	30
О награждении работников острова Врангеля гг. Минеева А. И. и Власовой В. Ф.	35
Н. И. Егенов, Б. В. Давыдов и остров Врангеля	36
Л. В. Будни последнего года	42
Советская власть ведет нас к радостной жизни (Радиограмма охотников-эскимосов острова Врангеля)	43
П. Г. Миловзоров. Рейс „Ставрополя“ к острову Врангеля	46
Н. П. Савенко. Из моих воспоминаний	51
З. А. Ушакова. Три года	53
Е. М. Кошелев. Полет на остров Врангеля	54
С. П. Нацаренус. Воспоминание о рейсе „Литке“	55
М. С. Державин. „Пять лет на острове Врангеля“	57
Основная литература об острове Врангеля	61

С ПРОЦЕССА НАД СЕМЕНЧУКОМ

А. Я. Вышинский. Политическая сущность семенчуковщины	63
Письмо эскимоса Таяна	78
Приговор Верховного суда над Семенчуком и Старцевым	79

НАМ ПИШУТ

Н. М. Янсон. На Шпицбергене	84
Р. Л. Самойлович. Высокоширотная экспедиция 1936 года	88
Д. Д. Козьмин. На участках Иркутск—Якутск	92
Г. С. Смирнов. Хатанга	96
П. Варакин. Игарка готовится к восьмой Карской	99
П. Г. Головин. На „Сталь-2“	102

ХРОНИКА

Об утверждении состава Совета при начальнике Главного управления Северного морского пути	105
Н. Р. Водяные сани	106
С. И. Николаев. Зверобойный промысел 1936 года	107
Т. А. Караваева. Сессия Академии наук по океанографии	108
Т. К. Второй рейс заполярного театра	110
Т. К. Выставка художника Меркулова	110
В. С. Андрианов. Памятники древнего поселения	111

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И РАБОТА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

I

Опубликование проекта новой конституции нашего Союза, творцом которой является вождь народов тов. Сталин, — крупнейшее политическое и историческое событие.

В иностранной печати, не только рабочей, но и буржуазной, неоднократно было повторено мнение, что с конца мировой войны не было более важного исторического события.

Если Октябрьская революция представляла „десять дней, которые потрясли мир“, то новая конституция представляет документ, потрясающий все политические устои буржуазного государственного строя.

Новая конституция представляет **основной закон** социалистического государства, социалистического не только по устремлениям, но по реально существующим социально-экономическим отношениям.

Конституция заявляет, что „Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, **утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком**“.

Буржуазные конституции прокламировали отвлеченные права на „свободу, равенство и братство“, объявляя вместе с тем частную собственность „священной и неприкосновенной“. Как говорил Н. Г. Чернышевский, они представляли право каждому есть из золотой миски и оставляли без внимания, что устанавливаемый ими порядок вовсе не гарантирует трудящимся возможности не только „кушать из золотой посуды“, но вообще „кушать“ что-либо.

Конституция социалистического государства впервые в истории вместо отвлеченного юридического равенства людей ставит **фактическое** экономическое равенство. Равенство в отношении к средствам и орудиям производства (все они объявляются всенародным достоянием), равенство в праве на участие в производственном процессе (право на труд), равенство в праве на отдых и социальное обеспечение в случае нетрудоспособности, равенство в праве на получение знаний (право на бесплатное образование).

Социалистическая конституция устанавливает для всех **право на зажиточную и культурную жизнь**. Вместе с тем она объявляет, что по-

ложение граждан регулируется отношением к труду: „Кто не работает, тот не ест“, „Каждому по его труду“.

Эти агитационные лозунги социализма она объявляет основным законом. И то, что лозунги становятся законом, показывает, что социализм из устремления стал реальной действительностью. Это уже не „призрак“, который „бродит над Европой“, это живая жизнь, это действующая система, определяющая существование 170 миллионов людей.

Конституция социалистического государства устанавливает власть „трудящихся города и деревни“, устанавливает порядок, при котором уже не существует антагонистических классов и постепенно изживаются все классовые разделения.

Великая пролетарская революция разрешила впервые в истории **национальный вопрос**. В первый же день своей победы она провозгласила полное юридическое равноправие всех наций, нацменьшинств, этнических групп („Декларация прав народов“).

Но коммунистическая партия тогда же заявила, что изживание **фактического** национального неравенства есть процесс длительный. Сейчас новая конституция статьей 123 устанавливает, что „Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является **непреложным законом**. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — карается законом“.

Советский народ является суверенным хозяином своей судьбы, он получает такую демократию (власть народа), которая немыслима ни в каком буржуазном государстве.

Конституция не только декларирует свободу слова, печати, собраний, демонстраций, общественных организаций, но она делает эти свободы реальными, создавая для граждан материальную возможность пользования ими, чего никогда не давали буржуазные конституции.

Великое значение нашей конституции состоит в том, что она впервые в истории **фактически**, а не только **юридически** утверждает основные права человека и не только декларирует эти права, но и создает возможности их осуществления.

Она объявляет государственным законом реальные условия действительной свободы, материальной обеспеченности, возможности неограниченного развития личности, свободного творчества, радости и счастья.

Социализм приносит подлинное раскрепощение личности, дает ей неограниченное развитие.

Новая конституция имеет огромное революционное значение для трудящихся всего мира. Она опровергает и разбивает всю ложь и клевету врагов социализма. Крикам социал-демократов о попрании якобы демократии диктатурой пролетариата она противопоставляет развертывание такой широкой демократии, которой никогда не видело человечество.

Диким воплям фашистов о неизбежной вражде рас и наций, о неизбежном угнетении одних народов другими она противопоставляет равноправное и мирное существование 187 народов, помогающих один другому в деле экономического и культурного подъема.

Инсинуациям империалистов о „красном империализме“ она противопоставляет непреклонную волю к миру, разрешая Верховному Совету объявлять состояние войны только в случае военного нападения на СССР.

Новая конституция показывает трудящимся всего мира, что пролетарская революция и диктатура пролетариата несут мир, хлеб и свободу для всего человечества.

Трудящиеся массы всего мира уже назвали эту конституцию — **Сталинской**, потому что она является творением великого вождя человечества, борющегося за свое освобождение.

Новая конституция отражает победу социализма в одной стране, ту победу, которой мы всецело обязаны нашей партии, тов. **Сталину**.

II

В работе „Государство и революция“ Ленин писал:

„Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д. — все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет „взят отдельно“, а будет „взят вместе“, оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории“ (Ленин, т. XXI, стр. 423).

Новая конституция, фиксирующая сдвиги, происшедшие в социально-экономическом развитии страны, — в дальнейшем сама будет влиять на ускорение этого развития.

Особенно чувствительно будет ее влияние на отсталых окраинах, в тех местах, где рост производительных сил не достиг еще уровня развития Союза.

Этот процесс должен особенно ярко выявиться на Севере, который только с установлением Северного морского пути получил широкую возможность включиться в развернутое социалистическое строительство.

Север отстает от развития других краев Союза. Отстает Север в социалистической перестройке сельского хозяйства. В то время, когда во всем Союзе коллективизация достигла 89%, среди народов Севера она едва достигает 40—45% в среднем, а в отдельных наиболее отсталых районах (на Ямале, Таймыре, внутренней Чукотке) — до 5—10%. Основной капитал главной отрасли северного хозяйства — оленное поголовье обобществлено всего на 20—23%.

Отстает Север и в организации территории. В то время как повсюду в СССР проводится закрепление земель „навечно“ за колхозами, на Севере еще не закончено и первоначальное земельно-водное устройство.

Отстает Север и в народном просвещении. В Союзе всеобщий уже закончен, а на Севере окончание его проектируется на конец второй пятилетки.

В восточных республиках переход кочевых населения на оседлость в основном заканчивается к концу второй пятилетки, а на Севере только в 1936 году начаты работы по переходу на оседлость. Только в текущем году приступлено к постройке первых трех машинно-промысловых станций, которые являются основной организационной формой для подведения новой технической базы под хозяйство местного населения и основным рычагом для кочевников на оседлость.

Отстает Север в национальном самоопределении. Тогда как в других краях национальные округа (например, Черкесский) переводятся новой конституцией в ранг автономных областей, а целый ряд областей в ранг автономных республик, — на Севере сохраняются национальные округа.

Конечно, не все народы Севера обладают возможностью создать национальные области. Крупные из них, как-то: **ненцы**, занимающие три смежно расположенные округа (Ненецкий, Ямальский и Таймырский), **эвенки**, точно также занимающие ряд смежных районов (Эвенкийский округ Красноярского края, Хатангский район, районы Бурят-Монголии; Дмелтулакский, Зейский, Буреинский и Чумиканский районы Дальневосточного края), также как и **хантэ, ораведланы** и **нымыланы**, безусловно имеют перспективы для организации автономных областей. Но эта перспектива не может быть сейчас же осуществлена в силу недостаточного развития производительных сил северных национальных округов, недостаточности подготовленных национальных кадров, недостаточной транспортной связи между территориями, населенными одной и той же национальностью. Это отставание, являющееся наследием царского режима с его национальным угнетением, должно быть изжито к концу второй пятилетки.

Новая конституция вызовет новый творческий подъем среди народов Севера.

Этот подъем должны учесть партийные, советские и хозяйственные организации, работающие на Севере, для ускорения темпов экономического и культурного развития народов Севера. Выполнение этой задачи в основном ложится на учреждения Главсевморпути.

Главсевморпуть давно перестал быть только транспортным предприятием. Он сделался сложнейшим комбинатом, проводящим по поручению партии и правительства всестороннее освоение Севера. Развитие транспорта осталось основным звеном его деятельности. Через освоение транспорта Север втягивается в социалистическое строительство.

Особое место занимает забота о человеке, забота о народах Севера, об их культурном и экономическом подъеме. Пути этого подъема ясны: развитие промышленности, создание местных промышленных очагов и национального пролетариата, социалистическая реконструкция сельского хозяйства, развитие коллективизации, организация простейших производственных объединений, перевод окрепших объединений в артели. Одновременно с этим — подведение новой технической базы под коллективизированное промысловое хозяйство (охоту, рыболовство, морзвербой), внедрение новых отраслей хозяйства (животноводство, огородничество, лесное дело, кустарная промышленность), концентрация оседлого населения, еще живущего мелкими разбросанными поселками.

Концентрации и оседанию населения должно сопутствовать широкое развертывание жилищного, административного, коммунального, школьного и больничного строительства. Сейчас около 250 школ не имеют приспособленных помещений. Сельсоветы и райисполкомы, как правило, не имеют никаких постоянных помещений. Это узкое место Крайнего Севера надо преодолеть в короткий срок. Организационную и техническую сторону этого должны взять на себя учреждения Главсевморпути.

Основными рычагами реконструкции хозяйства на Крайнем Севере должны служить северные машинно-промысловые, машинно-тракторные, производственно-охотничьи, оленеводческие станции. Функции таких

станций должны быть приданы и культбазам, которые должны стать подлинными центрами социалистической реконструкции культуры и хозяйства северных народов.

Должно отвечать современному уровню требований и снабжение северного населения промышленными товарами и производственными орудиями. Снабжение должно иметь форму развернутой советской торговли. Надо удовлетворить все потребности населения, обратить особое внимание на выработку северного ассортимента.

„Кадры решают все“. Перед нами основная задача — подготовить кадры из коренного национального населения.

Все учреждения Главсевморпути должны принять в этом самое активное участие: культбазы, совхозы, поссы, фактории, промышленные предприятия, полярные станции и т. п. Кроме сети разнообразных курсовых мероприятий, совхозучей, института ученичества, — при всех этих учреждениях должна быть развернута сеть промыслово-технических школ для подростков и взрослых.

Народы Севера должны получить **свой** средний технический персонал, **свою** техническую интеллигенцию, для обслуживания не только собственного колхозно-кооперативного хозяйства, но и государственного. Надо добиться постепенной замены привозных работников оленеводческих совхозов, поссов, факторий, культбаз, полярных станций — работниками из среды коренного населения.

Из среды коренного населения Севера надо подготовить не только оленеводов, охотоведов и рыбоведов, но и авиаторов, капитанов и штурманов морских и речных судов, гидрографов, геологов и метеорологов.

Новая конституция вызовет гигантский подъем производительности труда всего населения Союза, рост благосостояния, источников богатств и технической мощи. Все эти предпосылки создадут возможность для новых побед социалистического строительства Крайнего Севера.

У северных берегов Шпицбергена

Десятилетие советизации острова Врангеля

ПРИКАЗ № 109

по Главному управлению Северного морского пути при СНК СССР

Гор. Москва

3 июня 1936 года

В августе 1936 года исполняется 10 лет со дня советизации острова Врангеля. Этот фактор огромного политического значения еще раз свидетельствует о торжестве ленинско-сталинской национальной политики, принесшей обездоленным и обреченным при царизме на вымирание малым народам северных окраин пролетарскую помощь и возрождение. За прошедшие 10 лет эскимосы на острове Врангеля уже приобщились к благам советского строя и свободному труду. Советская власть дала им права граждан великого Союза. Значительно улучшено их культурно-бытовое положение, обеспечена медпомощь, продовольственная поддержка, снабжение их орудиями промысловой охоты.

Советская культура смывает былое невежество у северных народностей. На острове регулярно издается своя газета „За образцовую зимовку“, в которой самое активное участие принимают не только охотники-эскимосы, но и их жены. В своем письме в „Правду“ от 27 мая этого года охотники-эскимосы горячо благодарят советскую власть за то, что „она ведет их к радости и к хорошему. Мы все решаем остаться на острове; он теперь нам родной, советский остров“.

В связи с этим приказываю:

1. Отметить самоотверженную работу советских полярников и первых поселенцев острова, эскимосов, по освоению острова Врангеля и вручить всему коллективу острова в день 10-летия специальное знамя Главсевморпути и Политуправления.

2. В целях дальнейшего хозяйственного и культурного подъема местного населения острова Врангеля и ликвидации до конца тяжелых последствий зимовки 1934/35 года, возглавлявшейся осужденным Верховным Судом РСФСР 23 мая 1936 года бывш. начальником острова Семенчуком, приведшим к росту задолженности со стороны беднейшей части населения острова, списать всю задолженность с местного населения полярной станции по состоянию расчетов на 1 января 1936 года.

3. Управлению культуры и хозяйства народов Севера и Полярному управлению существующий в бухте Роджерс кружок по обучению грамоте реорганизовать в школу-интернат для детей местного эскимосского населения на 20 человек, для чего закрепить за школой дом, завезенный т. Ушаковым, обеспечив его переноску на новое место и ремонт.

Директору Института народов Севера т. Кошкину направить в 1936 году из числа оканчивающих институт эскимосов — одного культработника-учителя, которого ввести в штат полярной станции острова Врангеля.

Начальнику острова т. Долгому и парторгу т. Казанскому к этой школе проявить особое внимание (культура, обеспечение инвентарем, одеждой и продовольствием для школьников, из фондов полярной станции).

4. В целях улучшения жилищных и бытовых условий местного населения начальнику Владивостокского теруправления т. Пошеманскому обеспечить завоз на остров в 1936 году двух домов европейского типа, снабдив завозимые жилища необходимой мебелью и утварью.

Полярному управлению также завезти в 1937 году один рубленый дом объемом в 200 кубометров для помещения культбазы.

5. Для обеспечения ремонта охотничьего оружия и плавсредств Полярному управлению завезти в навигацию 1936 года на остров токарный станок и необходимые инструменты.

6. Для лучшей организации на острове промысла на морзверья, Полярному управлению (т. Копусову) завезти в 1936 году два вельбота и четыре рульмотора с передачей их безвозмездно местному населению.

7. Сельскохозяйственному управлению (т. Богомолкину) представить мне на утверждение проект организации на острове Врангеля теплично-парникового хозяйства в 1937 году с завозом необходимых стройматериалов и оборудования в навигацию 1937 года. Срок исполнения 10 июля 1936 года.

Подготовить переброску на остров в 1937 году оленьего стада, частично транспортного, в количестве 70—80 голов, и опытного зоотехника, включив последнего в штат полярной станции острова Врангеля.

8. Полярному управлению организовать силами полярной станции подготовку и выдвижение эскимосов на постоянную работу полярной станции острова Врангеля.

9. Выделить из средств Полярного управления 20 000 р. для награждения передовой части населения (лучших охотников) ценными подарками.

Поручить т. Ушакову и т. Серкину совместно с т. Минеевым наметить предметы для награждения и персональное их распределение, обеспечив их своевременную отправку на остров.

10. Тов. Балагул и т. Нацаренус в трехдневный срок подготовить вопрос об источниках покрытия указанных мероприятий и представить мне на утверждение.

Тов. Нацаренусу и т. Петросяну обеспечить необходимые товарные фонды для осуществления намеченных мероприятий.

11. Утвердить комиссию по проведению 10-летней годовщины на острове Врангеля в составе: начальника острова т. Долгого, парторга — т. Казанского и от коренного населения — охотника Таян.

Комиссии привлечь к участию в юбилее экипаж л/к „Красин“.

12. Редактору „Советской Арктики“ обеспечить выпуск специального номера журнала, посвященного 10-летию со дня советизации острова Врангеля.

13. Главсевморпуть уверен, что зимовщики и поселенцы-эскимосы острова Врангеля под руководством своей партийной организации еще больше улучшат свою работу и сделают остров Врангеля действительно образцовым поселением, достойным нашей великой социалистической родины всех трудящихся.

Начальник Главсевморпути О. Шмидт

Начальник Политуправления С. Бергавинов

О. Ю. ШМИДТ, С. А. БЕРГАВИНОВ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА И ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

I

Серьезное освоение Арктики началось по существу 6–7 лет тому назад, когда страна, закончив период реконструкции, приступила с величайшим размахом к строительству социалистического общества. Создание мощной промышленной индустриальной базы, коллективизация сельского хозяйства, рост науки и культуры предопределили и работы по завоеванию Арктики. За эти годы проделана огромная работа по превращению сурового Севера в созидательную, бьющую ключом социалистической жизни окраину Советского Союза.

Нет, несравним сегодняшний Крайний Север с капиталистическим прошлым, мрачная тень которого все больше и больше удаляется. Выросли оленеводческие совхозы и колхозы, сотни пушных факторий, культурбаз, больниц и школ. В арктических водах плавают десятки кораблей, знаменательны сквозные рейсы. Созданы мощная авиация, преодолевающая воздушные пространства, и большая сеть полярных станций. Все это решающие факторы в деле развития Северного морского пути и жизни всего Крайнего Севера. Эти факторы играют огромную роль для многонационального, в прошлом забитого, отставшего населения. Сейчас это население уверенно идет в гору, повышает свой культурный и политический уровень, развивает свое хозяйство и его доходность на основе социалистических методов труда.

Не сразу засверкали эти огни социализма в Арктике. Шаг за шагом, участок за участком отряды полярников, руководимые партией Ленина — Сталина, преодолевали трудности Заполярья, расширяли наши познания в этих областях и приобщали их к общему социалистическому строительству нашей страны.

На этом пути полярников одной из первых, если не самой первой вехой было заселение и освоение острова Врангеля, десятилетнюю советскую годовщину которого мы радостно сейчас отмечаем. В августе 1926 года скромный и малоизвестный Г. А. Ушаков с группой зимовщиков, в том числе свыше 50 эскимосов, выехал на пустынный остров Врангеля и водрузил там великое знамя нашей страны. Под сенью этого знамени рос и крепчал новый советский поселок. Поднимался культурный уровень и развивался хозяйственный уклад жителей этого поселка — эскимосов. Три тяжелых года большой работы зимовщиков, руководимых т. Ушаковым, не прошли даром. Они сыграли крупную роль в дальнейшем развитии острова и обогатили наш опыт в борьбе за освоение всей Арктики.

Эту блестящую работу ушаковского коллектива разумно продолжал и новый руководитель острова т. А. И. Минеев, который в условиях не меньших трудностей сумел за пять лет своей зимовки закрепить предыдущую работу и поднять ее на ряд ступеней выше. Несомненно, работы на острове Врангеля за эти годы имели большое влияние на последующее развертывание всей арктической работы. Не случайно вместе с ростом развития Крайнего Севера росли и воспитывались на этой работе сотни и тысячи полярников, в том числе и т. Ушаков, который из скромного работника острова Врангеля вырос в одного из лучших руководящих полярников нашей страны.

И мы гордимся всей этой советской полярной работой, на примерах которой видны размах, сила и могущество нашей социалистической родины. Никогда еще в истории человечества созидательное творчество на северных окраинах (да и не только на них) не имело такого размаха и глубины, как теперь. И на этом радостном фоне 10-тилетний юбилей острова Врангеля всегда будет для отряда советских полярников крупной вехой в истории развития Арктики, будет образцом своего рода — как надо работать и преодолевать трудности.

II

Наша большевистская партия сильна между прочим и тем, что мы учимся работать не только на лучших образцах, но и на ошибках, неудачах, критика которых является **органической необходимостью** для нашей системы. Вот почему мы считаем правильным, в эту блестящую годовщину остановиться и на черном пятне полярной работы, — семенчуковщине, — которое образовалось именно на замечательном фоне острова Врангеля. Это надо сделать и потому, что оно имеет большое воспитательное значение для всей нашей системы, для всех работников, обязанность которых полностью учесть уроки, отсюда вытекающие.

Началось это дело с небольшого, с радиотелеграммы:

„Эскимосы поголовно больны. Виды эпидемии брюшного тифа. Есть смертность. Частично началась цынга.

Семенчук“.

Это вызвало у руководства Главсевморпути тревогу. Если тиф в начале зимовки не занесен с материка, то он в Арктике через 5—6 месяцев не мог появиться, а цынга, благодаря завозу на несколько лет высококачественных продуктов, была исключена.

Вот почему по существу эта телеграмма явилась началом открытия занавеса над мрачной картиной, созданной Семенчуком на острове, которую он тщательно скрывал в своих донесениях в Москву. В результате был послан специальный самолет и переброшен на остров Врангеля начальник полярной станции Уэлен т. Жердев со специальными заданиями. Проведенное им расследование полностью подтвердило наши опасения о серьезном неблагополучии на зимовке.

Впервые за период советской полярной работы на всем протяжении Арктики оказалось, что на Врангеле не только неблагополучно, но и разыгралась трагедия. Был убит врач-общественник Вульфсон, покончил самоубийством биолог Вакуленко, умерло на почве недоедания 10 эскимосов, из них 5 охотников; научные и промысловые работы были сорваны. Здесь царил склока, разложение, в силу самоуправства и антисоветского отношения к людям начальника зимовки и убогого, гнилого состояния партийной и профсоюзной работы. Семенчук был немедленно снят с работы, самолетом перевезен вместе с женой на полярную станцию мыс Шмидта, исключен из партии, а по возвращении на материк приказом Главсевморпути от 2 ноября 1935 года был предан суду.

Предварительное следствие, которое вел старший следователь по важнейшим делам т. Шейнин, под непосредственным руководством т. А. Я. Вышинского, вскрыло потрясающую картину бандитского хозяйничанья Семенчука. Несомненно, значительна заслуга тт. Вышинского и Шейнина в том, что они в казавшемся сначала некоторым людям маленьком деле вскрыли все его существо, которое вылилось в большое общественно-политическое явление.

Нет нужды подробно описывать картину состояния острова, ибо она с предельной ясностью освещена в течение семи дней судебного процесса, которым руководил т. Я. Л. Берман. Весь ход процесса, как и глубоко содержательный приговор, не только незаурядное событие судебной хроники, но и важнейший документ для полярников. Он учит, как надо работать. И совершенно прав т. Вышинский, когда он в своей яркой, убедительной речи обвинения говорит:

«... Было бы неправильно трагедию гибели доктора Вульфсона... рассматривать, как центральный вопрос настоящего судебного дела. Это было бы неправильно, ошибочно и в политическом отношении и с точки зрения задачи настоящего процесса...»

Мы ставим перед собой вопрос: как мог случиться такой „казус“ в цепи прекрасных дел всего отряда полярников, которые окружены вниманием и помощью страны? Да и на самом Врангеле ведь было 10 лет прекрасной творческой работы, которая чуть не смазалась за 8 месяцев хозяйничанья Семенчука.

Основной ответ мы находим в людях, в их подборе, в том случайном и убогом составе, который попал на Врангель в 1934 году. Известно, что зимой и весной 1934 года все звенья Главсевморпути были сосредоточены на челюскинской эпопее, а повседневное руководство вопросами текущей работы было ослаблено. Отсюда и подбор кадров на зимовки нередко находился не в тех руках, которые должны по существу им заниматься.

Тут не было должной бдительности. Вот почему не случайно подбор зимовщиков этого года оказался не на высоте и на ряде других полярных станций (Лескин, Нордвик, Тикси и др.). В этих местах в той или иной мере были элементы семенчуковщины (Нордвик), были картины неустойчивости и зажима (Лескин, Тикси). Не было в тот период в системе Главсевморпути и такого мощного рычага подбора и сплочения кадров, каким являются политотделы, которые созданы были у нас в сентябре 1934 года.

Разумеется, что все это ни в какой мере не снимает вины с руководства Главсевморпути, которое и поныне не всегда уделяет достаточное внимание нуждам полярных станций и составу их зимовщиков. В этом смысле процесс о врангелевской зимовке является серьезным предупреждением для всех работников Главсевморпути: за большой и успешной работой **не проглядеть, не смазать** имеющиеся недостатки.

Слов нет, картина зимовки на полярных станциях текущего года резко отличается в лучшую сторону от зимовок предыдущего года; вот факты:

	Зимовка 1934/35 г.	Зимовка 1935/36 г.
Рабочих	12%	29%
Служивших в Красной армии . .	22	45
Вторично зимующих	8	19
Коммунистов и комсомольцев .	23	46

При этом большинство зимующих в текущем году остается на следующую зимовку. Особенно важен тот факт, что в этом году нет тревожных сигналов ни об одной из наших зимовок. В частности, на том же Врангеле, который теперь возглавляют т. Петров и парторг (быв. ответственный инструктор МК ВКП(б)) т. Казанский. Там все зимов-

щики и охотники здоровы и успешно ведут научную и промысловую работу; при вдвое уменьшившемся числе охотников добыто:

	Зимовка Семенчука	Зимовка Петрова на 1 апреля 1936 г
Добыча морского зверя . . .	40 шт.	119 шт.
" песца	45 "	395 "
" медведя	25 "	130 "
Работа полярной станции . .	130%	1600%

Количество свиней с 15 достигло до 37 штук. Падежа собак не было, а ведь там собаки пока единственный вид транспорта.

Кроме того, развернута большая политмассовая работа, организована женская пошивочная артель, школа для эскимосов с двумя группами: детской на 8 человек и взрослой на 7 человек; занятия производятся на эскимосском языке. 5 эскимосов обучено моторному делу. Регулярно выходят стенная газета и фотогазета. Работают 3 кружка по истории партии и общей политграмоте. На Врангеле честь советской власти и ее заботы о туземном национальном населении не поколеблены, а укреплены. Такая же в основном картина и по другим полярным станциям. Зимовки проходят дружно, сплоченно.

Все важнейшие события в жизни страны, как-то: всесоюзное совещание стахановцев, сессия ЦИК, съезд комсомола, беседа т. Сталина с Говардом, решения пленума Комиссии партийного контроля и т. д., а также материалы партийного и хозяйственного совещаний Главсевморпути были своевременно переданы по радио на все зимовки и полярные станции. Это имело огромное значение в жизни зимовок. Для последних организован совместно с Институтом заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б) цикл радиолекций по истории ВКП(б). Созданные в нашей системе 15 печатных, 42 рукописных и 3 фотогазеты, всеполярный шахматный турнир по радио, кино и большое количество посланной литературы, музыкального и спортивного инвентаря служат тем же целям политмассовой работы, сплоченности и организации досуга.

III

Однако вся наша положительная работа не должна заслонять собой имеющиеся и поныне заметные недостатки. Мы не раз обнаруживали, что полярные станции и экспедиции (Нордвик, Врангель, Тикси, Югорский Шар и др.) не получают ответов на свои жгучие запросы. А наши центральные управления—Полярное, Горно-геологическое, Управление хозяйства и культуры—с ледяной холодностью молчат и в лучшем случае отделяются общими фразами и „крутелём“. В этом отсутствии оперативности наш главный недостаток, вытекающий из все еще слабого контроля.

Вот совсем недавно мы обнаружили „работу“ некоторых звеньев нашего центрального аппарата (Полярное управление и частично Арктикснаб), слабо знающих свои местные организации.

К сожалению, такие явления путаницы в той или иной степени имеют еще место и на полярных станциях. Проистекает это от незнания действительной обстановки, потребностей, нужд, от бумажного „творчества“, а не конкретно-оперативного руководства.

Процесс Семенчука и компании есть прорыв и несомненное исключение в самоотверженной работе всей армии советских полярников. Но

если мы будем успокаиваться, зазнаваться, если не будем развивать самокритики, если не будем резко бороться с малейшими неполадками, бездушием, особенно нетерпимым в условиях Арктики, то место вычеркнутых из жизни Семенчука и Старцева на скамье подсудимых могут занять и другие. Никогда нам партия не позволит действительно прекрасной работой полярников прикрывать ошибки, беспечность и неумение. Полярные станции, находящиеся в особо сложных, трудных условиях отдаленности, полярной ночи и т. д., при нашем невнимании, особенно к кадрам, больше всего могут быть подвержены слабостям. Именно тут **качество подбора людей, особенно руководителей**, решает успех.

Тем больше внимания, чуткости, бдительности, тем больше конкретности в руководстве ими от нас требуется. Без дружного, четко работающего коллектива на полярных станциях нет и не будет развития и нормальной эксплуатации всего Северного морского пути. На железных дорогах — телефон, телеграф, жезл, семафор, разъезды и т. д. служат успешному движению поездов. В арктических морях для плавания там кораблей все это заменяют полярные станции, указывающие кораблям состояние пути, льдов, являясь средством связи и т. д. Вместе с этим они ведут круглый год серьезную научную и промысловую работу и вносят культуру и новые навыки труда в хозяйство окружающего туземного населения, которое должно быть постоянно в центре нашего внимания, помощи. Велико значение полярных станций, это **подлинные форпосты социалистической культуры, быта и труда** в далекой Арктике и на Крайнем Севере.

Тем поучительнее процесс Семенчука, материалы которого должны дойти до каждой станции, зимовки, до каждой организации и работника нашей системы, чтобы сделать из него выводы. Это был не обычный уголовный процесс. Судили **семенчуковщину**, как подлый пережиток от царского, буржуазного времени: судили выродка прошлого, нечистую накипь революции. В Арктике есть **белые пятна**, которые полярники стирают открытием и исследованием новых земель, ставя их на службу великому делу социализма. На Врангеле вскрылось и **черное пятно** в виде морального и политического уродства — семенчуковщины.

Должно быть — и будет — стерто это черное пятно на чистом фоне полярников — их беззаветной работой в тяжелых условиях Арктики, недра и пути которой будут надежно служить социалистическому строительству.

Должно быть — и будет — стерто это черное пятно еще лучшей помощью туземцам в организации их хозяйства, культуры, быта, ибо без такой помощи на основе советской национальной политики немыслима наша работа в Арктике.

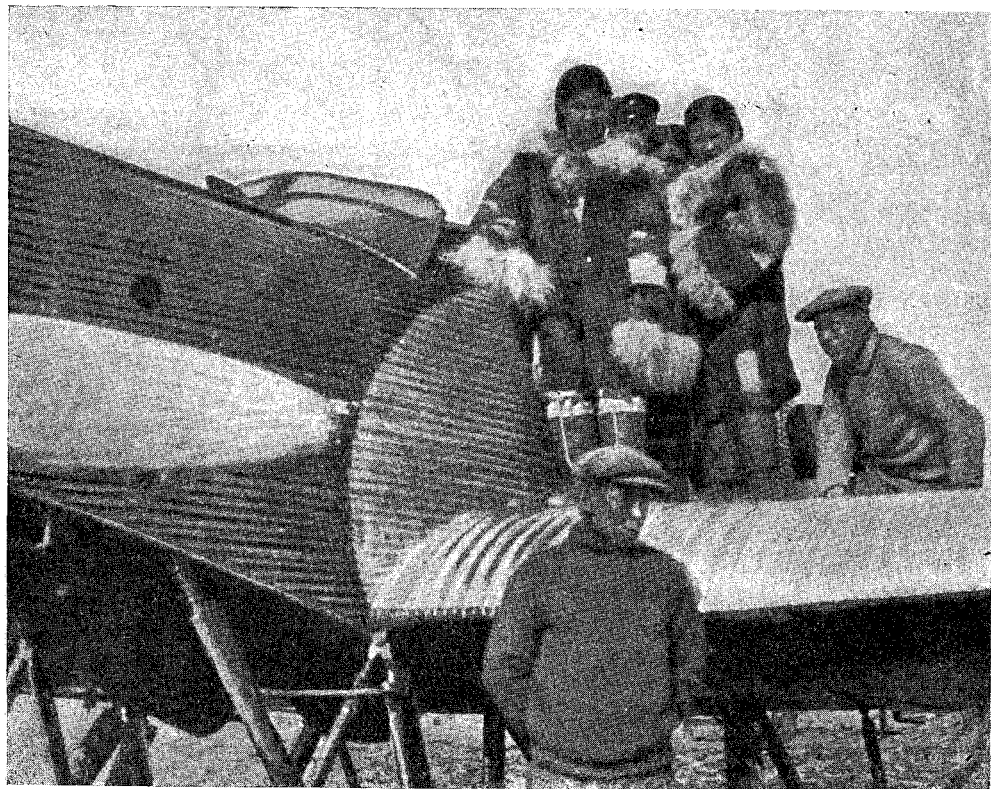
Должно быть — и будет — стерто это черное пятно помощью друг другу, благородством, смелостью, скромностью, которые всегда были основной чертой в работе советских полярников.

... „Мы привыкли бороться под руководством партии и побеждать суровую, полную опасностей Арктику политически спаянным коллективом, чувством высокого товарищества, поддержки друг друга — это основной наш закон“. — Так пишут, откликаясь на процесс, зимующие полярники **Кренкель, Петров, Званцев, Рузов, Казанский, Тимаков, Холодный** и ряд других. И это глубоко правильно.

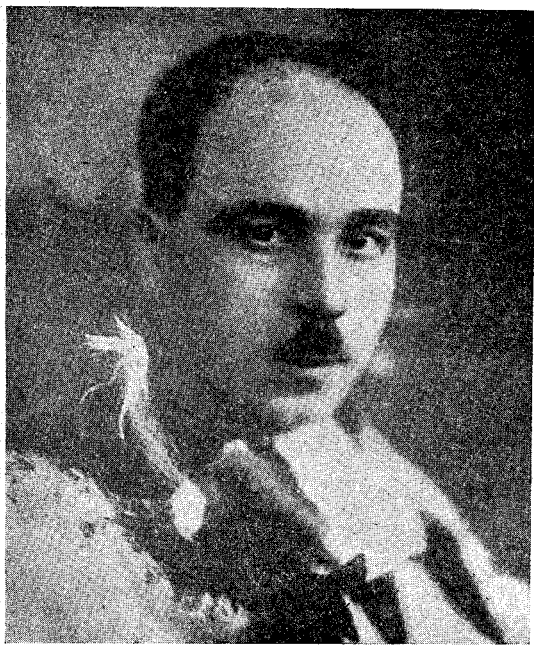
Процесс Семенчука не есть показатель нашей слабости. Он показатель нашей силы и огромного размаха социалистического строительства во всех уголках нашей великой родины. Тот же Семенчук творил свою

подлую работу, рассчитывая, что зимой, среди полярной ночи к нему не доберутся. Он просчитался и забыл прекрасные качества нашей авиации и полярных летчиков, которые, несмотря на трудности, во-время прилетели на Врангель, и тем самым был положен конец произволу. Еще пять лет тому назад такое быстрое вмешательство в неблагополучную зимовку было бы исключено из-за слабости и даже отсутствия путей и средств связи. Этот процесс показал всем, и мы смело говорим об этом, что развернутые в Арктике работы создали такие условия, когда мы можем **в любое время года в любую точку Арктики послать людей**, организовать доставку, помощь, вывоз и т. д.

Семенчуковщина не внесет смятения в наши ряды, не замедлит уверенного движения вперед на дальнейшее социалистическое освоение Крайнего Севера. Немало ярких страниц вписали советские полярники в историю социалистического развития Советского Союза. В этих страницах одно из первых мест занимает прекрасная работа сегодняшнего юбиляра — коллектива острова Врангеля. И можно не сомневаться, что советские полярники мужественно и гордо, под руководством своей партии большевиков, и впредь понесут в арктические просторы знамя нашей великой и непобедимой родины, знамя Ленина — Сталина, и будут достойны того доверия, которым их окружает страна.

Эскимоски на крыше самолета

Г. А. УШАКОВ

ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

I

Остров Врангеля, или, как его ранее называли, Земля Врангеля, лежит в Северном Ледовитом океане, к северо-западу от Берингова пролива, под 180 меридианом долготы от Гринича между 71—72° северной широты.

Глухие известия об острове впервые были получены еще в середине XVIII столетия, когда русские люди, „промыш-

лявшие“ на северо-восточной оконечности Азии, слышали от местных туземцев-чукчей о существовании к северу от Чукотского полуострова „Большой земли“.

Собрать данные о местонахождении острова удалось известному путешественнику лейтенанту русского флота **Фердинанду Петровичу Врангелю**.¹

Будучи начальником экспедиции, в состав которой (помимо него) входили мичман Матюшкин, штурман Кузьмин и доктор Кибер, он с 1821 по 1823 год нанес на карту побережье между рекой Колымой и бухтой Колючинской. 8 марта Врангель со своим спутником штурманом Кузьминым достиг мыса Шелагского. На следующий день во время беседы с чукчами в чукотской юрте один из знатоков местного края камакай — старшина чукчей — на вопрос Врангеля: „Не существует ли

¹ Фердинанд Петрович Врангель родился 29 декабря 1796 года. В 1807 году он поступил в Морской кадетский корпус, откуда в 1815 году вышел в офицеры. В 1819 году Врангелю дали поручение обследовать северные берега Сибири. По возвращении из экспедиции Врангель в 1825 году назначается командиром корвета „Кроткий“, на котором ходил в Камчатку, после чего в 1827 году приглашен на должность главного начальника Северо-Американской компании в Ситху, где оставался до 1835 года. С 1836 года Врангель занимал различные должности по морскому министерству. Был одним из учредителей Географического общества, а в 1849 году вышел в отставку. Позднее Врангель вновь поступил на службу; он был назначен в 1864 году директором Гидрографического департамента, а в 1855 году управляющим морским министерством. В 1857 г. он в силу болезни оставил этот пост, после чего занял опять свое место в Государственном совете. В 1864 году нервный удар вынудил его вовсе удалиться от дел. 23 апреля 1870 года умер в Дерпте от разрыва сердца.

какая-нибудь земля на море к северу от чукотских берегов?" ответил следующее:

„Между мысом Эрри (Шелагский) и Ир-кайпио (мыс Шмидта) близ устья одной речки с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы, но зимою, однако, их не видно. В прежние годы приходили с моря, вероятно отсюда, большие стада оленей, но, преследуемые и истребляемые чукчами и волками, теперь они не показываются. Сам он однажды преследовал в апреле месяце целый день стадо оленей на своих саних, запряженных двумя оленями, но в некотором отдалении от берега морской лед стал столь неровен, что он принужден был возвратиться. По мнению камакая, виденные с берегов горы находились не на острове, а на такой же пространной земле, как его родина. От отца своего слышал он, что в давние времена один чукотский старшина со своими домохозянами поехал туда на большой кожаной байдарке, но что там нашел он и вообще возвратился ли он отсюда — неизвестно“.¹

Доктор Кибер со слов других чукчей подтвердил сообщение камакая:

„они также рассказывали ему о существовании северной земли и утверждали, что сами видели ее в ясные летние дни с места, называемого Якан“.²

Наконец, штурману Матюшкину о том же рассказывали чукчи на Шелагском мысу.³

Таковы были сведения о существовании неизвестной земли, полученные Ф. Врангелем от чукчей. Однако проверить эти сведения и посетить или даже увидеть эту таинственную землю путешественнику не удалось. Две попытки, предпринятые для достижения неизвестной земли по льду на саних с Баранова камня от устья реки Верной и с мыса Якан, не увенчались успехом. Преодолев невероятные трудности при продвижении вблизи азиатского берега, он дальше встречал или движущийся лед или открытую воду. Попытка увидеть землю с чукотского берега также была безрезультатна, о чем он рассказывает следующими словами:

„Апреля 8 — погода была ясная; по утру и вечером было не более 3° холода, а в полдень 2° тепла. Проехав 7 верст по берегу, возвышенному на 60 футов, мы достигли довольно далеко вдавшейся в море скалы.“⁴

„Положение скалы определилось в 69°41'32" широты и 176°32' долготы. Долго наблюдали мы горизонт в надежде открыть на Севере землю, которую, по рассказам чукчей, можно было отсюда видеть. Не открыв ни малейших признаков ее, мы поехали далее“.⁵

Несмотря на это Врангель не сомневался в существовании земли, о которой ему рассказывали чукчи, и на приложенную к своему сочинению карту нанес предполагаемую землю с горами к северу от мыса Якан, что дало последующим путешественникам возможность опознать указываемую чукчами землю и закрепить за ней имя Врангеля.

17 августа 1849 года разыскивавший экспедицию Франклина английский капитан Келлет с корабля „Геральд“, которым он командовал, увидел высокую землю, расположенную, по его определению, между 70³/₄ и 71¹/₂° северной широты и 178—178¹/₂° западной долготы. Он был

¹ Ф. фон-Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, СПб, 1841 г., часть II, стр. 291, 292.

² Там же, стр. 314.

³ Там же, стр. 312, 313.

⁴ Мыс Якан.

⁵ Ф. фон-Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, СПб, 1841 г., часть II, стр. 316.

первым из европейцев, увидевшим Землю Врангеля. Посетить землю ему не удалось. Однако на карте, вышедшей в Лондоне в 1853 году, остров Врангеля обозначен как „Земля Келлета“.

Близко к востоку от этой земли Келлет усмотрел небольшой островок с выдающимися вершинами, которому присвоено было наименование острова „Плёвер“, но впоследствии оказалось, что на этом месте острова нет, а за него приняты горы восточного берега острова Врангеля.

18 лет спустя, летом 1867 года, английский капитан Лонг, плававший на китобойном судне „Нил“, увидел остров с юга.

Опознав в нем землю, нанесенную на карту Врангеля, капитан Лонг впервые присвоил острову название „Земля Врангеля“.

28 октября 1879 года американский капитан Де-Лонг, командир „Жаннеты“, увидел с севера землю и опознал в ней „Землю Врангеля“. Дрейф „Жаннеты“ прошел севернее „Земли Врангеля“, и таким образом стало известно, что „Земля Врангеля“ — есть остров.

„Жаннета“, затертая льдами вблизи острова Геральда, так и не могла освободиться от ледяных тисков и трагически погибла восточнее острова Беннета. Не получая известий с „Жаннеты“ и беспокоясь за ее судьбу, американцы снарядили два судна — „Корвин“ под командой капитана Гупера и „Роджерс“ под командой капитана Берри. В поисках погибшей „Жаннеты“, пользуясь благоприятным состоянием льдов, оба корабля подходят к острову. Первым из них 12 августа 1881 года, т. е. 58 лет спустя после попыток достичь острова Врангелем, подошел к восточному берегу острова „Корвин“. С корабля была послана на берег партия, которая пробыла там менее двух часов. Собрав там несколько видов растений, партия подняла американский флаг и объявила остров собственностью Соединенных штатов.

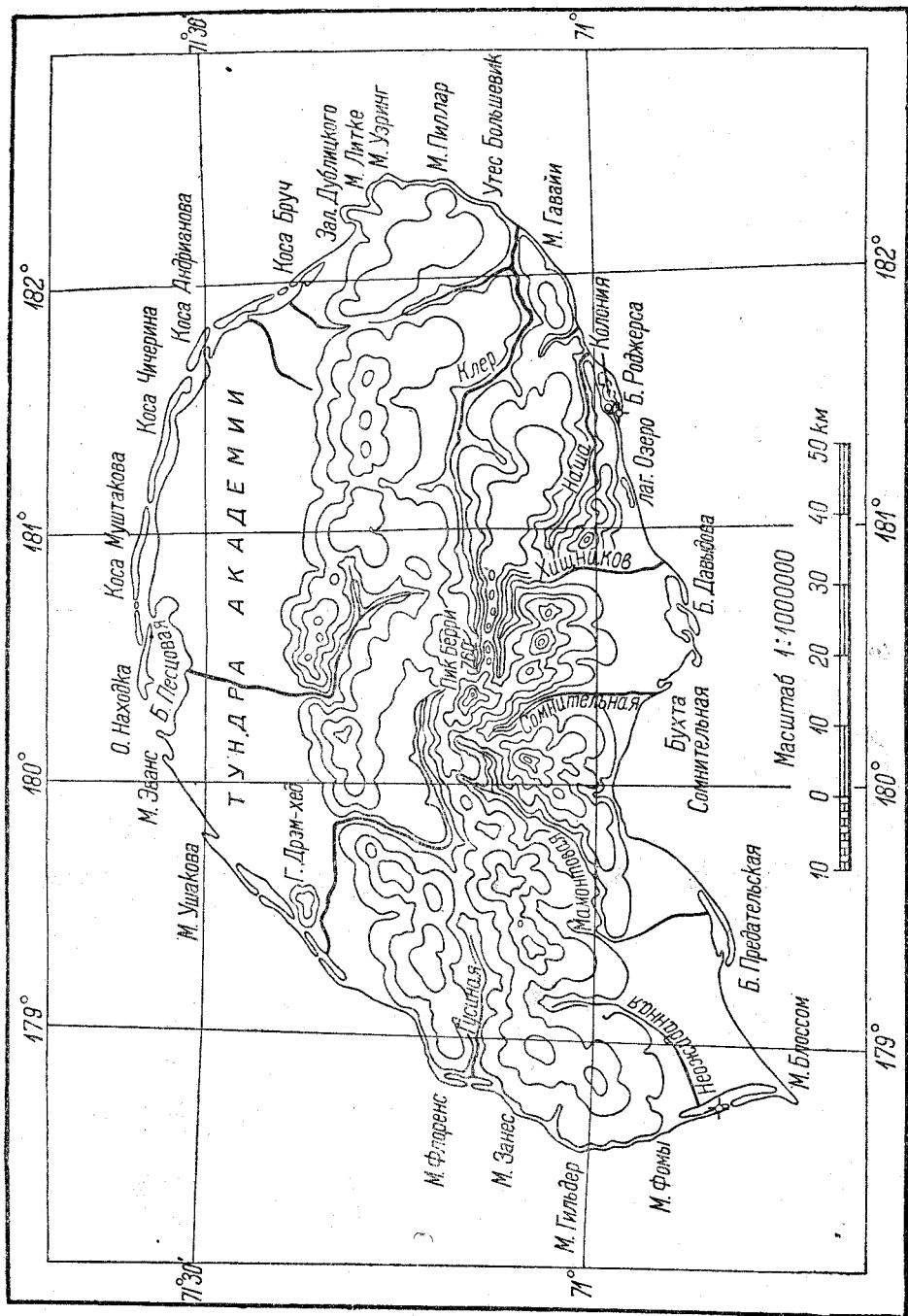
„Роджерс“ подошел к южному берегу острова 25 августа и остановился в бухте, получившей имя корабля. Здесь „Роджерс“ пробыл 19 дней, в течение которых три партии занимались исследованием острова и одной из них удалось обойти на шлюпке почти вокруг всего острова. Сам капитан Берри поднялся на одну из вершин острова (теперь носящую его имя) и барометрически определил ее высоту. В результате работы экспедиции была составлена первая приближенная карта острова.

Капитан Берри, признавая заслуги Врангеля, закрепил за островом его имя.

II

Снова проходит 30 лет, в которые остров никем не посещается, никого не интересует, и никто не предъявляет на него никаких претензий. Лишь 2/15 сентября 1911 года ледокол „Вайгач“, входивший в состав Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана и бывший под начальством К. В. Ломана, на пути из Колымы к Берингову проливу сделал остановку у юго-западной оконечности острова и затем обогнул его с севера. Во время стоянки высадившимися людьми были проведены съемка и опись берега, астрономические и магнитные наблюдения, а геологом экспедиции И. П. Кириченко была собрана геологическая коллекция, доставленная впоследствии в Академию наук и обработанная И. П. Толмачевым.¹

¹ Толмачев И. П., Заметка о геологии острова Врангеля и острова Геральда, Известия Академии наук, 1912 г., № 2, стр. 207—218.

Карта острова Врангеля

По окончании работ судов гидрографической экспедиции „Таймыр“ и „Вайгач“ бывшее министерство иностранных дел 4 сентября 1916 года обратилось к правительствам союзных и дружественных с Россией стран со следующей нотой:

„Значительное число открытий и географических исследований в области полярных стран, расположенных к северу от Азиатского побережья Российской империи, произведенное в течение столетий усилиями русских мореплавателей и купцов, недавно пополнилось новейшими успехами — закончилась деятельность флигель-адъютанта его императорского величества капитана II ранга Вилькицкого, начальника гидрографической экспедиции, которому в 1913—1914 годах было поручено исследование Северного Ледовитого океана. Этот офицер императорского Российского флота произвел в 1913 году опись нескольких обширных местностей, расположенных вдоль северного побережья Сибири, и на 74°45' сев. широты открыл остров, позднее названный „островом генерала Вилькицкого“, затем, поднявшись к северу от Таймырского полуострова, открыл земли, коим были даны наименования: „Земля Императора Николая II“, ¹ „остров Цесаревича Алексея“ ² и острова Старокадомского.

В течение 1914 года капитан Вилькицкий, сделав новые важные исследования, открыл другой новый остров близ острова Беннетта, название „острова Новопашенного“ было дано этому острову.

Императорское российское правительство имеет честь нотифицировать настоящим правительства союзных и дружественных держав включение этих земель в территорию Российской империи.

¹ Северная Земля.

² Остров Малый Таймыр.

Охотник Югунхан

Императорское правительство пользуется этим случаем, чтобы отметить, что оно считает также составляющими нераздельную часть империи острова Генриета, Жаннета, Беннета, Геральда и Уединения, которые вместе с островами: Новосибирскими, Врангеля и иными, расположенными близ азиатского побережья империи, составляют продолжение к северу континентального пространства Сибири. Императорское правительство не сочло нужным включить в настоящую нотификацию острова: Новая Земля, Вайгач и иные различных размеров, расположенные близ европейского побережья империи, в виду того, что их принадлежность к территории империи является общепризнанной в течение столетий*.

Ни одно правительство против этой ноты не возражало, и вопрос о принадлежности острова Врангеля ни у кого не возбуждал каких-либо сомнений. На всех картах — как русских, так и иностранных — остров Врангеля всегда закрашивался цветом России. Россия же всегда считала все острова, прилегающие к северному побережью Сибири, своей собственностью. Экспедиция Врангеля была отправлена в 1820 году, как гласит инструкция Государственного адмиралтейского департамента, „для описи берегов от устья Колымы к востоку до Шелагского мыса и от одного на Север к открытию обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии“.¹

Врангелю, как уже сказано, не удалось ни достигнуть, ни видеть остров, но тем не менее он собрал о нем необходимые сведения и на-

¹ Врангель, Путешествие, I том, 1871 г., стр. 146.

Дети эскимосов

нес на карту с такой точностью, которая позволила капитанам Лонгу, Де-Лонгу, Берри и другим путешественникам сейчас же признать в усмотренном ими острове землю Врангеля.

Царское правительство, декларировавшее свои права на острова Северного Ледовитого океана, не принимало никаких мер к фактическому осуществлению своих прав как вообще на земли, лежащие в Северном Ледовитом океане, так и на остров Врангеля. Это было следствием бессилия царского правительства освоить приполярные пространства или даже развернуть сколько-либо активную хозяйственную деятельность в этих районах. В результате этого при первом стечении „благоприятных“ обстоятельств предпринимаются попытки отчуждения его от территории России.

Эти попытки связаны с именем известного полярного путешественника канадца В. Стефанссона. В 1913 году В. Стефанссон при поддержке канадского правительства организовал экспедицию для обследования района Арктики, лежащего к северу от американских берегов. 12 августа судно экспедиции „Карлук“ вмерзло в лед восточнее мыса Барроу и было отнесено к сплошной массе льда, находившейся в 25 километрах к северу от устья Кельвиля. Решив, что судно здесь и зазимует, Стефанссон с несколькими спутниками покинул корабль и предпринял охотничью экскурсию на материк. Восточный ветер, начавшийся неожиданно на следующий день, оторвал лед, окружающий корабль, и унес далеко в океан. „Карлука“ сначала отнесло на запад вдоль берегов материка, но затем, в начале октября, на виду острова Дизи, под влиянием юго-восточного ветра начался дрейф на северозапад. В половине ноября была достигнута самая северная точка дрейфа под 73° северной широты и 162° западной долготы, после чего северо-восточные ветры начали относить корабль на юго-запад. В начале января 1914 года показался остров Геральда, вблизи которого 10 января на корабле образовалась большая брешь, а на следующий день „Карлук“ пошел ко дну. Экипаж судна, находившийся под руководством опытного полярного путешественника капитана Бартлетта (командир „Рузвельта“ в экспедиции Пири к Северному полюсу), успевший спасти достаточный запас провианта, спасся на остров Врангеля (остров Геральда был недоступен вследствие окружающего его широкого пояса открытой воды). Устроив на острове Врангеля своих сотрудников, капитан Бартлетт с одним эскимосом на собаках достиг сибирского берега и дал знать о случившемся.¹

Узнав о трагическом положении экипажа „Карлука“, Канадское правительство обратилось к российскому с просьбой об оказании помощи оставшимся на острове людям. Работавшие в это время в Чукотском море гидрографические суда „Таймыр“ и „Вайгач“ два раза пытались подойти к острову, но оба раза безуспешно. Первый раз „Вайгач“ 1—5 августа был затерт льдом на расстоянии около 30 миль от острова, а „Таймыр“ задержан льдом еще дальше. Вторая попытка была предпринята 10—12 августа, но оказалась еще более безуспешна.

Одновременно с этими судами в течение полутора месяца такие же безуспешные попытки подойти к острову делало американское судно „Медведь“, и только в сентябре промысловой шхуне „Кинг энд уинг“, принадлежавшей Алафу Свенсону, удалось снять с острова членов Ка-

¹ Евгенов Н., Плавание корабля „Карлук“ и его трагический конец. Записки по гидрографии, 1923 г., том XIV, стр. 289—305. Перевод статьи Эрнеста Гейфа.

надской экспедиции. Среди них было три жертвы. Вероятно тогда и зародилось у главы экспедиции В. Стефанссона желание дать хозяина острову Врангеля. Удобный момент наступил в период революции и последовавших за ней годов гражданской войны, когда иностранные интервенты хозяйничали на окраинах Советского Союза.

1 сентября 1921 года, опираясь на временное пребывание в 1914 году на острове Врангеля членов экипажа „Карлука“, Стефанссон высаживает на остров Врангеля оккупационный отряд. Кроме руководителя отряда Аллана Крауфорда, в состав отряда вошли Найт, Гелль, Маурер и эскимоска Ада Блекжак, взятая в качестве поварихи. Считая, что во время экспедиции питание может быть обеспечено, если не исключительно, то в значительной мере за счет охоты, отряд Стефанссона захватил припасов только на 6 месяцев.

Первое, что было сделано этим отрядом — это поднятие на острове британского флага и объявление следующей прокламации:

Объявление

Объявляется для общего сведения:

„Я, Аллан Радиарт Крауфорд, уроженец Канады, британский подданный, и нижеподписавшиеся члены Врангелевского островного отряда Стефанссоновской арктической экспедиции 1921 года, действующей по поручению и под руководством Вильялмура Сте-

Внутренний вид жилья Г. А. Ушакова на острове Врангеля

Мы все решаем остаться на острове; он т

Люди острова Врангеля

- 1 — эскимосская девушка
- 2 — охотник Инок
- 3 — жена Инок
- 4 — жена Кивьяна
- 5 — охотник Кивьян
- 6 — охотник Пала
- 7 — эскимоска Агыка с ребенком
- 8 — И. М. Павлов

еще наш родной советский остров

Из радиогаммы охотников — эскимосов острова Врангеля (стр. 43)

фанссона, британского подданного, сего числа, приняв во внимание отсутствие объявления прав на остров со стороны иностранных держав и в виду пребывания на этом острове с 12 марта 1914 года по 7 сентября 1914 года оставшихся живыми членов экипажа бригаантини „Карлук“ капитана Р. А. Бартлетта, командовавшего этим правительственным канадским судном Канадской арктической экспедиции 1913—1918 годов, из состава которой присутствует оставшийся в живых главный инженер Мунро, уроженец Шотландии и британский подданный, подымаю канадский флаг и британский флаг и объявляю этот остров, известный под именем острова Врангеля, состоящим в настоящее время под владением его величества Георга, короля Великобритании и Ирландии, доминионов в пределах морей, императора Индии и пр. и пр. и пр., и являющимся частью Британской империи.

Подписанное вложено в этом гурии 16-го дня сентября 1921 года от Рождества Христова. Подписали:

Аллан Крауфорд — начальник
Найт — заместитель начальника
Маурер.
Мильтон Гелль

Остров Врангеля, сентября 16 1921 года
Боже, храни короля“.

В этом документе руководитель оккупационного отряда явно замалчивает вышеприведенную ноту царского правительства. Сознавая это, оккупанты, говоря между собой, ясно представляют всю шаткость своих прав на остров. Так, например, руководитель отряда Крауфорд в письме, отправленном Стефансону после высадки на остров Врангеля, пишет: „... мы спокойны относительно нашей работы здесь, хотя, повидимому, русские думают, что они владеют островом, и их сибирские власти способны нанести нам нежеланный визит“.

Судьба отряда Крауфорда была трагической. Отправленное Стефанссоном на остров в августе 1922 года судно встретило непроходимую массу льдов и принуждено было вернуться обратно. В следующем 1923 году на Врангель отправился спасательный отряд под руководством Нойса на шхуне „Дональдсон“. Когда эта экспедиция прибыла на остров, то нашла только одну эскимоску-повариху и недалеко от ее хижины в спальном мешке тело погибшего Найта. Отряд, прибыв на остров 1 сентября, запоздал к наиболее благоприятному периоду охоты на моржа. А только удачная охота на этого зверя могла иметь для отряда, при его ограниченных запасах провианта и жалком снаряжении, какое-либо значение. Поэтому первую же зиму отряд начал испытывать нужду в продовольствии. Ожидаемый осенью 1922 года пароход со сменой или продуктами не явился. За отсутствием хорошей лодки (а возможно — и в надежде на приход парохода) и в это лето отряд не заготовил достаточного количества продовольствия, и в середине декабря запасы последнего стали иссякать. После первой неудачной попытки достигнуть материка отряд вернулся на остров, где Найт, заболевший цынгой, потерял возможность участвовать в дальнейших попытках достижения Чукотского побережья. Оставив Найта и эскимоску на острове, Крауфорд в сопровождении Маурера и Гелля в конце января 1923 года отправился на материк. Судьба их неизвестна. Очевидно, что они погибли во льдах пролива Лонга, отделяющего остров Врангеля от материка.

Так закончилась первая попытка оккупации острова Врангеля.

Однако, Стефанссон и возглавляемая им специально созданная для эксплуатации природных богатств острова „Канадская компания“ не успокаиваются, и по их поручению Нойс высаживает на остров Врангеля новый отряд в числе 13 аляскинских эскимосов, под командой американца Уэльса.

Если состав первого отряда давал повод вдохновителям и руководителям оккупации говорить о научных задачах, то состав партии

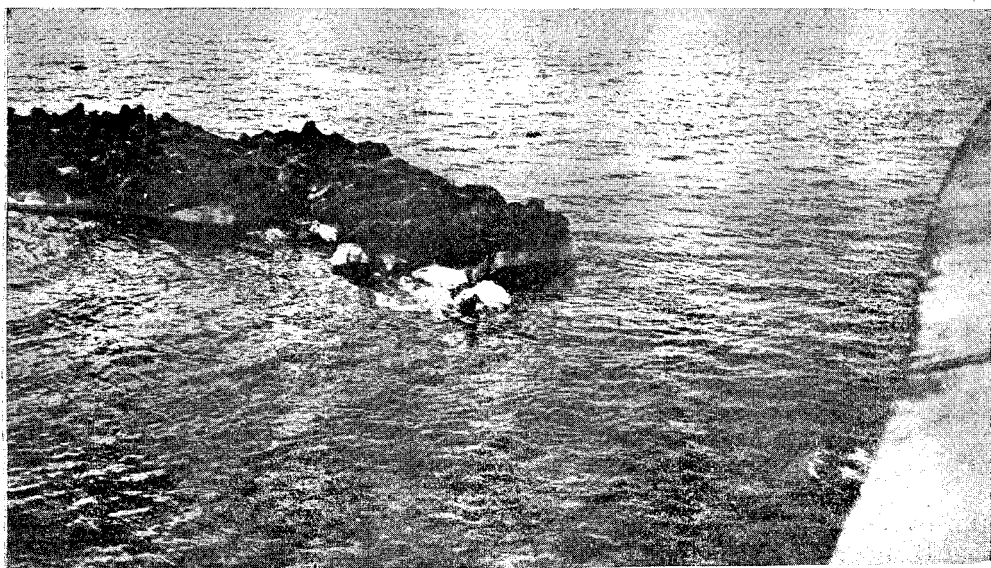
Уэльса ясно показывал действительную цель — колонизацию острова, эксплуатацию запасов его зверя и на почве этого закрепление его за Британской империей.

III

Чем же замечателен остров Врангеля и почему канадцы проявили такую настойчивость в попытках захватить остров?

Площадь острова 7000 кв. километров. Почти две трети этой площади занимают горы. Они вытянулись двумя грядами в широтном направлении вдоль всего острова. Некоторые из их вершин достигают высоты 3000 футов над уровнем моря. Эти горы, как и весь остров, состоят из мощных складок темных глинистых сланцев. В некоторых местах сланцы прорезываются жилами изверженных пород — порфиров и гранитов. Основные породы покрыты тонким слоем темной глины, продукта выветривания глинистых сланцев, составляющего почвенный покров. В горах, особенно на их склонах, почвенный покров почти отсутствует. Здесь господствуют каменистые россыпи.

Климат здесь суров. Зима тянется почти 9 месяцев. Из них 2 месяца падают на полярную ночь. Морозы в некоторые годы в середине зимы достигают -60° . Самая низкая температура, отмеченная на острове, $-68,3^{\circ}$ Ц. Метели свирепствуют на острове в продолжение всей зимы. В одном месте они наметают огромные сугробы и погребают под ними всякое препятствие, в другом же совершенно обнажают почву от снежного покрова. Иногда метели делают почти невозможным какое бы то ни было передвижение по острову. А если принять во внимание, что они начинаются во второй половине сентября и продолжаются до десятых чисел мая, то станет понятной их роль в жизни человека на острове.

Лежбище моржей

Теплый период года — лето — здесь очень непродолжителен, и вряд ли житель средних широт согласится признать этот период за лето. В обычный день летом температура держится на 4—5° тепла, а день, когда температура подымается до 6—8°, считается очень теплым.

В редкие дни термометр показывает 10—12° выше ноля, и тогда неизбалованный теплом житель острова Врангеля считает такие дни жаркими. Повышение температуры до 10—12° тепла является более редким явлением, чем падение ее в некоторые летние дни до минус 3—5°. Обычным явлением в летний период года являются туманы. Льды почти круглый год окружают остров, нагромождаясь в начале зимы в огромные гряды-торосы. Только в августе и сентябре льды ломаются, разрезаются и делают возможным подход к острову.

В прямой зависимости от климатических условий находится растительный мир острова. Из древесных пород на острове нет ни одной. Единственным представителем кустарниковых является полярная ива, но и она в большинстве случаев стелется вплотную к земле. Только как исключение в глубоких горных долинах, защищенных от ветров, можно встретить небольшие заросли ивы, достигающей колена человека. Кроме ивы из цветковых произрастают на острове свыше сотни видов, а из споровых распространены мхи и лишайники. Сплошной растительный покров встречается редко. Растительность располагается миниатюрными лужайками и даже пучками в углублениях почвы, трещинах, ручейках и т. д.

Из насекомых здесь имеется около 30 видов: бабочки, шмели, поденки, жуки, муравьи, пауки и мухи. Очень редко, как исключение, встречаются и комары.

Чрезвычайно интересен мир пернатых и млекопитающих. Он не отличается богатством видов, но зато часто поражает количеством особей. Из птиц зимует здесь ворон, а на лето прилетает около 30 видов. Уже в десятых числах апреля, когда еще стоят морозы, появляется вестница весны — пуночка. В конце апреля прилетают чистики и кайры, а с половины мая воздух оглашается разноголосым птичьим концертом. К этому времени на остров прилетают чайки-бургомистры, моевки, крачки; глупыши, поморники, гуси — черная казарка и белый канадский гусь, гаги, полярная сова, гагары, морские бакланы, несколько видов морских куличков и т. д. Особенно многочисленны гуси, кайры и чайки. В период гнездования они собираются огромными массами, иногда трудно поддающимися хотя бы приближенному учету. Кайры, бакланы и некоторые виды чаек гнездуют исключительно на скалах, образуя так называемые „птичьи базары“. По восточному и западному побережью острова встречаются грандиозные скалы в 300—400 метров высотой, летом сплошь усеянные птицами. В течение всего лета здесь стоит несмолкаемый шум от крика птиц и хлопанья их крыльев.

Менее разнообразен, но не менее богат мир млекопитающих. Из этого отряда животных на острове в большом количестве имеется лемминг — полярная мышь, служащая пищей белого песца, обычного на острове. Кроме мыши и песца на острове обычен и белый медведь, хотя вернее будет его отнести к обитателям полярных льдов, окружающих остров.

В водах, омывающих остров, из морских животных водятся моржи, несколько видов тюленей и белуха. Особенно обращает на себя внимание огромное количество моржей, собирающихся вокруг острова в летний

период. Лично автору не раз удавалось наблюдать одновременно стада моржей в общей сложности свыше 10 000 зверей. Вряд ли имеется на земном шаре еще уголок, где можно было бы встретить в таком количестве этого зверя. Из жизни советского поселения на острове известны случаи, когда охотники возвращались с моря с пустыми руками не потому, что нет зверя, а потому, что его слишком много и охотники, не раз наученные горьким опытом, не решались нападать на зверя.

Эти богатства в первую очередь и привлекли внимание оккупантов, но это не единственная причина „внимания“ их к острову. Благодаря своему географическому положению остров Врангеля по окончании империалистической войны приобрел еще одно значение. В связи с непрестанно растущими успехами авиации и воздухоплавания, с каждым днем все более и более укреплялась идея воздушных путей, которые в недалеком будущем должны пересечь высокие широты Арктики и связать Европу с Америкой и Дальним Востоком. Остров Врангеля, лежащий на линии этих предполагаемых воздушных путей, может стать авиабазой, хозяин которой получит большие и разносторонние выгоды. Это значение острова прекрасно учитывалось вдохновителями оккупации, и Стефанссон в период попыток захвата острова, пытаясь доказать права Англии на него и необходимость включения во „владение короля Георга“, говорит:

„Фалькландские острова лежат у самых берегов Аргентины, но в то же время находятся во владении Англии. Эти острова в мирное время являются необходимостью коммерческой мощи империи, а в военное время должны служить базой для крейсеров. Нам нужно, чтобы остров Врангеля принадлежал Великобритании, как территория для развития ее воздушных сил — дирижаблей и аэропланов, как Фалькландские острова служат нашим крейсерам и шхунам“.

Так думал Стефанссон. Но в своих расчетах он забыл, что остров Врангеля лежит не у берегов Аргентины, а у берегов Советского Союза. Это положение повело к тому, что советское правительство, исчерпав возможности урегулировать вопрос об острове Врангеля дипломатическим путем, летом 1924 года послало из Владивостока экспедицию на корабле „Красный Октябрь“ под начальством Б. В. Давыдова. Экспедиция, преодолев ледяной барьер, окружавший в том году остров Врангеля, достигла берегов его, провела научные работы (астрономические и магнитные определения) и сняла оккупационный отряд Уэльса и на острове подняла флаг Советского Союза. Так была ликвидирована попытка отчуждения острова от территории СССР, а вслед за этим был поставлен вопрос о фактическом закреплении острова за Советским Союзом путем создания на острове советского поселения, что и было сделано в 1926 году.

А. И. МИНЕЕВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

1926 год. На самом краю нашей страны, среди сопок, на берегах красавца „Золотого рога“ раскинулся советский город Владивосток. Город-порт обычно полон шума. Но в эти июльские дни он шумит по-особенному. Трудящиеся Владивостока провожают в далекую Арктику отряд советских полярников, призванных партией к строительству социалистического хозяйства в Советской Арктике.

Георгий Алексеевич Ушаков — начальник острова. Двдцатипятилетний молодой человек еще по-юношески строен, но вдумчивое лицо говорит, что он уже многое видел, многое испытал. Он первый раз едет в Арктику, но она его не пугает. Он большевик, партизан, совместно с другими, руководимыми партией, он бил врага в Уссурийской тайге.

Из Владивостока шло всего 4 человека. В это же время на далекой Чукотке, в бухте Провидения и на мысе Чаплин собирались эскимосы и чукчи — первые поселенцы, едущие осваивать пушные и морские богатства острова; с ними промышленник И. М. Павлов...

8 августа п/х „Ставрополь“ под умелым руководством капитана П. Г. Миловзорова подошел к бухте Роджерс.

Пустынный берег. Кое-где видны еще не истлевшие остатки хозяйничания хищников. Небольшая группа советских людей хозяйственно осматривала необитаемый берег, стремясь определить наиболее удобное место для поселения.

Жизнь на острове забила ключом. На склоне построили дом, а поодаль приютились юрты и палатки эскимосов и чукчей. Работы — непочатый край.

Несмотря на то, что остров известен уже давно, это было все же белое пятно. Г. А. Ушаков взялся за составление карты острова. Нельзя сказать, что карты острова до сих пор не было совершенно, она была, и даже две (1881 и 1911 годов). Но что это за карты? Они не совсем точно отражали действительность.

Много недель тяжелого труда прошло над составлением новой карты. Но вот она готова. Это не последнее слово, но вместе с тем карта, которая наиболее соответствует действительности и до сих пор служит важнейшим научным документом.

На острове велись метеорологические исследования, собирался материал по фауне, флоре и т. д. Кроме научных исследований, колония должна была проделать большую хозяйственную работу. Ловили песка, били медведя, моржа, выкапывали мамонтовую кость, заготавливали моржовый клык и медвежью желчь. За три года поймали 800 песцов, убили около 300 медведей, добыли тонну моржовых клыков, много мамонтовой кости и т. д.

Так прошли три года.

Шел первый год первой пятилетки. 14 июля 1929 года из „Золотого Рога“ вышел красавец „Ф. Литке“ под командованием старейшего ледового капитана Дальнего Востока т. Дублицкого. „Литке“ держал курс на малодоступный остров Врангеля. На этот раз сюда ехало 7 человек.¹

29 августа на борту „Литке“ встретились уже проживший на острове три года состав первой советской колонии и новые зимовщики.

Думали, что эскимосы, завезенные сюда в 1926 году, захотят уйти с острова, поэтому готовились жить на острове только семеро. Но эскимосы уходить с острова не собирались. Г. А. Ушаков за три года совместной жизни и работы доказал эскимосам, что только советская власть, последовательно осуществляющая ленинско-сталинскую национальную политику, способна приобщить необитаемые пространства Арктики и Крайнего Севера к общему строительству социализма, что Врангель также должен стать удобным для поселения островом.

Долгие годы в условиях царской России испытывали эскимосы на себе всю „прелесть частной инициативы“ в виде американских Томсонов, „отечественных“ Чуриных и многих других, грабивших туземцев без зазрения совести, скупавших у них за бесценок пушнину и продававших им различные обиходные товары втридорога. Немудрено, что на этой грабительской „торговле“ возникли такие крупные тузы-хищники в Арктике, как Свенсон из Сеатля и другие. Эскимосам и чукчам есть что вспомнить из проклятого прошлого!

На острове эскимосы жили значительно лучше, чем в Провидении и на мысе Чаплина. Видя заботливое к себе и своим нуждам отношение представителя советской власти, они не хотели расставаться с Ушаковым, многие из них плакали при прощании. Но уходить с острова не было смысла. Тут жилось гораздо лучше, культурней и зажиточней.

Последний раз проревела сирена „Ф. Литке“, и скоро судно скрылось в синеющих даях.

Начались арктические будни. Труды предстояли новичкам большие. Туземцы уже знали условия острова и приостровных вод. Было у кого спросить, с кем посоветоваться, а это в условиях Арктики, оторванности от материка, имеет большое значение.

Быстро текло время у новых поселенцев. Так же, как и в прошлые годы, интенсивно велось изучение острова. Пополнилась карта острова (составленная Г. А. Ушаковым), главным образом описью внутриостровных районов. Собирались материалы по фауне, флоре—гербарии цветковых, мхов, лишайников; из моря добывались различные животные и растения, собирались геологические образцы.

В эти годы найдены образцы каменного угля,— правда, только в выносах рек. Но если есть что выносить рекам, значить будет что добывать

¹ От редакции. Начальником экспедиции был автор этой статьи, большевик, бывший партизан, А. И. Минеев.

В. Ф. Власова — научный работник острова Врангеля

и людям. **Нужно только поискать как следует.** Не прекращаясь ни на один день, велись гидрометеорологические работы. Радия острова ежедневно сообщала на материк о штормах, штилях, морозах и оттепелях и всех других элементах метеорологии.

Своим чередом шла заготовка пушнины, мамонтовой и моржовой кости и др. За первые три года (1929 — 1932) десять туземных хозяйств промышляли в среднем за год 350 песцов. Но доходы хозяйства не ограничиваются шкурками песцов. Ежегодно убивалось в среднем 75 медведей, добывались несколько сот килограммов мамонтовой и моржовой кости, шкуры лахтака — морского зайца, серой нерпы и т. п. Средний годовой товарный доход одной семьи достигал 1000—1200 рублей в ценах 1929 года. Некоторая разность в до-

ходах различных хозяйств имелась, но она не достигала больших размеров. Даже наиболее слабые хозяйства брали товаров не меньше, чем на 600 рублей в год.

Но хозяйство острова характеризуется не только этим. Туземное хозяйство на Севере еще во многом сохранило черты натуральности. Основной продукт питания — мясо моржа и других морских зверей — добывается самими туземцами. Шкуры этих животных играют также большую роль в хозяйстве туземца; эти же звери дают им и отопительный и осветительный материал. Если представить все это в денежном выражении, то зажиточность эскимосских хозяйств будет видна яснее.

Разнообразный ассортимент товаров, завезенных в 1929 году на остров, удовлетворял всем потребностям туземцев: продукты питания, ширпотреба и промыслово-охотничьего снаряжения. Культинвентарь фактории довольно разнообразный, начиная с патефона и кончая кинематографом. Он давал возможность систематически проводить культурно-просветительную работу среди туземцев острова.

Показателем роста благосостояния туземцев может служить увеличение рождаемости и понижение смертности. Миф о неизбежности вымирания туземцев Крайнего Севера, возникший в условиях злейшей капиталистической эксплуатации, уже давно опровергнут советской практикой возрождения ранее вымиравших племен. За пять лет, с 1929 года по 1934 год, на острове Врангеля родилось 21 человек, причем ни один из новорожденных не умер, ни в раннем возрасте, ни в позднейшее время.

В 1931 году к острову была послана парусно-моторная шхуна „Чукотка“. На ней предполагалось дополнительно забросить топливо, продовольствие и другие товары и вывезти с острова пушнину и сырье, которых к тому времени набралось на острове изрядное количество. Но

льды в этом году были крайне неблагоприятны. „Чукотка“ затонула, раздавленная льдами, не добравшись до острова.

Правительство послало новое судно—тральщик „Гагара“. Зимовщики, узнав о посылке нового судна, видя состояние льда, опасались, что и „Гагару“ может раздавить так же, как „Чукотку“. Несмотря на то, что зимовщики уже два года не видели людей с материка и ждали прихода судна с большим нетерпением, они нашли в себе достаточно мужества и отказались от судна. Рейс „Гагары“ был отменен.

В 1932 году должна была произойти полная смена зимовщиков. Но год этот по состоянию льда был еще хуже предыдущего. Посланное судно долго толкалось во льдах в виду острова, но последний был недостижим. И только в начале сентября удалось самолетом вывезти на п/х „Совет“ большую часть зимовщиков и всю легкую пушнину.

Еще год пробыли на острове оставшиеся зимовщики. Несмотря на значительные трудности по сравнению с прошлым годом, работы велись систематически, научная работа проделана была полностью. Улов песка, убой медведя были не только не ниже среднего, а даже превысили этот уровень.

Здоровье населения было хорошим, рождения протекали нормально. Год прошел вполне благополучно.

Летом 1933 года на выручку зимовщиков спешил „Челюскин“. Он шел по еще мало проторенному Северному морскому пути. Ледовитость была тяжелая, и продвижение к острову стоило „Челюскину“ великих трудов.

Встреча зимовщиков на борту „Красна“

В середине сентября остров посетил на самолете О. Ю. Шмидт. Он был убежден, что „Челюскин“ достигнет острова и сменит уставших людей. Но героическое судно, как известно, изнемогло в борьбе с арктическими стихиями и затонуло.

Зимовщики, отправив часть людей самолетом на материк, остались здесь на пятый год.

Не было топлива, керосина, недоставало продуктов питания, но предыдущие четыре года научили зимовщиков многому. Опыт дал возможность выйти с честью из всех испытаний. И в этот год не прерывались ни научные работы, ни заготовка сырья и пушнины. Здоровье островитян и в этом году наперекор всему было хорошим, убыли людей не было; наоборот, был значительный прирост.

Летом 1934 года, закончив работы по спасению отважных челюскинцев, к острову по воле партии и правительства двинулся краснзнаменный ледокол „Красин“.

20 августа 1934 года, как и пять лет тому назад, на берегу острова встретились **пришедшие и уходившие**.

В этот раз сюда было завезено еще больше товаров и материалов, чем в прошлом. Если раньше этим делом занимались организации, не имевшие прямого отношения к Арктике, то теперь, по указанию вождя народов тов. Сталина, создано для освоения громадных территорий Советской Арктики Главное управление Севморпути.

„Красин“ был до отказа завален различными грузами, и красавец ледокол походил больше на загруженный лесовоз, чем на экспедиционное судно. Он привез новые дома, склады, живой скот (коровы, свиньи, бараны), собак, новое радиооборудование, электростанцию и т. д. и т. п. О продуктах питания, ширпотребе, о промысловом снаряжении и говорить нечего, — всего было навезено в достаточном количестве.

Из людей на этот раз пришло 16 зимовщиков и две семьи (14 человек) эскимосов из бухты Провидения.

Зимовка, сменившая нас, как известно из суда над Семенчуком и Старцевым, была очень неудачной. Она чуть не свела на-нет все работы и достижения первых восьми лет.

С прилетом на остров Жердева (в апреле 1935 года) нормальная жизнь и работа на острове восстановились.

В 1935 году краснзнаменный „Красин“ опять посетил остров. Зимовщики, завезенные на год, были сняты, и взамен их осталось новых 17 человек, тоже сроком на год. Весь коллектив зимовщиков смены 1935 года просил Полярное управление Главсевморпути о закреплении всех на повторный год зимовки. Таким образом новому коллективу зимовщиков посчастливилось завершить **первое десятилетие освоения острова** и начать новое — **второе десятилетие**.

Начальнику Острова.
Врангеля т. А. И. Минееву
Посылаю вам
2х птиц вероты и махерка
и (Кувксинак)
1932 { Верона был убит 20го августа
Кувксинак Намадот 22го августа
мертвими. Я был на скали
оуэрник смотрел. Вер. 22го августа
води не видно до Зералда
мы убили морти 25го
и убили одного медведя
Будет паравид или На
Охотник и т.д.

Письмо охотника
острова Врангеля
А. И. Минееву

О НАГРАЖДЕНИИ РАБОТНИКОВ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ ТТ. МИНЕЕВА А. И. И ВЛАСОВОЙ В. Ф.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

За выдающиеся заслуги в области исследования и освоения Арктики
наградить

орденом Трудового Красного знамени

Минеева А. И. — начальника острова Врангеля,
орденом „Знак почета“

Власову В. Ф. — биолога.

Председатель Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР М. КАЛИНИН

И. о. Секретаря Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР И. УНШЛИХТ

Москва, Кремль. 15 июня 1936 г.

Н. И. ЕВГЕНОВ

Б. В. ДАВЫДОВ И ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

Основанию советского поселения на острове Врангеля, десятилетие которого исполняется в текущем году, предшествовал подъем на нем советского флага двумя годами раньше.

С начала 1917 года Дальний Восток был отрезан от Советской страны. В крае свирепствовала контрреволюция, державшаяся на штыках интервентов. Последние хозяйничали в наших водах и на побережьях нашего Дальнего Востока. Их наглость дошла, наконец, до того, что они пытались захватить наиболее отдаленные из наших владений.

Так случилось с островом Врангеля, неотъемлемым достоянием СССР. Высаженные здесь английские и американские подданные занимались хищническим промыслом зверя. А канадцы с молчаливого согласия канадского и английского правительств подняли на острове свой государственный флаг.

В конце 1922 года, с приходом на Дальний Восток советской власти, этому беззастенчивому хищничеству и самоуправству был положен предел; наши побережья были очищены от интервентов.

Обращено было внимание и на остров Врангеля. В 1924 году решено было послать туда морскую экспедицию. Ей надлежало достичь острова и, высадившись на нем, водрузить там флаг СССР и ликвидировать хозяйничанье иностранцев.

Выполнение этой ответственной задачи было поручено поставленному во главе экспедиции, ныне покойному гидрографу-геодезисту Борису Владимировичу Давыдову.

★

Б. В. Давыдов принадлежал к числу самых выдающихся моряков-гидрографов. По окончании Гидрографического отдела Морской академии он после прохождения курса практических работ по астрономии и геодезии в Главной астрономической обсерватории в Пулкове был назначен (в 1911 году) командиром гидрографического судна „Таймыр“, входившего в состав Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана.

На „Таймыре“ Б. В. Давыдов совершил два плавания с научно-исследовательскими гидрографическими работами: первое — от Берингова пролива до устья Колымы, в 1911 году, второе — от Берингова пролива до восточного побережья Таймырского полуострова, в 1912 году. Б. В. Давыдов не только руководил описью полярных побережий, но и лично определил ряд астрономических и магнитных пунктов. Новые морские карты „материалы по лоции от Берингова пролива до р. Колымы“ явились плодом его двухлетних работ.

В 1913 году Б. В. Давыдов был назначен начальником Гидрографической экспедиции восточной части океана. Здесь им была проделана большая работа. Одна длина заснятой под его руководством линии берега равнялась 6000 морских миль или 11 000 километров, положенной на 111 астрономических пунктов, из коих 106 было определено им лично.

Помимо обширного картографического материала, результатом почти 10-летних работ Б. В. Давыдова явился его капитальный труд —

„Лоция побережий РСФСР Охотского моря и восточного побережья Камчатки с островом Карачинским включительно“. Труд Давыдова не только лоция, но и физико-географическое описание охватываемого им района, составленное на основании личных работ и наблюдений.

В тяжелые годы интервенции во Владивостоке Б. В. Давыдов, благодаря своим способностям, исключительной преданности делу, сумел не только сохранить весь аппарат и все имущество учреждения, которым он руководил, но и не прекратил созидательной творческой работы.

В 1923 году, когда Гидрографическая экспедиция Восточного океана была влита во вновь сформированное Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке, Б. В. Давыдов был назначен начальником этого управления. Помимо руководства управлением он участвовал в его морских работах.

Такая операция, как постановка ограждения в Амурском лимане в начале лета 1924 года, проведенная им, несмотря на угрозу направленных с японских миноносцев орудий, была выполнена только благодаря настойчивости, выдержке и самообладанию Б. В. Давыдова.

Понятно поэтому, что при выборе начальника в ответственный поход на остров Врангеля остановились именно на нем, как на человеке энергичном, хорошо знакомом с условиями плавания на Дальнем Востоке и в Северном Ледовитом океане.

Для экспедиции на остров Врангеля была выбрана канонерская лодка „Красный Октябрь“ (бывший ледокол „Надежный“). Этот ледокол предназначался для плавания только в портовых водах и обладал ограниченным радиусом плавания. Но лучшего судна во Владивостоке тогда нельзя было найти.

В один месяц „Красный Октябрь“ был приготовлен к ответственному плаванию. 20 июля под руководством Б. В. Давыдова экспедиция вышла в море, по направлению к Берингову проливу.

В заливе Провидения корабль был до пределов загружен углем. Из имевшихся на нем 560 тонн больше трети (200 тонн) было взято на палубу. Приходилось не считаться с создавшейся чрезмерной осадкой судна, вследствие чего ледовый пояс у его ватерлинии ушел целиком под воду, оставив часть борта незащищенной от соприкосновения со льдом.

Уже в заливе Провидения были обнаружены следы „деятельности“ интервентов. Найден столб с медной маркой, поставленный на месте магнитного пункта, определенного (в 1920 году) американским крейсером.

Выполнив в заливе Провидения некоторые гидрографические работы, экспедиция 9 августа вышла дальше и, зайдя по пути в залив

Б. В. Давыдов

Лаврентия, где были взяты ездовые собаки, 10 августа вступила в Чукотское море.

Правильно учтя направление струй теплого течения, идущего из Берингова пролива на север, „Красный Октябрь“ дошел, не встречая льда, до района острова Геральда. Находясь к востоку от меридиана острова и в расстоянии около 80 миль от восточного побережья острова Врангеля, ледокол вошел во льды. Уже в 10—12 милях на запад от восточной кромки льда судно вступило в сильно сжатый битый лед, в котором встречались обломки полей и преобладали многолетние торосистые льдины. Почти все промежутки между ними были заполнены годовалым льдом. Общее количество льда достигало 9 баллов.

Выжидая перехода северо-западного ветра в восточный, который мог бы улучшить обстановку, „Красный Октябрь“ провел во льдах трое суток, дрейфуя с ними то к югу, то к северу. Но положение оставалось без перемен.

Выйдя 16 августа с трудом из полосы льда на чистую воду, обследовав границу льдов к югу и не найдя в ней слабого места для продвижения на запад, корабль поднялся к северу, ближе к острову Геральда, и 17 августа к югу от него начал пробиваться вновь к Врангелю.

На западе лед становился все тяжелее. Наибольшие трудности встретил корабль на последних 15—20 милях пути к острову. Вся водная поверхность была покрыта льдом. Нагромождения крупных обломков и громадных торосистых многолетних льдов местами поднимались выше палубы судна. Густой туман, снежные заряды затрудняли ориентировку. Но острова Врангеля решено было достигнуть во что бы то ни стало.

Наконец, утром 19 августа 1924 года по темному отблеску на низко нависшем над морем тумане определили, что судно приближается к полынье. Лед стал немного реже, туман постепенно редел, с корабля увидели мыс Уеринг на острове Врангеля, а затем и восточное побережье острова.

Вдоль острова вследствие продолжительного северо-западного ветра льды в расстоянии 2—3 миль от берега были значительно легче проходимы. В дали моря виднелся, наоборот, тяжелый густой лед.

Продвигаясь вдоль побережья, „Красный Октябрь“ обогнул мыс Гавай, юго-восточную оконечность острова, и стал на якорь у бухты Роджерс. При высадке на берег были обнаружены следы недавнего пребывания здесь человека. Найденная вблизи бухты мачта была срублена. К ее обрубку прибита доска с датой посещения острова экспедицией. Несколько западнее входа в бухту Б. В. Давыдов поставил новую мачту, на которой был поднят государственный флаг СССР.

20 августа „Красный Октябрь“ пошел дальше к западу вдоль южного берега острова, тщательно его осматривая. Вскоре на побережье были обнаружены небольшие постройки в виде землянок и парусиновых палаток, среди которых были развешены шкуры белых медведей. В двух найденных записках в бутылках, помещенных на деревянных стойках в районе становища и адресованных капитану ожидавшегося зимовщиками судна, сообщалось, что лица, их подписавшие, вышли отсюда в западном направлении.

Несколько позднее с корабля увидели идущую шлюпку, в которой находились один белый и четыре эскимоса. Как только она приблизилась

к ледоколу и бывшие на лодке люди увидели кормовой флаг ледокола, они резко повернули к берегу и начали грести изо всех сил. Отданное с „Красного Октября“ приказание заставило шлюпку подойти к его борту, и на ледокол поднялись американец Уэльс и бывшие с ним эскимосы.

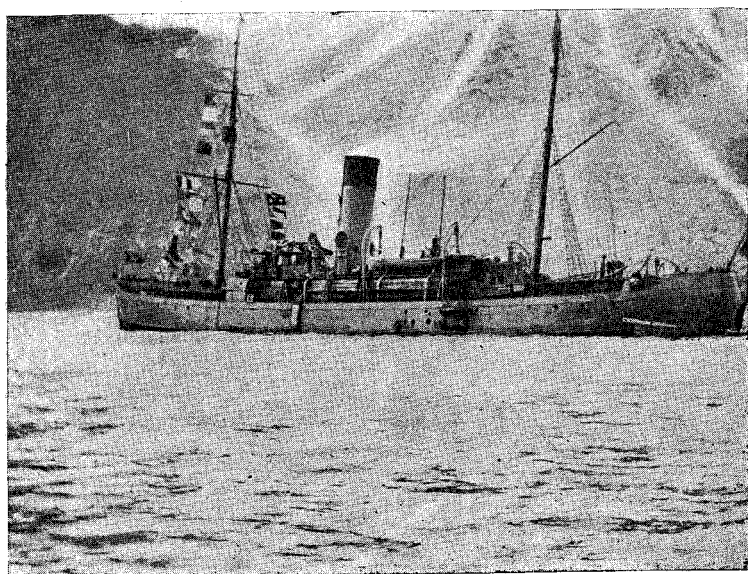
Выяснилось, что на острове находилось 14 человек, из них только один американец—Уэльс, остальные—эскимосы, из коих двое с семьями. На острове они все высажены летом 1923 года. Им было объявлено, что они рассматриваются как хищники, что подлежит конфискации весь их промысел и вооружение. Захватчики острова с их добычей и имуществом были перевезены на ледокол.

Ледокол продолжал свой путь на запад, останавливаясь в разных пунктах южного побережья острова. Одновременно производились возможные гидрографические работы, астрономические и магнитные наблюдения.

*

22 августа „Красный Октябрь“ достиг юго-западной оконечности острова—мыса Блоссом, и на следующий день взял курс поперек пролива Лонга к Чукотскому побережью. Здесь также были встречены весьма сплоченные трудно проходимые льды. Однако, по свидетельству Б. В. Давыдова, характер льда в проливе был иной, чем на переходе от Геральда к Врангелю. Здесь преобладал лед годовалого происхождения, и только на отдельных площадях доминировал многолетний торосистый лед.

В районе мыса Северного (ныне мыс Шмидта) корабль встретил сплоченный лед, поджатый к мысу продолжавшимися упорными северо-западными ветрами. Запасы угля на ледоколе подходили к концу. На дальнейший переход до залива Провидения, где была создана для

„Красный Октябрь“, ныне ледокол „Давыдов“

„Красного Октября“ угольная база, ему хватило бы угля при условии плавания без форсирования льда. Кораблю пришлось здесь остановиться до более благоприятных ледовых условий.

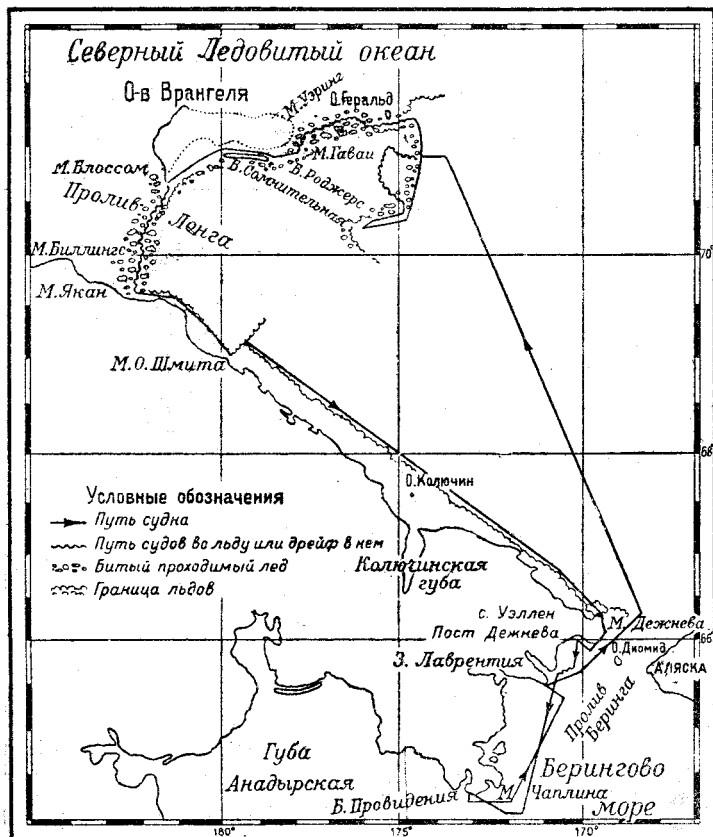
Обстановка, однако, оставалась прежней. Корабль стал готовиться к зимовке. Механизмы на нем были разобраны, пары в котлах прекращены.

Но 25 сентября во льду у места стоянки ледокола были обнаружены признаки зыби. Она шла от ENE. Очевидно на северо-восток от мыса Северного находилось свободное от льдов море.

Из подсчета остававшегося на судне топлива, включая не только уголь, но и запас имевшегося на корабле дерева, выяснилось, что ледокол едва сможет дойти до залива Провидения, и то при условии чистого ото льда моря и при отсутствии встречного ветра. Было, однако, решено, несмотря на большой риск, с этим связанный, предпринять попытку дальнейшего похода.

27 октября „Красный Октябрь“ тронулся от мыса Северного, прошел через 12—15-мильную полосу льда, отделявшую его от чистой воды, и лег по ней вдоль кромки льдов, находившихся вдоль побережья, к Берингову проливу.

Условия похода были крайне тяжелы. По морю шла крупная зыб от востока; северо-восточный ветер усилился вскоре до степени шторма

Карта плавания
„Красного Октября“
в 1924 году

с снегом и туманом. Разгруженный ледокол качало свыше 45 градусов на борт. Однако он был вынужден придерживаться своего курса, идя по кратчайшему направлению бортом к крупной и крутой волне.

30 сентября „Красный Октябрь“ подошел к Берингову проливу. Последний от мыса Дежнева к востоку оказался заполненным льдом. Проход в нем был не под силу кораблю. Войдя в лед, он не смог выйти обратно и стал дрейфовать то от Дежнева к северо-западу, то обратно к проливу. Угля оставалось меньше 14 тонн. В топки котлов ушли все пеньковые тросы, олифа, керосин, большая часть машинного масла и даже корпус моторного катера.

Утром 3 октября легкий южный ветер несколько разредил льды и позволил кораблю после двухсуточного дрейфа пройти к Уэлену. По имевшимся на судне данным, где-то в районе мыса Дежнева имелся в незначительном количестве уголь. Однако, угля в Уэлене не оказалось; он был выгружен по южную сторону Дежневского массива.

Выручила находившаяся в лагуне старая конфискованная американская шхуна. Она была разобрана и перевезена на корабль.

В ночь на 4 сентября „Красный Октябрь“ обогнул вплотную скалистые утесы мыса Дежнева, с трудом прошел, останавливаясь временами из-за падавшего в котлах пара, через местами сгущенные льды и 4 сентября подошел к южному берегу Дежневского выступа. Здесь, на посту Дежнев, действительно оказался уголь. С исключительным трудом часть его была доставлена на шлюпках к кораблю.

6 сентября ледокол достиг залива Провидения, распростившись окончательно со льдом близ входа в залив Лаврентия. На судне оставалось угля менее, чем на полчаса хода. Здесь взяли уголь, позволивший кораблю продолжать плавание и 29 октября вернуться во Владивосток. Правительственное задание было полностью выполнено. Завершен героический поход „Красного Октября“, выполненный коллективом корабля во главе с Б. В. Давыдовым.

По приезде в Ленинград Б. В. Давыдов сделал ряд докладов об экспедиции. Но продолжать свой полярный опыт он уже не мог: сильно простудился, захворал и после продолжительной и тяжелой болезни скончался 30 сентября 1925 года, 42 лет от роду.

Экспедиция, которую возглавлял покойный Борис Владимирович, открыла собою советский период освоения острова Врангеля, и потому имя его неотделимо от истории этого острова.

Правительство не забыло заслуг Б. В. Давыдова. „Красный Октябрь“, на котором он совершил свое историческое плавание, был переименован в ледокол „Давыдов“.

Л. В.

БУДНИ ПОСЛЕДНЕГО ГОДА

Прошел последний десятый год зимовки на острове Врангеля.

Что сделано за этот год? Отвечают факты и цифры текущих официальных сводок-телеграмм, поступающих в адрес Главсевморпути.

Хозяйство острова и его люди растут вместе со всей страной. Коллектив зимовщиков, по-большевистски спаянный, работает дружно и продуктивно.

Вот, например, вопросы быта и помощи туземцам, живущим на острове. Проведено обследование зимовщиков и туземцев, проживающих в бухте Роджерс. Для улучшения санитарных условий регулярно работает баня, регулярно производится уборка помещения.

Проведено медицинское обследование зимовщиков и туземцев с выездом врача в бухту Сомнительная и на мыс Блоссом.

Оказывается помощь по доставке товаропродуктов в отдаленные становища охотников. Для улучшения торговли с туземцами в магазине имеется прейскурант товаропродуктов.

Открываются курсы мотористов-туземцев.

Среди туземцев острова ведется большая политико-просветительная работа. Политбеседы посещает все взрослое население бухты Роджерс. Часто созываются совместные собрания зимовщиков и туземцев. Они активно обсуждают вопросы текущей политики. Политучебой охвачены 100% зимовщиков. Парторг объезжает становища охотников.

В общеобразовательных кружках нехватает учебников. Необходимо срочно прислать учебники на русском и эскимосском языках по арифметике, математике, физике и географии.

Полярную ночь, длившуюся два месяца, провели в обычных темпах работы. За это время включились в стахановское движение, провели квартальную проверку выполнения соцдоговора, несли круглосуточную вахту футштока на льду моря, обучили 5 зимовщиков игре в шахматы.

Бригады охотников на песца в ленинские дни организовали группу сочувствующих ВКП (б).

Вопросы социалистического соревнования и стахановского движения — в центре внимания всех зимовщиков и туземцев острова. Сверх обязательств, принятых зимовщиками станции в соцсоревновании с другими полярными станциями, зимовщики Врангеля обязались перенести и собрать на новом месте разрушенный дом Ушакова, построить дом для приезжающих местных туземцев, организовать питомник ездовых собак и т. д. Метеорологическая служба составляет атлас облаков и систематически наблюдает за солнечным сиянием, снеговым покровом и т. п. Дополнительные обязательства взяли также гидрологи и медицинские работники.

Социалистическим соревнованием охвачены 94% зимовщиков острова. Соцсоревнование развернуто также и среди охотников-туземцев. Пошивочная женская артель зимовщиков включилась в стахановское движение и взяла на себя 24 новых обязательства.

15 января на острове проводился стахановский день, а с 20 января стахановская пятидневка. Коллектив показал образцы организованной работы. Старший механик станции т. **Семенов** сконструировал гидро, т. **Круглов** установил мареограф, освободивший 7 сотрудников станции от несения ночной вахты футштока. Аэролог т. **Зайцев** добился

рекордного пуска шара-пилота на высоту 5428 метров. Одновременно он добился сокращения на 35% времени подготовки к пуску шара. Моторист **т. Куреленко** образцово провел электропроводку в машинном зале станции.

Как выполняется соцдоговор в административно-хозяйственной части? Вот данные на 1 апреля 1936 года. Порчи товаропродуктов не было. Питание зимовщиков находится на высоком уровне. Ассортимент кухни — 130 блюд. Жалоб на культурно-бытовое обслуживание зимовщиков нет. Обучено к упряжке 14 молодых собак, падежа их не было. Обработка всех материалов 1935 года закончена 12 февраля 1936 года. В работе рации перебоев и аварий не было.

В предмайские дни стахановцы острова показали образцы социалистического труда. Механик **т. Семенов** обеспечил бесперебойную работу судовых установок и высокопроизводительную работу катера. Радист **т. Кутуков** обеспечил бесперебойную связь с материком. Неизменно поднимая производительность труда, он добился регулярного приема сводок ТАСС. С помощью этих сводок коллектив находится сейчас в курсе всех политических событий страны и за границей.

Геолог **т. Громов** досрочно закончил камеральную обработку материалов 1935 года. Старший метеоролог **т. Первак** обеспечил бесперебойную работу самописцев в любую погоду и установил три контрольных самописца — сверх программы Главсевморпути. Повар **т. Кузякин** показал образцы овладения техникой своего дела — он обеспечил разнообразное высококачественное питание зимовщиков. В стахановскую декаду в апреле он дал 57 разнообразных блюд.

Охотник-эскимос **т. Таян**, сочувствующий ВКП (б), перевыполнил план добычи медведя на 150% и проявил при этом исключительную инициативу. Охотник-эскимос **т. Ноко** перевыполнил план добычи песка на 14%. Он непрерывно работает над повышением своего культурно-политического уровня.

Председатель пошивочной артели — эскимоска **т. Инкали**, несмотря на преклонный возраст, дает наилучшие показатели по качеству выделки шкуры и по пошивке в срок.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ВЕДЕТ НАС К РАДОСТНОЙ ЖИЗНИ

Радиограмма охотников-эскимосов острова Врангеля

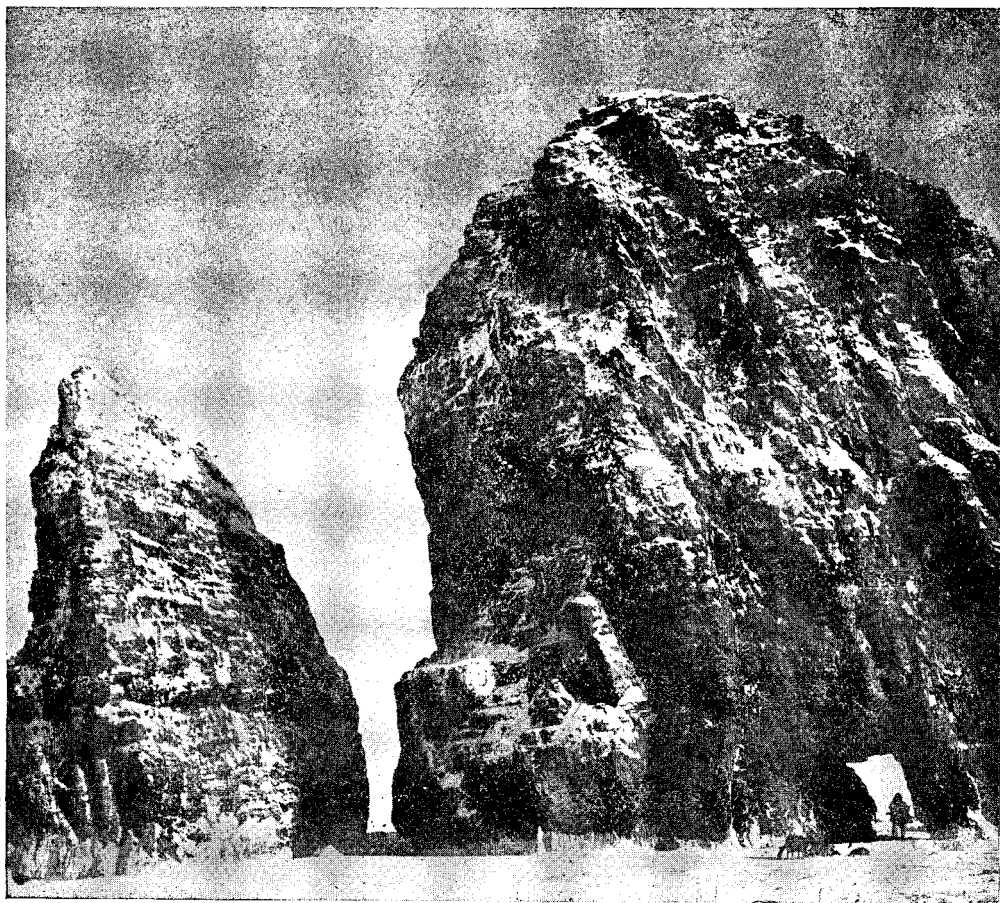
Десять раз зимой пряталось солнце, и было десять больших ночей. Десять раз солнце летом долго оставалось на небе, и было десять больших дней. Десять раз приходили летом моржи и прилетали птицы. Столько мы живем на острове Врангеля.

Иногда мы смотрим назад, чтобы увидеть нашу старую жизнь на Чукотке. Всем нам было тяжело оставлять землю наших отцов и ехать на неизвестный остров, куда нас звал умилек¹ Ушаков. С каждым из нас долго говорил Ушаков. Мы ему поверили. Поехали. Он нам сказал правду. Мы нашли хорошую жизнь.

Когда мы смотрим назад, мы видим, как с умилеком Ушаковым, потом с умилеком Минеевым мы учились узнавать дороги, места, где

¹ Умилек — по-эскимосски начальник.

Мыс Пиляр (остров Врангеля)

живет зверь, учились добывать зверя, которого не встречали на нашей земле. Еще, когда смотрим назад, видим, как один раз мы с Ушаковым шли пешком через остров. Началась пурга, потом сильный туман. Мы шли очень долго, устали, думали — умрем. Тогда Ушаков нашел у себя в сумке и делил с нами маленькие кусочки мяса и хлеба, и мы остались живы. Тогда мы узнали, что советские люди не боятся опасности. И мы узнали, как большевик относится к эскимосу.

Теперь мы знаем остров, как свою ярангу. И горные перевалы знаем, и реки, и ущелья. Мы хорошо научились охотиться на морского и пушного зверя. Таяна убил много медведей, а Нноко добыл много песцов. Мы все хотим быть, как Таяна и Нноко. Мы их все равно догоним.

Раньше, до советской власти, в наших головах было темно, как в большую ночь зимой, когда нет солнца. Нас не учили и школ нам не давали. Теперь мы грамотные. Сейчас есть школа — учатся 8 детей и 7 взрослых. Мы читаем книжки на нашем эскимосском языке. 5 человек изучили мотор, они пойдут на моржовую охоту на катерах. Еще хорошо, что организовали женскую пошивочную артель, которая шьет одежду нам и зимовщикам.

Мы все видим, что стали другими. Лучше охотимся, лучше живем. Мы теперь ходим в баню, лечимся только у врача, чисто моем посуду, умеем печь хлеб. Нам понравилось носить нижнее белье, и мы его стираем. У нас есть европейское платье, и, когда не холодно, мы его носим. Оно чистое и удобное. У нас есть 37 свиней, а фактория дает нам разные продукты и товары.

1 мая мы много танцевали наши северные танцы. Мы немножко учим танцевать по-нашему и зимовщиков с полярной станции. А они учат трех наших эскимосов на радистов и метеорологов.

Мы, эскимосы, всегда говорим правду, и нам нравится рассказывать о нашей жизни. Мы думаем, нас услышат хорошие люди на „Большой земле“ и поймут нас. Мы уже не инородцы, как называли нас до революции. Теперь мы граждане, как все, кто живет и хорошо работает на советской земле.

В наших головах теперь светло. Только прошлую зимовку нам было худо, потому что был плохой, худой Семенчук — чужой и злой человек. А советская власть — это как Ушаков, Петров, Казанский и Минеев, с которым мы жили пять зим. Он нам помогал, мы помогали ему. Летом он нам прислал карточки, книги и конфеты нашим детям.

Нам Казанский и Петров читали, и потом мы сами читали телеграмму о том, что в финляндских газетах пишут, будто у нас на острове восстание против советской власти. Мы искали на карте Финляндию, и нам было очень смешно. Мы, эскимосы, всегда смеемся над людьми, которые врут, и не любим врунов. Они, как собаки, которые по-пустому лают. Наверно, это врут такие же купцы, как те, которые нас грабили до советской власти.

Советская власть ведет нас к радости и к хорошему. Хорошими были люди, которых посылала нам советская власть. Они были товарищами и друзьями нашими. У них мы научились любить свободную жизнь, труд и беречь народную советскую власть, а дураки-купцы не понимают этого. И кто будет драться с советской властью, мы с тем тоже будем драться. А стрелять мы умеем так, что тюленю в глаз попадаем.

Мы все решаем остаться на острове; он теперь наш родной, советский остров.

Самая старая из нас — Инкали сегодня сказала: „Жалею, что старая“. Это потому, что промысел хороший, много друзей и много радости. Мы шлем рабочим привет и спасибо за помощь и советы.

Пусть долго живет наш самый большой и родной умилек и отец Сталин. Мы его любим больше всех на земле.

Охотники - эскимосы: Таян, Иноко, Кмо, Кивьян, Паля, Аналько, Накимак, Нанукали, Ананак, Попов, Инкали, Таслекак, Паипа, Нэканен, Нанакан, Акунга, Нанка, Наби, Нанаун, Инкали, Таян и наши семьи.

Остров Врангеля.

П. Г. МИЛОВЗОРОВ
Капитан-орденоносец

РЕЙС „СТАВРОПОЛЯ“ К ОСТРОВУ ВРАНГЕЛЯ

I

Исполнилось 10 лет со дня советского заселения острова Врангеля.

Вопрос о заселении этого острова возник еще в 1925 году. Осуществление рейса экспедиции возложено было на Дальгосторг, который предполагал приобрести специальное судно „Мод“, принадлежавшее известному полярному исследователю Амундсену.

Но покупка шхуны „Мод“ не состоялась. Рейс был отложен до подыскания нового судна, способного плавать в необследованном еще районе Арктики.

В 1926 году выполнение Врангелевского рейса возложено было на Дальневосточное управление Совторгфлота. Подбор колонистов из местных жителей и снабжение лежали на ответственности Дальгосторга.

Уполномоченный по управлению островами Врангеля и Геральда направлялся Далькрайисполкомом. На этот пост назначен был Г. А. Ушаков. Непосредственное выполнение Врангелевского рейса возложено было на меня. Для экспедиции выбран был пароход „Ставрополь“ — прочный морской грузовик с некоторым дополнительным креплением в носовой его части.

Почему решено было совершить рейс на „Ставрополе“?

Я знал его по предыдущим полярным рейсам. Он очень изворотлив при плавании во льдах и достаточно прочен для маневрирования в них при малом ходе машины. А самое главное — его экономичность в расходе топлива. Сравнительно небольшой расход угля обеспечивал плавание в продолжение всего навигационного периода.

Существовавшее предположение о невозможности ежегодного плавания к острову Врангеля основывалось, по моему мнению, на кратковременных попытках достижения его. Наблюдение же за перегруппировками льдов в навигационные периоды предыдущих длительных полярных плаваний говорило о другом.

Опыт наблюдений показывал, что льды навигационного периода неподвижны могут быть лишь во время сжатия их ветрами с берегом. Но при малейшем ослаблении ветра они неизбежно должны раздвигаться и приобрести, может быть, медленную, но безостановочную перегруппировку.

На этом судне при подборе хорошо дисциплинированного и испытанного в полярном плавании экипажа можно было уверенно брать за доставку на остров Врангеля первых советских поселенцев.

На пароход был взят для воздушных разведок самолет „Юнкерс“, под управлением т. Кальвиц, а для грузовых операций предполагалось взять моторный катер и два кунгаса.

15 июля 1926 года. На борту парохода оживленный митинг. Трудящиеся Владивостока горячо приветствуют решение партии и правительства об отправке экспедиции для заселения острова Врангеля. Все понимают, какое большое значение имеет это мероприятие для дальнейшего освоения Арктики.

После митинга снимаемся в рейс. 18 июля утром мы уже в Хакодате. Принимаем на борт кунгасы, некоторое снабжение. 19 июля выходим в Петропавловск на Камчатке, куда и прибываем 25 июля.

В Петропавловске пополнили запасы угля, воды, снабжения. Здесь же состоялся пробный полет на самолете. Во время стоянки приняли на борт парохода семью охотника Скурихина. 26 июля в 12 часов снялись для следования в бухту Провидения.

В Провидении после медицинского осмотра врачом Савенко приняты т. Ушаковым для поселения на остров семь семей эскимосов, при них 105 ездовых собак.

2 августа. Пришли к мысу Чаплина, где приняли еще четыре семьи поселенцев. 3 августа зашли на Дежневскую факторию. Пост Дежнев — последний пункт пополнения экспедиции поселенцами и экспедиционным снаряжением.

Всего приняты на борт „Ставрополя“ 55 человек поселенцев, из них 5 русских.

В Уэлене нас встретили представители местной власти. Вот что они нам сообщили.

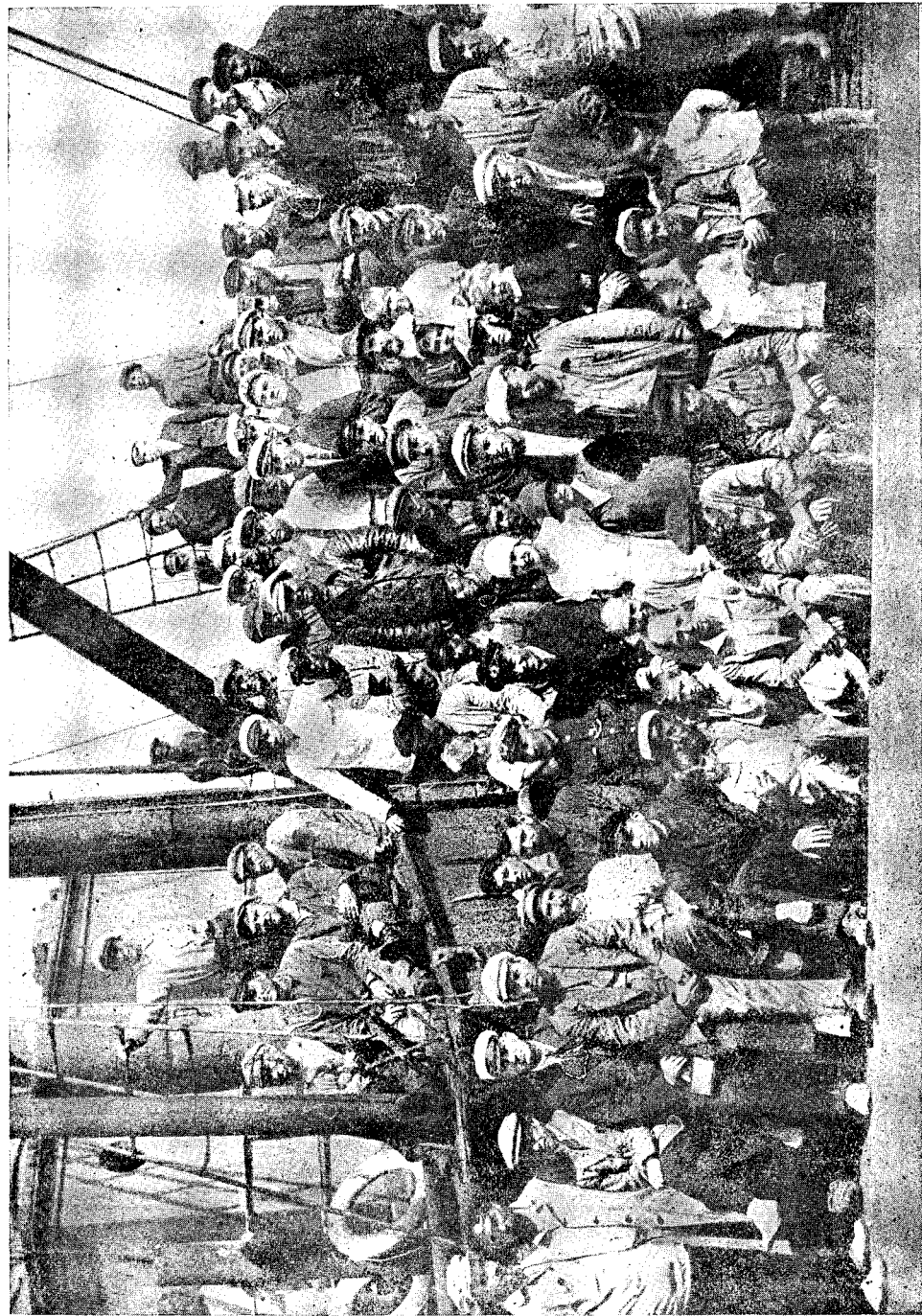
В районе Уэлена, в Беринговом проливе льды не стояли всю зиму. Старого льда к началу зимнего периода не было. Образовавшийся новый лед из-за ветров не мог восстановить общего ледяного покрова. Его взламывало и угоняло к северу.

С 5 по 22 июля почти беспрерывно дули южные ветры, часто с большой силой. С 22 июля до нашего прихода дул переменный ветер со средней силой.

В районе мыса Сердце-Камень лед взломало и отнесло от берега в первых числах июня.

В районе Колочинской губы побережье очистилось от льда в последних числах июня, а у мыса Шмидта, на меридиане острова Врангеля, лед отошел от берега в первых числах июля.

Нам сообщили также, что вскоре после вскрытия льдов в район Колочина были

Будущие экипажи острова Врангеля среди провожающих и команды „Ставрополя“

принесены со льдом две парусные моторные американские шхуны. Одна из них затонула в Колючинской губе, а вторая большая шхуна, построенная из дуба, унесена была вновь на север вместе со льдом.

На обеих шхунах находились запасы продовольствия, все снаряжение было на местах. Это говорило за то, что шхуны были когда-то затерты льдами у берегов Америки. Экипаж бросил их, и, повидимому, в зимний период их принесло со льдом к нашему побережью.

4 августа. В 10 часов отплываем из Уэлена. Держимся предварительно намеченных курсов к острову Врангеля. Сразу же после выхода из Уэлена каждый час измеряем температуру воды и глубины.

К концу дня находимся в 53 милях от берега. Погода держится тихая. На поверхности спокойного моря лишь изредка появляется рябь с небольшой мертвой зыбью от севера. Измеряемые глубины почти совпадают с показанными на карте, с очень незначительными отклонениями. Барометр в продолжение суток постепенно поднимается до 5 мм. Небо — преимущественно облачное. Оно мешает астрономическим наблюдениям.

5 августа. Облачность также не дает производить астрономические наблюдения. Барометр до полночи стоит спокойно, без колебаний на 776,5 мм. В утренние часы наблюдаем усиленный перелет уток от востока к западу. Этого ранее не замечалось. Птицы обычно добывают себе корм на плавающих льдах. Это давало основание предполагать, что они летят ко льдам, которых со стороны их перелета, т. е. у берегов Америки, нет. Пройдя курсом еще около 3 часов, видим остров Геральда.

6 августа. Подошли к краю крупного рассеянного льда. Наличие льда у берегов островов Геральда и Врангеля не являлось неожиданностью. На их нахождение в этом районе определенно указывали уэленские сведения о южных ветрах с 5 по 22 июля. Влияние этих ветров на льды, находившиеся в июне у побережья Чукотки, вполне было очевидно: сильный ветер угнал льды на север и держит их у побережий островов.

Приспосаблимость парохода „Ставрополь“ к плаванию по данному рейсу была недостаточна. Сделанный перед рейсом ремонт безусловно не дал потребной прочности. Отсутствие у судна соответствующих обводов корпуса, что главным образом требуется от судов, посылаемых в районы ледяного полярного плавания, заставило выработать для рейса сложную программу плавания в районе льдов.

Насколько удачно осуществлен этот план? Прежде чем войти в лед, идем на юг вдоль границы льдов, чтобы выявить их расположение, степень ледовитости, а также характер. Так покрыли мы 116 миль. Спу-

стившись по границе льдов, входим в ледяной залив. Туман ограничивает видимость горизонта до одной-двух миль. Штормовой юго-восточный ветер развивает крупную зыбь. Она, ударяясь в границы льда, дает высокий прибой волн. Именно это указывало, что ледяная полоса значительно сжата ветрами.

Плотная граница льдов при штормовом прижимном ветре определенно говорит о том, что ледяная полоса держится до берегов острова Врангеля с восточной, юго-восточной и южной сторон. Обследование отмечает полосу льдов у берегов Врангеля на 60—70 миль.

Чтобы не быть зажатыми льдом, мы вскоре выходим из ледяного залива. Продолжает держаться крупная зыбь от юго-востока, хотя ветер уже подул от северо-запада. Будучи убеждены в невозможности подхода к острову Врангеля из данного пункта, ложимся курсом на восточную сторону острова Геральда.

Почему взяли именно этот курс?

Льды, надвинутые ветрами по направлению в пролив между островами, имели свободную воду под северными подветренными берегами островов Врангеля и Геральда. Выходя за линию островов, они сейчас же выступали на простор и двигались естественно быстрее.

Льды же, облегая острова Врангеля и Геральда в других местах и упираясь в них, под нажимом ветра только сжимались плотнее. Выяснив состояние льдов в проливе между этими островами, намечаем пункт входа в лед с юго-восточной стороны острова Геральда.

7 августа. В тумане открылась верхушка острова Геральда. Почти в тот же момент в северо-западном направлении видим лед и, подойдя к нему, уменьшаем ход судна. Прижимный юго-восточный ветер сменяется на северо-западный. Это обещает самые выгодные условия плавания. Лед в такие моменты, сейчас же после ослабления напора ветра, начинает распускаться в сторону чистой воды.

Вошли в лед. Лавируя в просторных прогалинах, продвигаемся к южной стороне острова Геральда. Сгущенные льды сравнительно легко преодолеваются даже при малом ходе машины. Подойдя в таких условиях на расстояние 4—5 миль к острову Геральда, изменяем направление и придерживаемся северо-восточной части острова Врангеля. Туман постепенно рассеивается. Горизонт становится видимым на далекое расстояние.

Вот открылась и северо-восточная часть острова Врангеля. Туман совершенно исчез. Видимость позволяет рассмотреть состояние льдов с мачты парохода. До северо-восточного мыса Уэринг уже около 5—6 миль. На этом расстоянии везде рассеянные льды.

В пути замечаем большое лежбище моржей. Вот показывается одно стадо, второе, третье. Их много. „Ставрополь“ со всех сторон окружен этими интереснейшими животными. Ничто их не пугает. Они не обнаруживают ни малейшего беспокойства. Несколько штук моржей убили для корма собак.

Приближаемся к мысу Уэринг. Расстояние до него две мили. Лавируем между рассеянным льдом, измеряем глубины лотом. Через несколько часов продвижение во льдах стало невозможным. Принуждены остановиться, для чего подходим к берегу на расстояние полумили. Становимся на якорь. Отправляем к берегу шлюпку, на которой выехали для осмотра гавани и острова т. Ушаков и часть команды.

Налегает густой туман. Лед движется на запад. Начавшийся еще с полночи 6 августа северо-западный ветер к полдню стихает совершенно. Лды у берега заметно

редеют, раздвигаясь под действием приливо-отливных течений.

8 августа. Утро. Посылаем к берегу вельбот за товарищами, возвратившимися с разведки. Они дошли до флага СССР, установленного в гавани Роджерса в 1924 году экспедицией наледоколе „Красный Октябрь“. Флаг оказался там, где он был поставлен: отломилась лишь половина флага, сделанного из кровельного железа.

Признаков присутствия на острове людей не найдено. На первой поперечной кошке гавани Роджерса сохранилась заброшенная землянка, которая, как мне было известно, была на том же месте и во время посещения бухты „Красным Октябрем“. Землянка эта воскрешает память о канадцах-хищниках, которые были удалены с острова в 1924 году.

К 9 часам утра приливо-отливное течение раздвинуло льды настолько, что продвижение в них вдоль берега стало возможно.

На борту „Ставрополя“ перед отправкой

Снимаемся с якоря. Продвигаемся к гавани Роджерс. Пройдя около 7 миль, наконец, добираемся до гавани. В первой же бухточке отдаем якорь. Глубина 22 фута.

II

Начальник острова Ушаков и я выходим на катере для обследования берега на запад от бухты Роджерс. Прошли около 12 миль. Не дойдя еще до кошки гавани Сомнительной, пристаем к берегу для осмотра с возвышенной части дальнейшего района на запад.

Вход в гавань Сомнительную лежал на расстоянии около 15—17 миль от нашей остановки. С холма видно, что эта гавань имеет отлогий, открытый северо-западным ветрам берег, площадью 10—15 миль вглубь острова, и лишь далее видны горы.

Бухта Роджерс несомненно имела преимущества. Берег острова в районе ее ровный, возвышающийся над уровнем моря до 40 футов, с небольшими увалами у спадающих с вершин ручьев. У ровной береговой площади поднимаются высокие холмы, защищающие от суровых северо-западных и северных ветров. Последнее преимущество этой бухты перед Сомнительной решило вопрос о выборе для заселения именно Роджерс.

9 августа. Утром возвращаемся на пароход. В 7 часов спустили на воду гидросамолет, кунгасы. Начались грузовые операции. В первую очередь выгрузили разобранный дом. Вот высадились на берег и эскимосы. Они стали хлопотливо располагать на берегу свои временные юрты.

11 августа т. Ушаковым совершен был вокруг острова полет на гидроплане. Удалось составить полную картину льдов около острова Врангеля.

12 августа. Все грузовые операции закончены, в том числе и выгрузка 85 тонн угля. Часть экипажа отправляется на берег для сборки дома экспедиции. Другие укрепляют деревянные упоры в трюмах „Ставрополя“.

14 августа. Вечер. На месте постройки уже поставлены стены дома с косяками дверей. Поставлены стропила для крыши.

Еще 13 августа часть команды, освобожденная от работы на берегу, вела подготовительные работы к походу „Ставрополя“ в обратный путь. 14 августа на судне все уже было готово к отплытию.

15 августа в 11 часов весь экипаж вернулся на судно. В кают-компании собрались начальник острова т. Ушаков с женой, доктор с женой и вся администрация парохода.

Устроен прощальный обед перед проводами нас в обратный путь — во Владивосток.

Получаю от т. Ушакова указание зайти при обратном следовании на остров Геральда и там, во исполнение решения правительства, поставить флаг СССР.

„Ставрополь“ снялся с якоря. Тихая погода. Берем направление на восток к мысу Гавай. Состояние льдов нам благоприятствует. Прогалины в рассеянном льду настолько просторны, что лавировать среди них можно без риска полным ходом.

Вот пройден и мыс Гавай. „Ставрополь“ ложится вдоль восточного берега острова Врангеля. От берега нас отделяют две мили.

Остров Врангеля — в тумане, а спустя 10 минут густой туман опеленал и водное пространство. Берем направление на южную оконечность острова Геральда.

16 августа. Встречаем редкий рассеянный лед. Он дает возможность лавировать судну между льдинами полным ходом...

„Ставрополь“ прошел уже от острова Врангеля 21 миль. Входим в густой лед, заставивший убавить ход судна до малого. Позднее лед снова стал реже. Но туман продолжает держаться очень густой. Несмотря на поредевший лед, идем малым ходом. Мы находимся уже на расстоянии около 33 миль от острова Врангеля. Изменяем курс на сближение с островом Геральда.

Утром подходим к юго-восточной стороне острова. Становимся на якорь в расстоянии полумили. Отправляем шлюпку для осмотра берега. Надо было выбрать место для поднятия флага СССР. Но шлюпка вскоре вернулась обратно. Обследованный берег оказался неприступным: отвесно спускаются к морю высокие скалы.

После долгих поисков места находим его в юго-восточной части острова, где 17 августа на южной стороне крутого мыса острова Геральда установили флаг СССР.

Поднятие мачты на острове Геральда с флагом СССР засвидетельствовано актом, копия которого оставлена при флаге. Она запечатана в бутылке и прикреплена к мачте проволокой.

Снимаемся с якоря. Идем к Берингову проливу. 18 августа остановились у мыса Шмидта, после чего пароход благополучно вернулся во Владивосток.

★

Со времени рейса „Ставрополя“ прошло ровно десять лет. Десятилетие советизации острова Врангеля входит большим этапом в историю освоения Советской Арктики.

Н. П. САВЕНКО

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Весною 1926 года, просматривая владивостокскую газету „Красное Знамя“, я узнал о предстоящей экспедиции на остров Врангеля. В объявлении, помещенном т. Ушаковым, сообщалось, что для советской колонии острова нужен врач. Скоро я получил согласие т. Ушакова на мое участие в экспедиции.

14 июля 1926 года все мы были уже на борту парохода „Ставрополь“. 15 июля в 4 часа дня снялись из Владивостока.

В то время у нас не было еще всех необходимых средств освоения Арктики. Мы отправились на судне нормального типа. Чтобы сделать его менее уязвимым в ледовых арктических условиях, понадобилось сменить несколько тысяч заклепок и сделать деревянные распоры в трюмах.

На всю восточную Арктику в то время была только одна Анадырская радиостанция, которая, к тому же, работала очень плохо. Но что она могла нам дать, если в нашем распоряжении не было своей радиостанции?

В Петропавловск на Камчатке мы прибыли 25 июля. Здесь пополнили запасы угля, пресной воды и взяли остатки заготовленного для нас снаряжения. В Петропавловске в состав экспедиции вошел промышленник-охотник **Скурихин** с женой и пятилетней девочкой.

30 июля были уже в бухте Провидения, предварительно побывав на мысе Чаплина. Приняты на борт „Ставрополя“ завербованные для поселения чукчи и эскимосы в числе 10 семейств, а также т. **Павлов** Иосиф Миронович, который ехал с нами в качестве переводчика и старшего промышленника. Он вез с собой семью — жену-эскимоску и дочь.

2 августа прибыли в Уэлен. Началось плавание по Ледовитому океану. 5 августа при хорошей видимости вошли в полосу льда. На сколько видел глаз, горизонт впереди нас весь был заполнен льдом. Милих в 35 от нас виднелись контуры гор острова Врангеля. Не заходя в полосу льда, „Ставрополь“ прогуливался у его кромок в течение суток и, наконец, заметив начавшуюся подвижку, вошел в лед. Мы были в высшей степени „деликатны“ со льдом. Он мог повредить и без того слабый корпус „Ставрополя“.

7 августа в 9 часов утра подошли к мысу Гавайи на острове Врангеля и бросили здесь

якорь. Дальнейшее продвижение на запад к бухтам Роджерс и Сомнительной было невозможно из-за скопления льда. На берег поехали в спущенной на воду кожаной байдарке т. Ушаков, Павлов и трое чукчей. В ночь с 7 на 8 августа наши разведчики вернулись на судно. Нам стало известно, что до бухты Роджерс с трудом еще можно добраться, но пройти к бухте Сомнительной, где мы должны были бы высадиться, вряд ли под силу „Ставрополю“.

8 августа в 12 часов дня мы уже стояли на якоре в бухте Роджерс. Угрюм и неприступен был остров. Громадой покрытых снегом гор стоял он против нас. Бухта забита пловучим льдом, который со скрежетом терся о борта судна. Воздух влажен и холоден. Шел снег, температура воздуха ниже нуля. Семь суток днем и ночью шла выгрузка с парохода и строительство бревенчатого дома.

14 августа вечером барометр начал падать. Ушаков решил судно дольше не задерживать.

15 августа в 12 часов дня все сидели в кают-компании „Ставрополя“ за прощальным товарищеским обедом. Ровно в час дня раздался гудок. Крепко пожав руки нашим морякам, мы сошли в байдарки. Время не позволяло медлить. Пока мы сходили по трапу, на судне уже поднимали якорь. Дав три прощальных гудка, „Ставрополь“ пошел из бухты. Через 10 минут судно скрылось в тумане.

На берегу нас ожидали наскоро разбитые палатки и много неотложных дел. Надо было достроить дом. Он еще стоял без окон, дверей, не было потолка, печи. Надо срочно соорудить склад и перебросить в него весь экспедиционный груз — 5—6 тысяч пудов.

Трое суток ночуем в палатках, днем работаем, строим. 20 августа дом в основном

был готов, даже печи установлены и выведена капитальная труба на крышу. В доме тепло и уютно. В этот день можно было первый раз хорошо отдохнуть, выспаться, чтобы набраться новых сил.

21 августа начали строить склад, который занял у нас 4 дня. Погода портилась. Стояли морозы, на море за ночь образовалась шуга. Надо спешить убрать грузы, скорее приступить к охоте на моржа. Так, занимаясь и тем и другим, мы жили эти дни. В конце сентября все грузы были уже в складе, а часть из них размещена по комнатам.

День убывал, крепчали морозы. Уже регулярно работала гидро-метеорологическая станция. Всех нас волновала приближающаяся полярная ночь. Она наступила 21 ноября. Мы были так заняты своими делами, что не сразу успели ее заметить.

Пурга — бич острова Врангеля. Она господствует всю зиму с редкими перерывами. От наблюдателя гидрометстанции требуется в этих условиях большое усилие, чтобы три раза в день посетить станцию. Каждый раз, для того чтобы выйти из дому, надо откапываться, перекидывая не менее 3—5 кубометров снега.

Каждый раз в сильную пургу выход на станцию был не только тяжелым, но и рискованным. При температуре —40° и ниже ураганом проносился ветер над пригорком, где была расположена гидрометеостанция.

Полярное лето все мы переносили прекрасно.

★

В июле 1927 года, после годичного нашего пребывания на острове, нас посетил сначала самолет „Юнкерс“, который пилотировал т. Кошелев, а через день к нам прилетел самолет „Савойя“, пилотируемый т. Лухт. На этом же самолете прилетел т. Красинский. 17 июля оба самолета мы проводили на материк. Оправили добытую за год охоты партию белого песца.

Самолеты доставили нам комплект газет за 1926—1927 годы, личную и служебную почту. С 18 июля у нас ежедневно в столовой на столе лежал „свежий“ номер газеты.

В напряженном труде пробыли на острове еще один год.

В августе 1928 года мы ожидали к себе пароход — смену. Но полярные льды плотным кольцом окружили остров, не верилось в возможность смены. Приготовились к третьей зимовке...

Приведу выдержку из дневника: „29 декабря 1928 года. Сегодня проснулся около 5 часов утра. Спал под меховым заячьим одеялом. В комнате температура 7° ниже нуля. До утренних метеорологических наблюдений остался 1 час 20 минут. Я нарочно поднялся пораньше. Надо было заблаговременно откопать снег, без чего нельзя выйти из дома.“

Открыв дверь тамбура, увидел, как и всегда, сплошную стену плотного снега. Начал копать и выбирать снег. Через час сделал в снегу небольшой проход, не дойдя еще до конца снежной стены. Я забрался в сделанный мною проход и, действуя там лопатой, буравил снежную стену. Ровно в 7 часов я был уже на станции.

Весь путь от тамбура до станции (50 метров) я прополз, так как подняться абсолютно невозможно. Порой ветер переходил в ураган. Фонарь держал в зубах. Захватывало дыхание. Температура ниже —37° Ц.

Едва успел взять отметки максимального и минимального термометров, как задуло ветром фонарь. В темноте, не видя никаких ориентиров, пополз домой. Через 15 минут был уже в тамбуре и, забрав фонарь, вновь пополз на станцию. На этот раз удалось взять все отметки. В 8 часов 45 минут утра был уже дома.

Дом наш занесен со всех сторон снегом, только одна труба и часть крыши остались свободными. Топим углем железный камин и едва удерживаем в комнате температуру 6° Ц выше нуля. Линолеум на полу хрустит, он еще не отошел от ночного холода. Но в кухне тепло. В половине двенадцатого опять иду с фонарем на станцию. Вторично надо откапываться. Пурга свирепствует еще сильнее.

В 12 часов 40 минут ползком снова направился на станцию. В пути порыв ветра вырвал у меня фонарь, который мелькнул в воздухе и погас. Попытался подняться и броситься за фонарем, но ветер опрокинул меня и покати. Метрах в 15 был откос, а дальше — замерзшая бухта. Пока я катился к откосу, ветер сорвал с левой руки рукавицу, кисть руки побелела. Я напряг все усилия и начал цепляться за снег. Все же удалось задержаться. Минут через двадцать я был уже в тамбуре, растер руки снегом, спиртом и, не теряя времени, взяв новый фонарь, отправился на станцию. Когда брал станцию, мороз сковывал веки, нельзя было свободно дышать.

Температура воздуха в 1 час дня была 42,7° Ц ниже нуля, сила ветра свыше 40 метров в секунду.

Вечернюю 9-часовую станцию пришлось брать с еще большим трудом. Пошел на станцию через чердак комнаты т. Павлова. Это значительно удлинило путь. При такой погоде каждый метр лишнего расстояния является труднопреодолимым препятствием. Ползком добрался до станции. На обратном пути я потерял ориентировку и едва попал домой.

Барометр в течение всего дня падает. Чувствую большое удовлетворение, ибо взял сегодня три полных станции“.

Не зная, придет или нет за нами судно осенью (мы знали, что судно пошлет, но не были уверены в его подходе кострову Врангеля), мы готовились к четвертой зимовке.

В июле 1929 года к нам прилетел самолет, пилотируемый т. Кальвица, и на нем вторично прилетел т. Красинский. Из рассказов прилетевших товарищей и полученной корреспонденции мы узнали, что за нами придет ледорез „Ф. Литке“. Нам подробно описали это судно, его прекрасные ледорезные качества, но, глядя на льды, мы не верили в возможность их покорения.

Проходили дни, уже наступила осень, крепчали морозы. Льды стояли перед нами стеной, а судна все не было.

Утром 29 августа нас разбудил крик эскимоски Инкали: „Пароход идет, пароход идет!“ Мы быстро оделись и вышли на берег. Действительно, шел пароход. Обменялись салютами флага, и сейчас же на байдаре тт. Ушаков, Павлов и я отправились на судно.

У борта „Литке“ собралась команда и смена зимовщиков. Ждали нас с каким-то непонятным молчанием. Вид наш удивлял гостей. Мы были чистыми, побритыми, цветущими. Гости были рады нашему виду. Они ожидали увидеть нас совсем другими. О нас на материке слагались легенды. На-

пример, по одной версии обывателей, мы были уже душевнобольными.

Встреча взволновала всех. Через полчаса мы взяли с собою в байдарку журналиста т. Рихтер и вернулись на берег. Почти одновременно к берегу причалил бот, посланный с „Литке“, на котором приехали остальные гости.

Сверкающая чистотой кухня, на полу ни пылинки. Кухня и комнаты были и могли служить образцом чистоты и культурного уюта...

5 сентября 1929 года мы уже были на борту „Литке“. Вечером провели торжественный прощальный вечер, на котором коротко подвели итоги сделанному.

Спокойные за судьбу своих товарищей, остающихся на острове в обжитом доме (на острове уже имелись радиостанция, новый дом, баня, второй склад, моторные плывучие средства, опыт наших трех зимовок), мы пожелали им успеха в работе и после ужина снялись с места и ушли в океан.

Тяжело было прощаться с Арктикой. Мы прощались с каждым куртуром острова, точно желая на всю жизнь запечатлеть все виденное.

З. А. УШАКОВА

ТРИ ГОДА

8 августа 1926 года мы высадились в юго-восточной части острова в бухте Роджерса. Первое время жили в палатках. На мою долю выпала масса хозяйственных забот, которые я выполняла с большой готовностью.

Трудно было себе представить жизнь в палатках, на необитаемом острове, лишенном каких бы то ни было удобств. Большую работу пришлось мне проделать по отоплению нашего строящегося помещения, в то время как Г. А. Ушаков вместе с туземцами много времени был занят охотой, готовя запасы к предстоящей суровой зиме.

С наступлением зимы (5 сентября) мы переселились в дом, который ничем не отличался от жилья на материке, если бы не отсутствие электричества и радио. В течение 2 месяцев продолжалась полярная ночь. Зима была суровая. Большого труда стоило уберечь единственную живность, привезенную на остров — двух свиней.

Воду мы добывали из снега, который был настолько крепок, что его приходилось пилить пилой или колоть топором. Особенно трудно было в дни стирки и ванн; отсутствие хозяйственного мыла (нам не выгрузили с парохода) еще больше затрудняло работу.

Кроме хозяйственных работ, я помогала Г. А. Ушакову проявлять и печатать фото-

снимки, приводить в порядок гербарий, препарировать чучела пернатых.

В непрерывной борьбе с холодной и суровой зимой, сильными метелями и заносами, провели мы на острове три года. В течение трех лет мы были оторваны от Большой Земли, ни один пароход не заходил к нам.

Эти три года закаляли нас и дали много сил. Мы уезжали гордые от мысли, что положили начало освоению и изучению острова. Привезенные туземцы охотно остались на острове и начали оседлую жизнь.

Несколько слов о женщине-эскимоске. Она несет большую работу: охотится, выделывает шкуры, шьет одежду, обувь и ведет хозяйство. Я вела работу среди женщин; приходилось приучать их умываться водой, расчесывать волосы, носить платье и другим „премудростям“ культуры. Эскимоски не имели понятия даже о хлебе. Надо было научить их печь хлеб.

Через некоторое время результаты стали заметны. Я была очень довольна, радовалась, что привила хоть эти минимальные культурные навыки.

Уезжала я с сознанием, что принесла может быть небольшую, но все же пользу в том большом деле, которое было возложено партией и правительством на первую экспедицию по освоению острова Врангеля.

Е. М. КОШЕЛЕВ

ПОЛЕТ НА ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

18 июня 1927 года из Владивостока вышел парохрд Совторгфлота „Колыма“. Вел его опытный поляряк, капитан П. Г. Мило-**взоров**. Это была первая попытка установить регулярное сообщение с районами севера Якутии.

Рейсы к устью реки Колымы уже были регулярными, накопился многолетний опыт, выяснены были условия плавания. Другое дело — поход к устью Лены. Здесь нужно было еще установить, насколько технически выполнимы рейсы, можно ли наладить регулярное сообщение этой части Северного побережья с Владивостоком.

Эти задачи были возложены на специальную экспедицию, организованную Совторгфлотом и Осоавиахимом. В воздушную часть экспедиции входило два гидросамолета — „Ю-13“ и „Савойя-16“. Экипаж состоял из пяти человек; начальника экспедиции Г. Д. **Красинского**, летчиков тт. **Лухт**, **Кошелева**, бортмехаников тт. **Побежимова** и **Егеря**.

Нам предстояло впервые совершить продолжительный перелет на гидросамолетах над водами Северного Ледовитого океана. Надо было, кроме того, установить связь с советской зимовкой на острове Врангеля, завезенной в 1926 году капитаном **Мило-взоровым** на пароходе „Ставрополь“.

Хорошо помню наш полет на этот остров. Вылетели мы вдвоем с **Побежимовым** 15 июля от мыса Северного. Не было у нас ни радио, ни даже соответствующего компаса. После нас должны были вылететь тт. **Красинский**, **Лухт** и **Егеря**.

Через несколько часов полета попали в метель и туман. Перешли на бреющий полет, до высоты 2—5 метров. Видимость все же плохая... Вдали показалось темное пятно. Подлетаем ближе и убеждаемся, что это остров Врангеля. Странно, однако, не видно ни жилья, ни места для посадки. Берег сплошь забит льдами, громоздившимися друг на друга. При посадке в таком месте от самолета остались бы одни осколки.

Побежимов показывает, что бензин на исходе. Место для посадки нужно было искать как можно скорее. Пролетев еще немного, увидели бухту, по карте — бухту **Роджерс**. На берегу иранги (эскимосское жилье), шевелятся люди. На одном домике красный флаг.

Спускаемся ниже, коснулись воды, благополучно сели. Подошли к берегу. Со всех сторон к нам бегут эскимосы, замечаем среди них и русских. Трудно передать общую радость встречи.

Нас окружили начальник острова т. **Ушаков**, доктор, учитель и их жены.

— Как живете, товарищи, скучно вам тут?

Ушаков улыбается:

— Еще года 2—3 можно здесь поработать. Время для изучения острова есть, провизии достаточно, охота хорошая, бьем медведей, моржей, песцов.

Я полез в карман кителя за папиросой и вытянул, нивесть какими судьбами, случайно попавший туда стекодный алмаз.

— Алмаз! Алмаз! Алмаз!

Это слово сильнее и громче выкрикивали окружающие меня люди.

— **Ефим Михайлович**, да ведь вы привезли самое необходимейшее для нас — свет, тепло. У нас большие запасы стекла, но нечем его обрезать для вставки в раму. Уж мы и в воду его кляли, и горячим шомполом резали, ничего не выходило. Приходилось окна забивать снегом, чтобы тепло сохранить.

Алмаз быстро перешел в руки зимовщиков и был использован по своему назначению. Алмаз доставил зимовщикам большую радость.

Мы стали знакомиться с населением острова. Узнали, что северной стороны острова чукчи и эскимосы боялись, как огня. Там, по их словам, живет сам черт. Случилось, что начальник острова т. **Ушаков** поехал однажды на охоту на север. Там простудился. Затем в той же части острова заболели еще двое эскимосов. С тех пор охотники решили, что там поселился злой дух. Только упорной работой удалось начальнику разбить у эскимосов веру в чорта и использовать северные районы как охотничьи угодия.

Один из туземцев рассказывал, как он впервые увидел наши самолеты. Шел он с винчестером. По дороге никого не встречал и о самолетах ничего не знал.

— Смотрю, с моря летит бо-о-лшущая птица и шумит. Я испугался. Думаю, если она на меня налетит — выстрелю и убью. А уж если окажется очень большой — не буду стрелять, убегу. А птица прилетела, села на воду. А потом еще одна. Вижу, из птицы люди вышли. Легче на душе стало.

★

Советская фактория снабжает эскимосов мукой, солью, табаком, спичками, порохом, оружием и т. д. Все это они получают в обмен на пушнину. Эскимосы и чукчи вполне довольны своей жизнью. Много положили труда и энергии для улучшения жизни зимовщиков т. **Ушаков** и возглавляемый им коллектив. Прибыв на остров поздней осенью, он успел по-хозяйски заготовить для населения на зиму моржового мяса.

Этим самым была обеспечена нормальная работа всех поселенцев.

Ушаков упорно прививал культурные навыки эскимосской части населения. И за год люди стали неузнаваемы: ознакомились с русским языком, стали привыкать к чистоте, опрятности, стали ежедневно умываться, и даже, под конец, у них появились зубные щетки. Тов. Ушаков завоевал среди всего населения острова большой авторитет и уважение.

Мы привезли зимовщикам почту, газеты и журналы.

На другой день мы собрались лететь обратно к пароходу „Колыма“, но прилетел второй самолет с начальником экспедиции т. Красинским, пилотом Лухт и механиком Егерь. С ними мы должны были вместе прилететь на остров. Но из-за плохой погоды и туманов потерялись в пути. Тов. Лухт, не найдя острова, вернулся обратно и только на следующий день прилетел к нам.

Еще одну ночь переночевали на острове. На другой день полетели к пароходу, ожидавшему нас у мыса Шмидта.

С. П. НАЦАРЕНУС

ВОСПОМИНАНИЕ О РЕЙСЕ „ЛИТКЕ“

В начале 1927 года организовалось Акционерное камчатское общество, к которому и перешла вся работа по освоению острова Врангеля.

Радиостанции на острове в то время не было, связь отсутствовала. Мы знали лишь одно — все зимовщики хорошо снабжены необходимыми продуктами и материалами на три года.

Но этих знаний слишком мало. Вот почему была организована на остров Врангеля воздушная экспедиция, которая и прибыла сюда в июле 1927 года.

Наши товарищи-островитяне, во главе с начальником острова Г. А. Ушаковым, свой первый — и поэтому самый трудный — год работы на острове провели блестяще...

Наступает 1928 год — год смены зимовщиков. Но чрезвычайно тяжелые навигационные условия не позволили достичь Врангеля. Зимовщики остались на третий год.

Опять нет связи с островом. Как живут зимовщики? Нет ли в чем нужды? Не начались ли заболевания? — вот вопросы, ежедневно встававшие перед нами.

Забывая о нуждах и жизни советских поселенцев на острове Врангеля, наше правительство решило организовать в 1929 году специальный рейс на остров, возложив всю ответственность за подготовку и проведение этого рейса на Акционерное камчатское общество, а общее руководство на Арктическую комиссию СНК СССР.

Все понимали необходимость этого рейса. Ведь завезенное в 1926 году продовольствие было на исходе. Постановление правительства должно быть выполнено во что бы то ни стало.

На Дальнем Востоке не было ни одного парохода, который смог бы совершить этот рейс. Начались поиски. Наконец остановились на ледорезе „Федор Литке“, который в то время работал на Черном море.

На заседании Арктической комиссии СНК, под председательством Сергея Сергеевича Каменева, наше предложение, поддержанное

и Отто Юльевичем Шмидтом, было принято. Мы командировали в Севастополь для осмотра „Литке“ нашего дальневосточного полярного капитана т. Миловзорова, который в 1926 году на п/х „Ставрополь“ доставил т. Ушакова и его товарищей на остров.

Заключение т. Миловзорова было кратким: ледорез „Ф. Литке“ не обеспечит этот рейс, даже „старичок“ „Ставрополь“ более пригоден для рейса, чем „Литке“.

Авторитет т. Миловзорова, как полярного капитана, у нас на Дальнем Востоке большой. Поэтому и наша общественность и, в частности, владивостокская газета „Красное Знамя“ возражали против посылки „Литке“. Приходилось десятки раз доказывать, что „Литке“ этот рейс выполнит.

Мы не могли согласиться с такой экспертизой. Послали второго полярного капитана т. Дублицкого и инженера т. Кокманова для тщательного изучения „Литке“...

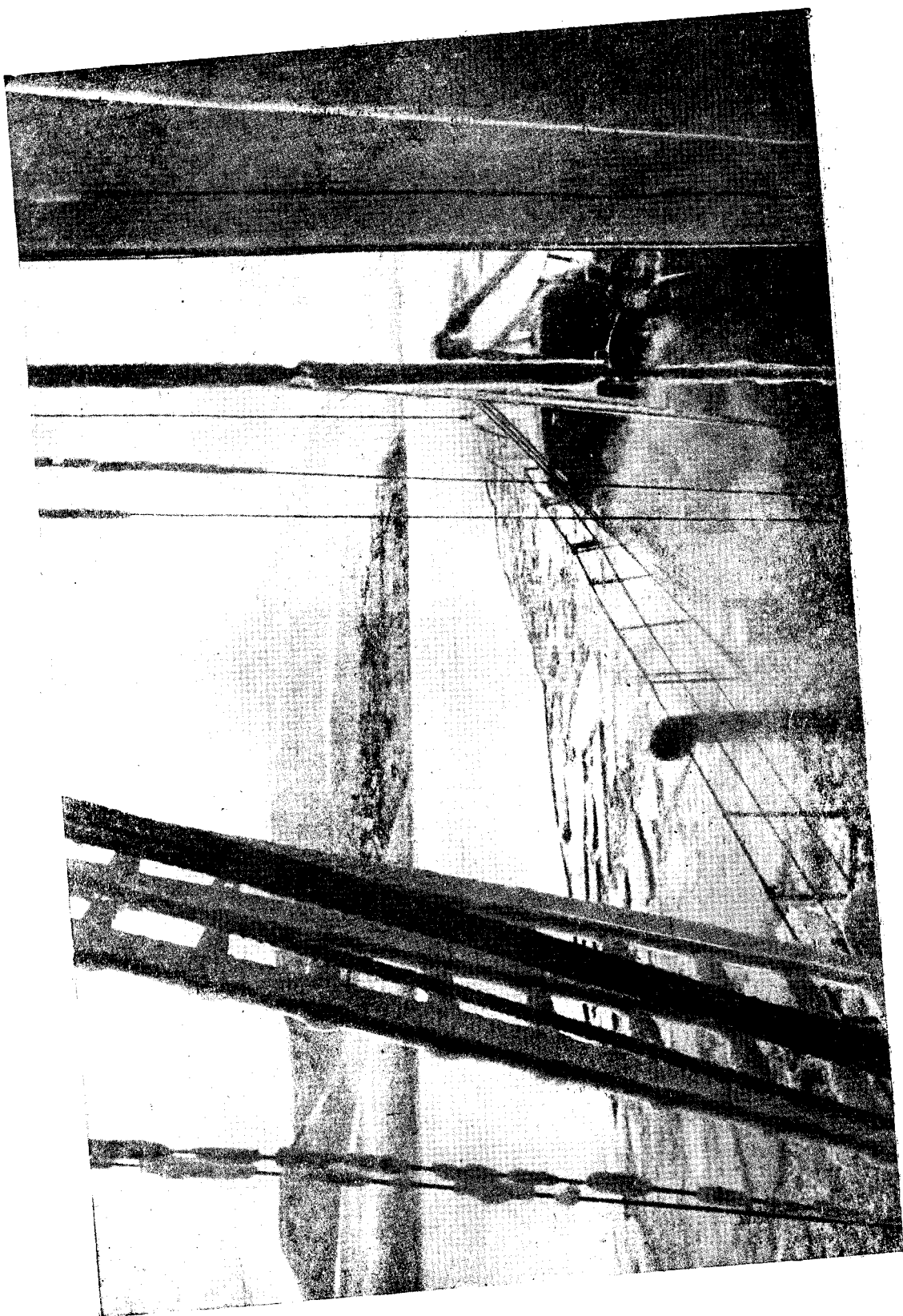
Заключение Дублицкого, что ледорез „Ф. Литке“, хотя и неполностью гарантирует этот столь ответственный рейс, но все же значительно лучше всех наших дальневосточных судов, было нами принято и утверждено Арктической комиссией СНК.

Началась подготовка — подбор команды, смены зимовщиков, снабжение. Почти весь аппарат АКО несколько месяцев вел эту подготовку...

„Литке“ вышел победителем. Рейс совершен. Постановление правительства выполнено. Остров был снабжен вновь на несколько лет. Смена зимовщиков во главе с т. Минеевым завезена.

Наше правительство отметило героизм экипажа „Литке“ награждением орденом Трудового Красного знамени. Константин Александрович Дублицкий — капитан „Ф. Литке“ — награжден орденом Трудового Красного знамени.

Я не могу не отметить здесь активную помощь, оказанную в проведении этого ответственного дела Сергеем Сергеевичем Каменевым.

Мостовик „Литке“ среди льдов

М. С. ДЕРЖАВИН

„ПЯТЬ ЛЕТ НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ“

I

1929-й год. После плаванья среди неприступных торосов „Литке“, наконец, приближается к северной стороне острова Врангеля. Начинается напряженная деятельность людей на семьдесят первом градусе северной широты. Закипает жизнь, торопливая, беспокойная, с постоянной оглядкой на льды. Еют по частям везут с „Литке“ разобранный дом. К берегу то и дело прибывают мешки с мукой, рисом, крупами, сахаром, бочки с рыбой, керосином, бензином, ящики со шкурами, теплой обувью.

В полном разгаре строительство. Уже заметно вырастают стены радиостанции. Точно из-под земли появляется маленькая банька. Вот накрывается крышей склад, рюкзот котлованы для радиомачт, устанавливается метеорологическая станция — остров принимает еще более освоенный, обжитый вид...

На берегу этого далекого острова остался новый зимовщик — человек, который вместе с другими товарищами продолжал осваивать его в течение пяти лет. По прибытии на „Большую землю“ он написал книгу „Пять лет на острове Врангеля“, выход в свет которой совпал с десятилетием советизации острова.

Автор этой книги¹ — А. И. Минеев, коммунист, красный партизан, участник гражданской войны. На 440 страницах своей книги автор показывает Арктику, как человек, пытливый взор которого не оставляет без внимания всю совокупность арктической природы, людей, вещей — всего того, что он видел и пережил как один из активнейших участников в освоении Арктики.

„Пять лет на острове Врангеля“ — это книга о любви к Арктике, о побеждающем действии человека-большевика, о том, как в самых неблагоприятных обстоятельствах можно благодаря большевистскому упорству победить.

А. И. Минеев дает в своей книге яркую поучающую картину, показ особенностей Арктики.

„Многие думают, — пишет он, — что жизнь зимовщика наполнена бездельем, скукой. Это абсолютно неверно. Любители безделья пусть лучше не едут в Арктику, — она безжалостно обманет их ожидания“. „Кругом пустынно, — пишет он в другом месте, — но нам было не до скуки. Перед нами непознанный край дела, некогда скучать“.

Чтобы жить и работать на острове, надо овладеть в совершенстве многим и многим. Известно, что единственный вид транспорта на многих участках Арктики — это собаки. Управлять ими — дело весьма сложное. Только туземец — и то не каждый — в совершенстве ссваивает этих своеобразных арктических „лошадок“. Но надо постигнуть и это искусство. И Минеев постигает.

„Первые поездки на собаках, — пишет он, — представляли большое удовольствие для тех, кто смотрел со стороны, и много неприятностей для тех, кто ездил на них“.

Вот наступает зима. Пурга — бич Арктики. Господствующая временно тишина вдруг начинает нарушаться мчащейся откуда нивесть поземкой. Она достигает сокрушительной силы, поднимая на большую высоту снежные массы.

„Пурга мне всегда напоминала песчаные ураганы, виденные мною в Средней Азии, — пишет автор. — В такие моменты пурга давит человека, словно подчеркивая его ничтожество перед силой и дикостью стихии“.

И в этих условиях надо было рабстать, всем коллективом зимовщиков преодолевать большие трудности. Работа не прерывается. Промысел песца, белого медведя, моржа и других видов фауны все больше и больше пополняет склад ценной пушниной. Не прерываются и научные работы.

Но не только своей непосредственной работой была занята зимовка. Автор книги на примере поисков американских летчиков Эйельсона и Борланда ярко показывает отважность горстки людей, отправившихся по первому сигналу „аварийной молнии“ обследовать район между островом Врангеля и мысом Северным.

Это было 30 декабря 1929 года. В течение двух недель четверо зимовщиков преодолевают пространство среди торосов. Люди бродят во тьме, пронизываемые метелью, неистовым холодом. Собаки часто теряют направление, компас и электрические фонарики отказываются действовать, теряется возможность определяться. Но они упорствуют, продолжают обследование. И только очевидная неразумность дальнейших поисков заставила вернуться наших путешественников на зимовку.

А несколько позднее с парохода „Ставрополь“ было получено радиосообщение, что американские летчики найдены советским звеном летчика Слепнева в районе реки Анггузы.

Самоотверженной была работа людей в течение пяти лет в далеких северных

¹ Издана она Ленинградским отделением издательства „Молодая гвардия“.

широты. В этой книге читатель найдет много волнующих эпизодов.

Не мало было попыток направить на остров смену группе Минеева. Но каждый раз суровые ледовые условия мешали проникнуть судам к далекому острову, расположенному в районе самого ледовитого Чукотского моря. И лишь изредка могли залетать сюда самолеты и оказывать посильную помощь.

Пятая зимовка была самой трудной. Но автор рассказывает о ней с обычным собственным ему трезвым анализом условий, событий, переживаний.

Случайно залетевший сюда самолет взял на материк одиннадцать человек. Их осталось пятьдесят два. Большинство — туземцы. На острове нет угля. Нехватает витаминизированных продуктов.

„Утешение было одно, — пишет автор: — при жесточайшей экономии можно было... не умереть с голоду. И только“.

Но и в этих условиях коллектив зимовщиков неустраним. Минеев верит в успех. Верой пронизана вся книга. И „пятая зимовка“ (глава XXVI) с потрясающей силой показывает эту веру советских людей в победу.

За углем ищем керосин. А полярная зима властно окружает небольшое зимовье. Люди начинают понемножку прихварывать. Что делать? Минеев показывает, как горстка людей кидает вызов стихии. Начинается деятельная подготовка к полярной ночи. Люди становятся изобретателями. Сам Минеев совершенствует агры,¹ изобретает печь для сжигания бензина. Стало тепло, но нет света. Тогда пытливый ум рождает бензиновую свечу и т. д.

Но и в условиях пятой зимовки не бросают научную работу. Не было пропущено ни одного метеонаблюдения. Как и прежде, пополняются коллекции. Коллектив чувствует себя боеспособным, не падающим духом. И так вплоть до прихода сюда в 1934 году краснотелого ледокола „Красин“.

II

Заслуга А. И. Минеева в том, что он в своих очерках подметил силу человека, ставящего в основу своего поведения — **действие, борьбу**. Но не только это главное в условиях Арктики. Действовал, боролся и американский полярный исследователь Роберт Пири. Действовали в Арктике и многие другие представители научного мира буржуазных стран. Но все они были одиночками-рекордсменами, а порой и авантюристами. Такова уж природа капитализма.

А. И. Минеев показывает принципиально иного человека. Этот человек — **олицетворение титанической силы партии Лени-**

на — Сталина, власти советов, страны, которая не знает поражений. Показ чувства товарищества друг к другу, забота о человеческой жизни — самом ценном капитале нашей родины — вот второе основное достоинство книги А. И. Минеева.

В условиях Арктики чувство **коллективности, товарищеского отношения к людям, заботы о человеке** особенно должно быть осязательным, достойным поощрения. Как и все советские полярники, группа Минеева призвана была на деле проводить ленинско-сталинскую национальную политику среди националов Крайнего Севера — чукчей, эскимосов. Чувство заботы о человеке — здесь закон.

Автор развешивает перед читателем реалистичные наши дни, когда в столь отдаленном месте партийные и непартийные большевики чувствуют себя связанными со всей Советской Страной.

„Хотя теперь зимовщики, — пишет автор, — и находятся за многие тысячи километров от культурных областей Союза, в заснеженных просторах Арктики, они имеют возможность жить такой же полной культурной жизнью, которой живут трудящиеся нашей великой родины“.

Говоря о радиоперекличках, автор-зимовщик отмечает, что только человек, надолго посланный в Арктику, может понять, как много значит для зимовщика, когда он имеет возможность в любое время получить не только телеграмму от своих близких... В такие моменты пропадает бесконечность расстояния, и сознание переполняется гордостью к родине, не забывающей своих сынов и в далеких полярных льдах».

Зимовщики острова Врангеля во главе с Минеевым, а до них — во главе с Г. А. Ушаковым (1926—1929) прекрасно понимали, что надо не оставить и следа от практиковавшейся ранее на Крайнем Севере колонизаторской, хищнической политики. Советские зимовщики должны были доказать эскимосам и чукчам твердость и незыблемость ленинско-сталинской национальной политики.

Жизнь зимовщиков, взаимоотношения с туземцами в этом отношении показательны. Приведем один типичный для всей книги пример. В тревожные дни пятой зимовки не было топлива. Уголь — главный вид топлива — был уже использован в предыдущие зимы. Вышел весь керосин. Во весь рост встала проблема топлива. Где его взять? В 75 километрах от зимовья на северном побережье острова был плавник. Но возить его на собаках было крайне трудоемким делом, которое не обошлось бы без жертв. Впрочем, это можно было бы решить очень „просто“.

„Стоило лишь, — замечает автор, — мобилизовать всех эскимосов и их собачьи упряжки с нартами и приказывать им возить дрова“.

¹ Зимнее жилье из оленьих шкур.

Однако наши зимовщики на это не пошли. Силой административного приказа оторвать эскимосов от основного их занятия — от промысла песка и медведя — значит подорвать их экономику и доверие к себе. Зимовщики нашли другой выход, наиболее соответствующий интересам туземцев. Их использовали для подвозки дров только тогда, когда они по собственным надобностям ехали в бухту Роджерс на факторию, и тогда они попутно завозили дрова.

Когда сопоставляешь зимовку Ушакова и Минеева с зимовкой семенчуковцев, какое разительное отличие видишь в отношении к человеку-туземцу. Шаг за шагом Минеев вводит читателя в подробности жизни населения острова. Он, как участник зимовки, чувствует себя на посту, на страже хозяйственных, культурно-бытовых интересов эскимоса-чукчи. Он действует убеждением, силой авторитета советского «белого человека». Минеев понимает: минуя капитализм, успешно идут эти народы к социализму, постепенно освобождаются от влияния шамана и других первобытных представлений. И вместе с тем он понимает, что имеет дело с отсталой еще народностью, с глубокими пережитками родового строя, всевозможными повериями и предрассудками.

Среди эскимосов господствует сейчас большая тяга к культуре, ко всему тому, что рождено партией, советами, нашей многонациональной страной. Этого нового человека-национала Минеев чувствует, понимает его. Главы его книги наполнены заботой об эскимосе, желанием сработаться с ним, помочь ему в беде, поощрить в работе, поднять его культурный уровень. Минеев не отводит этому вопросу специальной главы. Внешне даже может показаться, что автор обошел работу с туземцами, не показав нашей национальной политики.

Минеев показал это в книге не в виде теоретических рассуждений. Нет. Он показал это в действии. От читателя не ускользнут воспроизведенные в книге суровые будни зимовщиков, когда нужно было оказать туземцам и лечебную помощь, и помочь им в снабжении, и культурно обслужить их, дать совет, и вместе с тем сохранить их опыт, как искусных охотников, которые одним выстрелом попадают в глаз моржа.

Чувство товарищества, ответственность всего коллектива за свои действия, Минеев показывает через призму малых и больших забот о человеке, о дисциплине, о сохранении социалистической собственности на участке нашей земли — острове Врангеля.

Почему надо сохранить яйца гусей от расхищения? И автор отвечает:

«Я неоднократно предлагал товарищам, отправляющимся на сбор яиц, проверять яйца на засиженность». Если в гнезде оказывались яйца все свежими, то обязательно надо оставлять часть их. «В противном случае, — пишет автор, — гусыня покидает

гнездо и больше в этом году откладывать яиц не будет. Если же в гнезде оставить одно яйцо, гусыня положит еще и выведет молодь... Запасаясь яйцами, мы в то же время не уменьшали выводка гусей».

Почему дом радиостанции надо было сохранить, в то время когда он всю зиму пустовал? Ведь в нем никто не жил. Не поступить ли лучше так, как делают некоторые бесхозяйственные люди на «Большой земле», оставляя без надзора, хозяйственного глаза пустующий по каким-либо причинам колхозный дом, амбар и т. д. Но Минеев организует внимание зимовщиков на том, что каждая ценность должна быть сохранена; ибо это общая социалистическая собственность.

«Дом радиостанции, — пишет автор, — нужно было сохранить, чтобы люди, которые придут на смену нам, могли сразу в него въехать и начать в нем жить».

Роль товарищества (но не оторванного от жизни), коллектива, подчеркивается автором во многих местах книги. Читаешь ее и веришь, что Минеев никогда не был одиноким. Но и в этом вопросе автор самокритичен. На зимовку попадали и совсем стойкие люди, а порой и отъявленные очковитатели, выдававшие себя за «больших» специалистов, а на деле оказавшиеся по-просту любителями безделья. Автор смело критикует этих людей, беспощадно разоблачает их. Критический подход к пережитому вообще является большим достоинством автора этой книги.

III

Заслуга А. И. Минеева еще в том, что он во всем многообразии показал нашему читателю (молодежи) фауну острова Врангеля.

Автор представил читателю подробную картину жизни интереснейших представителей арктической фауны — моржей, песцов, медведей, нерп, лахтаков, птиц и т. п. Он показал особенности промысла этих животных, затронул их биологию, подметил в них характерное, типичное.

Порой автор достигает высокохудожественного мастерства, предельной конкретности. Он четко подмечает характерное в мире животных. Только своими глазами видевший человек может так ярко и образно осветить, например, жизнь птиц:

«Остров оживает, местами зеленеет травка, и даже появляются первые цветы. Беспорывно проносятся то **стайками**, то в **одиночку** птицы, наполняя воздух шумом крыльев. Вот несется стремительно, как **пуля**, кулик, вот пуночка висит в воздухе, **трепеща** крыльями; там поморник, паря на распростертых крыльях, **выписывает** в синей дали **замысловатые фигуры**. Над бухтой и морем проносятся стаи чаек, мерно махая как будто **изломанными** крыльями. То и

дело слышны **томные** призывы куликов, **хохот** поморников, **разноголосое** чирикание мелкой птицы. Издалека несется **урчание** совы и **стон** бургомистра“.

Вот другое повествование автора — о полярной сове:

„Так же храбро сови́н нападает и на человека. Когда подходишь к гнезду совы, она **спокойно** слетает и **безучастно** садится поодаль. Самец же садится недалеко от охотника и пытается его **испугать**. Он **раскрывает** крылья, **волочит** их по земле, **шипит**; **стучит, как кастаньетами**, клювом, **вращает** желтыми глазами и, **переваливаясь**, прыгает к человеку“. Но попытка **испугать** человека ни к чему не приводит. Тогда сови́н снимается и носится над головой, **стучит** клювом и злобно кричит. Но и это не помогает. Самец поднимается высоко в воздух и камнем падает на пришельца. Если в это время не отмахнуться ружьем или палкой, сови́н вцепится когтями в шапку“.

У Минеева поведение гусей отражено так, как оно есть на самом деле. Они **„задумчиво“** стоят у гнезда, временами **переступая** с ноги на ногу, как будто **охраняя покой** подруг“.

Удается автору и описание арктической природы. Здесь он также достигает большого проникновения. Вот как он описывает полярную ночь:

„Не всегда дует ветер, не всегда метет, не всегда небо покрыто тучами. Небо бывает ясно, луна светит ярко. Тихо-тихо. В такое время полярная ночь изумительна, прекрасна. На черном небе, усеянном мерцающими светляками звезд, четко вырисовывается линия белых гор... Мыс Гавайи сверкает ярко, словно под лучами солнца. Ничто не поглощает лунных лучей. Старушка-луна льет свет так щедро, что глазам становится больно. Все спит... все неподвижно и мертво“.

А море, изборожденное грядями торосов, говорит „о титанической борьбе мороза и воды... Иногда с моря несется гул, словно тысячи орудий кому-то салютуют. Это море дробит и крошит лед. Но еще выше торосы, еще чаще гряды ледяных хребтов...

Поднимаются ввысь ледяные монументы. Будет день — зашумит под солнцем море, а пока ледяные, зеркально-блестящие грани игл и обелисков, отражая лунный свет, зажигают в море призрачные сине-зеленые огни...“

Но автор не показывает природу оторванно от людей:

„Все спит, зачарованное морозом, только желтые блики окон да дым, вертикально поднимающийся ввысь, свидетельствуют, что и здесь на заснеженном „краю земли“ есть люди — посланцы великой советской родины, осуществляющие волю партии и советской власти“.

★

Автор книги, А. И. Минеев, как он сам говорит в своем предисловии, не писатель, да и не думает стать им. Но пережитое, испытанное в течение пяти лет, не только не изгладилось из памяти, но и заставило его „засесть за письменный стол и рассказать молодежи об Арктике... , показать ее такой, какой он ее видел и полюбил“.

Книга эта — попытка автора обобщить, систематизировать материал об острове Врангеля. Первая попытка. Она не лишена и недостатков. В книге читатель может встретить ряд неуместных длиннот, нехарактерных деталей. Порой текст отягощен случайными моментами, тяжелым слогом; отдельные главы книги страдают слишком „поспешным“ обозрением. Например, глава двадцать седьмая — „Замечательный остров“ — недоработана, и содержание ее не соответствует этому названию.

Издательство мало потрудились над подготовкой книги к печати. Слабо чувствуется редакторская рука. Столь ценную книгу издательство умудрилось издать к тому же на плохой бумаге. Плохо поданы иллюстрации.

Все эти недостатки снижают качество книги. Хочется верить, что при переиздании книги Минеева, чего она вполне заслуживает, издательство „Молодая гвардия“ серьезней отнесется к этому. Ибо книга Минеева — весьма ценная работа и единственная в своем роде.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

Алексеев, Остров Врангеля. — Вестн. Дальневост. филиала Акад. Наук СССР, 1932, № 3/4, (82—86), 1 карта.

Алексеев Н. Н., Плавание парохода „Совет“ к острову Врангеля в 1932 г. — Бюлл. Аркт. инст., Л., 1933, № 3, (45—47), англ. резюме.

Аригольд Э., По заветному пути. Воспоминания о полярных плаваниях и открытиях на ледоколах „Таймыр“ и „Вайгач“ в экспедициях 1910—1915 гг. Под ред. М. С. Боднарского. М.—Лг., Гиз, 1929, (196), илл., 1 карта.

Бартлетт Р., Последнее плавание „Карлука“. Сокращенный перевод с английского В. А. Дилевской. — Л., Изд-во Главсевморпути, 1936, (190), илл.

Берг Л. С., Остров Врангеля. — Торговый флот, Пгр., 1923, № 2.

Берг Л. С., Остров Врангеля в Ледовитом океане. — Человек и Природа, Пгр., 1923, № 10—11.

Бочек А., Обслуживание острова Врангеля охотничье-промысловым судном. — За индустриализацию Сов. Востока, 1932, № 3, (243—245).

Буйко П., На остров Врангеля. — Поход „Челюскина“, том первый, М., изд. редакции „Правды“, 1934, (130—136), фиг., 1 карта.

Бэр К. М., Несколько слов по поводу новооткрытой Врангелевой Земли. — Изв. Русск. Географ. общ., СПб, IV, 1868, № 7, (333—349).

В. В. С., Англо-американские притязания на остров Врангеля. — Северная Азия, 1925, кн. 1—2, (15—18), рис. в тексте.

Виттенбург П. В., Об открытии верхнетриасовой фауны на Земле Врангеля. — Доклады Акад. Наук СССР, Л., 1930, № 11, (271—276).

Власова В. Ф., Эскимосы острова Врангеля. — Советская Арктика, 1935, № 5, (60—65), фото.

Войтинская Н. В.; В кольце львов. Три года на острове Врангеля. Рис. М. Ижевской. — Л., „Красная газета“, 1930, (120).

Врангель Ф. П., Путешествие к северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг. — СПб, 1841, в двух томах.

Его же, Временная карта подходов к о-ву Врангеля (Чукотское море), 1:200000, по параллели 69° с. ш. Изд. Гидр. упр. Главсевморпути, 1934.

Гельмерсен Л., К вопросу об открытии Врангелевой Земли. — Изв. Русск. географ. общ., XII, 1876.

Давыдов Б., В тисках льда. Плавание канлодки „Красный Октябрь“ на остров Врангеля. — Л., 1925.

Дублицкий К. А., Плавание ледореза „Ф. Литке“ в 1929 г. из Севастополя к о-ву Врангеля. — Труды Гос. океан. инст., том II, 1933, вып. 3.

Евгенов Н. И., К картографии района островов Врангеля и Геральд (краткий обзор картографического материала). — Северный морской путь, III, Л., Изд-во Главсевморпути, 1935, (80—87), англ. резюме.

Званцев Константин, Зимовка. — Молодая Гвардия, Ленингр. отд., 1931, (162), фиг.

Званцев К., Люди Севера. — Вокруг света, Л., 1934, № 7, (29—32), 3 фиг.

Кальянов В. П., Отчет о геоморфологических работах в рейсе ледореза „Ф. Литке“ к о-ву Врангеля в 1929 г. — Труды Гос. океан. инст., Л., IV, вып. 2, 1934, (43—64), 7 фиг., карта фотогр.

Красинский Г. Д., На советском корабле в Ледовитом океане. Гидрографическая экспедиция на остров Врангеля. — М., 1925.

Его же, Пути Севера. (Северные воздушные экспедиции 1927 и 1928 гг. Остров Врангеля и первый Ленский рейс.) М., Изд. Осозвяхим, 1929, (159), илл.

Лухт Э. М., На остров Врангеля. Северная воздушная экспедиция. 2-е изд. М.—Л., Гос. учебно-педаг. изд-во, 1932, (II).

Лухт Э. М., Полет на остров Врангеля. — Воздушные пути Севера. Сборник статей под ред. Я. Я. Анвельта, В. Н. Воробьева, Н. И. Евгенова, С. С. Каменева, А. А. Краковецкого, Р. Л. Самойловича. М., Изд-во „Советская Азия“, 1933, (280—295), 4 фото.

Лухт Э. и Н. Бобров, Год на острове Врангеля. Северная воздушная экспедиция. — М., „Работник просвещения“, 1929, (99), илл.

Минеев А. И., Белый медведь. (Остров Врангеля). — Советская Арктика, 1935, № 5, (33—44), 6 фото.

Его же, Полярная ночь. — Советская Арктика, 1936, № 1, (98—103).

Его же, Песец на острове Врангеля. — Советская Арктика, 1935, № 3, (59—65), 3 фиг.

Его же, 5 лет на острове Врангеля. Стенограмма доклада на собрании студентов ВКСХШ 9 ноября 1934. Предисл. П. Шабалкина. — Хабаровск, Дальгиз, 1934, (76).

Его же, Пять лет на острове Врангеля. (Сокращенная стенограмма). — Советский Север, М., 1935, № 2, (70—85), рис. 1 карта.

Его же, Пять лет на острове Врангеля. — Мол. Гвардия, Л., 1936, стр. 440.

Назаров М. И., К флоре острова Врангеля. — Труды Гос. океан. инст., М., III, вып. 4, 1934, (3—21), франц. резюме.

Обручев С., К орографии острова Врангеля. — „Arctica“, Л., кн. 1, 1933, (151—155).

Островский В. Г., Остров Врангеля. — Архангельск, Севкрайгиз, 1935, (86), фиг., 1 карта. (Острова Советской Арктики, под общей редакцией А. И. Толмачева.)

Рихтер Зинаида, В снегах Эльбруса. Во льдах Арктики. За полярным кругом. — М., Гос. изд-во „Художественная литература“, 1936, (348), фото.

Ее же, На „Литке“ к острову Врангеля. Записки участника спасательной экспедиции. — М., „Молодая Гвардия“, 1931, (86), 13 фото.

Ее же, У белого пятна. Спасательная экспедиция ледореза „Литке“ на остров Врангеля. — М., Изд-во „Федерация“, 1931, (238), табл. иллюстр., портр. карта.

С-н, Даешь остров Врангеля. С предисловием В. Зофа. — М., „Новая Москва“ 1925, (69), рис.

Савранский В. Три полярных ночи. — Сборник „Воспитание комсомола“, Огиз. „Молодая Гвардия“, 1934, (191—234).

Салищев К. А., Остров Врангеля и его карты. — „Arctica“, Л., кн. 1, 1923, (145—150), 1 карта.

Соколов А., За ледяной стеной (остров Врангеля). — М.—Л., Изд-во „Молодая Гвардия“, 1929, (108), 7, рис., 3 карты.

Толмачев И. П., Заметка о геологии острова Врангеля и острова Геральда. — Изв. Акад. Наук, СПб., 1912, № 2, (207—218); 6 рис.

Ушаков Г., Робинсоны острова Врангеля. Рис. П. Староносва. — М.—Л., Гос. изд-во, 1931, (48).

Ханов А., Воздушные пути по северному и восточному побережью СССР. — „Советская Азия“, М., 1930, № 3—4, (129—140), 4 схемы.

Шведе Е. Е. История открытия и завоевания острова Врангеля. — „Красный флот“, 1924, № 10.

Его же. Американская экспедиция на о-в Врангеля. — „Морской сборник“, Л., 1924, № 9, (130).

Его же, Остров Врангеля. — „Морской сборник“, Пгр., 1923, № 9, (I—XIV), 2 фиг., 1 карта.

Шмидт Ф. Б., О заслугах барона Врангеля по открытию Врангелевской Земли. — Изв. русск. географ. общ., 1893, вып. I (27—35).

Шокальский Ю. М., Данные об острове Врангеля. — Изв. Гос. русск. географ. общ., LVI, 1924, вып. I (162—165).

Яшнов В. А., Фауна солоноватых водоемов о-ва Врангеля. — Исследования морей СССР, Л., вып. 22, 1935, (119—134), 8 фиг., англ. резюме.

Baer K. E., Das neu entdeckte Wrangel-Land. — Dorpat, Gläser, 1868, (35).

Bartlett R. A. and R. T. Hale, The last voyage of the „Karluk“, Flagship of Vilhjalmur Stefansson's Canadian Arctic Expedition of 1913—1916. — Boston, Small, Maynard & Co, 1916, (329), maps, diagr., illus.

Bernard J. F., Ice conditions round Wrangel Island. — „The Geograph. Journ.“, London, LXVIII, 1924, № 5, (462—464).

Entdeckung eines neuen Polar-Landes. durch den amerikanischen Kapitän Long. 1867. — „Peterm. Mitteil.“ 1868, № 1, (1—6).

Fahrten zur Aufsuchung der „Jeannette“. „Corwin“ und „Rodgers“ im Arktischen Ocean jenseits der Beringstrasse. — „Deutsche Geographische Blätter“, Bremen, 1881, H. 4, (331—321).

Gilder W. H., Ice-pack and tundra. An account of the search for the „Jeannette“ and a sledge journey through Siberia. — London, Sampson Low, Marston Searle & Rivington, 1883, (344), maps, illus.

Hooper C. L., Report of the cruise of the U. S. Revenue Steamer „Thomas Corwin“ in the Arctic Ocean 1881. — Washington, 1884.

Ile Wrangel. Les prétentions canadiennes. — „La Géographie“, XVI, 1924, № 1.

Lindeman M., Die bisherigen Nachrichten über Wrangels-Land und Herald-Insel. — „Deutsche Geograph. Blätter“, Bremen, 1881, H. 3, (157—162), 2 Taf.

Muir S., The cruise of the „Corwin“. — Journal of the Arctic Expedition of 1881, in search of De-Long and „Jeannette“. — Boston, 1917.

Rosse J. C., The first landing on Wrangel Island with some remarks on the northern inhabitants. — „Journ. Amer. Geogr. Soc.“, vol. 15, 1883.

Stefansson V., The Adventure of Wrangel Island. — New York, 1925, (424).

Die Wrangel-Insel und die Polarfahrten des Jahres 1881. „Peterm. Mitteil.“, 1882, H. I, (4—14), 1 Karte.

Wrangel Island. — „Geogr. Journ.“, London, 1923, December, (440—444), 1924, May, (403—404).

Wrangel's Land. — „Zeitschr. d. Gesellsch. f. Erdkunde“, Berlin, III, 1868, (185—186).

Wrangel-Land eine Insel — „Verhandl. d. Gesellsch. f. Erdkunde“, Berlin, VIII, 1881, (357—360).

А. Я. ВЫШИНСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СЕМЕНЧУКОВЩИНЫ¹

Товарищи-судьи! В течение почти полных шести дней вы со всей тщательностью исследовали дело, которое сейчас, в процессе прений, должно получить свою окончательную оценку,

Было бы неправильно трагедию гибели доктора Вульфсона, трагедию, занявшую в процессе судебного следствия достаточно много времени, рассматривать, как центральный вопрос настоящего судебного дела. Это было бы неправильно, ошибочно и в политическом отношении и с точки зрения задачи настоящего процесса.

Это было бы неправильно раньше всего потому, что убийство доктора Вульфсона является лишь одним из звеньев, хотя и кошмарных звеньев, ряда чудовищных преступлений, совершенных Семенчуком, пробравшимся на должность начальника арктической зимовки. Это значило бы заслонить кровавой драмой, разыгравшейся 27 декабря 1934 года на острове Врангеля, все то действительно большое политическое содержание и тот громадный политический смысл, который государственное обвинение вкладывает в деятельность Семенчука с первых же дней его появления на врангелевской зимовке. Это было бы неправильно еще и потому, что убийство доктора Вульфсона может быть объяснено и правильно оценено лишь в связи и на основе всей деятельности Семенчука, деятельности, проникнутой тем своеобразным антигосударственным и анти-

¹ Сокращенная стенограмма первой части обвинительной речи прокурора Союза СССР А. Я. Вышинского по делу Семенчука и Старцева, произнесенной на заседании Верховного Суда РСФСР 22 мая 1936 года.

советским его поведением, которое позволяет государственному обвинению, руководствуясь 59 — 3 ст. Уголовного Кодекса Республики, квалифицировать его преступления, как бандитизм.

Вот почему в моем сегодняшнем изложении и в соображениях, которые я кладу в основание обвинения Семенчука, будет уделено и не может, конечно, не быть уделено достаточно внимания и места убийству доктора Вульфсона, но этому кошмарному преступлению будет уделено, если можно так выразиться, лишь подчиненное место.

Враги наши склонны приписывать тем или другим лицам, совершающим уголовное преступление, роль чуть ли не политических деятелей.

Это особенно часто делается тогда, когда мы имеем дело с преступлением не обычного уголовного порядка, но с преступлением, окрашенным некоторыми своеобразными чертами, когда это преступление совершается на передовых участках нашего социалистического строительства, совершается людьми, примазавшимися, присосавшимися к нашему обществу, а иногда и к органам нашей власти, людьми, о которых в свое время говорил еще Владимир Ильич, как о той накипи революции, без которой ни одно глубокое народное движение, к сожалению, не обходится.

Этим отчасти объясняется и то внимание, которое сосредоточивают враги советского государства на отрицательных фактах, которые понятны и естественны в жизни гигантского государства, ведущего колоссальную героическую борьбу за новое социалистическое общество, ведущего борьбу против остатков эксплуататорских классов и против старых предрассудков, старых привычек, против всей этой старой нравственной слякоти, мешающей нашему движению вперед, против всего того, что мы стараемся преодолеть, разоблачить, отбросить в сторону.

Враги пользуются каждым такого рода моментом для того, чтобы изобразить дело в свете высоких политических событий, извращая действительность и представляя каждое судебное дело, как одно из проявлений „болезни“ нашего государственного организма.

Именно этим объясняется вздорное сообщение газеты „Карьяла“, — органа финской коалиционной партии, — поместившей заметку о том, что на Земле Франца-Иосифа раскрыт заговор среди зимовщиков, возглавляемый комендантом острова Семенчуком, и что доставленные Водопьяновым и Махоткиным агенты ГПУ ликвидировали этот „заговор“ и доставили виновных в Москву, где они и находятся на скамье подсудимых в Верховном суде.

Шесть дней судебного разбирательства, конечно, не оставили камня на камне от этой гнуснейшей выдумки и вранья, от этой вражеской брехни.

Настоящее дело характерно двумя особенностями: оно лишено того политического характера, который позволил бы нам квалифицировать его по соответствующим статьям о контрреволюционных преступлениях, но в то же время оно далеко выходит за пределы обычных уголовных преступлений. Оно, если можно так выразиться, представляет собою яркую иллюстрацию того, как бытовые преступления перерастают в государственные.

Тут мы имеем не борьбу политических интересов и политических противоречий, а борьбу развивающегося и строящегося молодого советского социалистического государства против всех тех элементов, которые мешают ему стать на свои прочные ноги, творить свою новую

счастливую, радостную для всех трудящихся жизнь. Эти особенности данного процесса должны быть подчеркнуты с самого начала.

В постановлении от 20 июля 1934 года Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) отметили большие успехи в научном и хозяйственном изучении советского Крайнего Севера. В этом постановлении сказано, что ныне положены основы хозяйственного освоения нашего Севера, что, опираясь на гигантскую работу северных окраин, сейчас возможно значительно шире разворачивать мероприятия, обеспечивающие полное освоение Северного морского пути и развитие хозяйства Крайнего Севера Союза.

Это постановление было продиктовано большим значением, которое принадлежит нашему Крайнему Северу, в том числе и в первую очередь таким пунктам, как остров Врангеля, являющийся форпостом советской культуры, нашей советской, подлинно человеческой цивилизации.

Это обстоятельство объясняет и то исключительное внимание и заботу, которые проявляются к задачам освоения Крайнего Севера со стороны нашей партии, нашего правительства, раньше и больше всего со стороны нашего гениального учителя и вождя народов СССР тов. Сталина. Эти успехи действительно огромны, и нашим полярникам есть чем гордиться. Нашему Северу есть чем гордиться и не только по сравнению с тем, что представлял собой Север до Великой пролетарской революции, но даже и по сравнению с тем, что он представлял собой еще так недавно. Успехи явились результатом героической самоотверженной и неустрашимой работы наших полярников. И когда О. Ю. Шмидт 16 января 1936 года на совещании работников Арктики подводил итоги 1935 года и намечал новые задачи, стоящие перед советскими полярниками, то он с полным основанием имел право говорить о больших успехах, подытоживающих трудную работу советских полярников.

Морской транспорт. 1935 год был годом пробной эксплуатации Северного морского пути, который отныне существует уже как практически действующая транспортная артерия. Рост речного транспорта отмечен в 1935 году и по сравнению с предыдущим годом. Норильское строительство, освоение реки Пясины свидетельствуют о больших успехах, которых никто не вычеркнет, которых не запятнают никакие преступления никаких Семенчуков!

О нашей полярной авиации не нужно много говорить. Надо только назвать это слово, чтобы в нашей памяти встали образы наших замечательных полярных летчиков, один из лучших представителей которых находится в составе суда и которому правительство правильно вручило судьбу людей, поднявших свою дерзновенную руку против авторитета и славы Советской Арктики.

Шпицбергенские копи перевыполнили в 1935 году свой производственный план, промыслы на морского зверя и, в частности, в горле Белого моря прошли хорошо, укрепились северные совхозы, являющиеся основой развития продовольственной базы Советской Арктики, позволяющие в дальнейшем это хозяйство развернуть еще шире и еще более мощно.

Вот итоги 1935 года, итоги работы наших строителей Советской Арктики, — сотен и тысяч замечательных людей, воспитанных и выращенных нашей партией, нашим советским государством, людей сталинского стиля работы, сталинской складки, неустрашимых, не сгибающихся и не отступающих ни на один шаг ни перед какими трудностями.

Этого мы не должны забывать, рассматривая вопросы, составляющие предмет изучения в настоящем судебном деле. Мы не должны этого

забывать именно потому, что на фоне этих прекрасных успехов тем тяжелее становится предательский удар, нанесенный хотя и кратковременным, но, к сожалению, все же губительным хозяйничаньем „представителя“ советской власти, обвиняемого Семенчука.

В 1924 году на острове Врангеля были сняты национальные флаги других государств, посягавших на эту часть нашей советской территории, и был поднят наш советский флаг, который с тех пор гордо реет над островом как знамя, как символ победы, как символ новой радостной счастливой жизни, принесенной с Большой Земли Великой пролетарской революцией, победившим в нашей стране социализмом.

Что представлял собою остров Врангеля под сенью нашего Красного знамени?

Период Ушакова:

„Своей задачей, — говорит т. Ушаков, — я, как начальник первой зимовки, ставил завоевание авторитета у эскимосов, то есть у тех людей, с которыми мне нужно было работать, жить и проводить генеральную линию партии и линию нашей советской политики“.

Правильно поставленная задача, просто, отчетливо и грандиозно, ибо нужно было эту задачу решать на чистом поле полярных снегов.

„Этот авторитет, — с полным правом здесь мог заявить т. Ушаков, — мною был завоеван“. Мы видим, как он завоевывал этот авторитет и как он действительно этот авторитет сумел завоевать.

„Нужно было показать, — говорит он, — что большевик — друг эскимоса, что он друг туземного населения, а не враг, не колонизатор, не купец, с которым они имели дело раньше. А эскимос с купцами дел имел много, и у них уже создалось соответствующее отношение к белому человеку, а это отношение строилось на отношениях колонизаторского характера“.

Тов. Ушаков правильно поставил перед собой задачу разгромить это старое представление о белом человеке, пришедшем с Большой земли, создать новое представление о советском человеке, о большевике, показать все принципиальное различие между большевиком, пришедшим на остров, и старым купцом, промышленником, колонизатором, которые грабили и эксплуатировали жителей Севера. Нужно было изменить отношение к белым людям, дать почувствовать эскимосам, что о них заботятся, что их уважают и любят как братьев. Тов. Ушаков ведет с эскимосами политические беседы, рассказывает о том, что такое советская власть, объясняет задачи нашей коммунистической партии, задачи нашего великого социалистического строительства, описывает и характеризует нашу великую родину, нашу замечательную страну, родину нового социалистического общества. Он показывает, как растет и расцветает на Большой земле национальная по форме, социалистическая по содержанию культура.

Но мало говорить, надо делать, и Ушаков делает, шаг за шагом, в тяжелых, трудных, часто совершенно невероятных условиях. Нужно было организовать охоту эскимосов, нужно было научить их, как ловить песка, научить их этому искусству и этим самым дать им в руки одно из средств дальнейшего улучшения своего материального и культурного положения.

„Эскимосы, — говорит т. Ушаков, — беспечны в известном смысле; эскимос может сидеть дома до того момента, пока у него не исчезнет последний кусок мяса. Поэтому нужно организовать эскимоса, чтобы в период миграции зверя они могли бы отдавать все свои силы охоте“.

Так работал т. Ушаков. Каждый шаг своей практической, хозяйственной работы он освещал светом великой ленинско-сталинской национальной политики. Этим светом он согрел сердце эскимоса, он расплавил и разбил лед, который сковывал отношение эскимосов к белому человеку, он воспитал уважение и любовь к большевикам, как к своим старшим братьям, друзьям и помощникам. Эту линию блестяще, прекрасно продолжил сменивший т. Ушакова т. Минеев, пять лет проработавший на острове Врангеля в качестве начальника зимовки 1929—1934 годов.

И нет ничего удивительного в том, что, разбирая это дело уже в 1936 году, мы встречаемся с таким документом, который пришел с этой „малой земли“ на „большую землю“, как письмо одного из старых охотников острова Врангеля—эскимоса Таяна. Это письмо дышит такой непосредственностью, простотой, свежестью, таким прямодушием, теплотой и любовью, что мимо него нельзя пройти, разбирая настоящее дело.

„Здравствуй, бывши мой начальник (умилек) Минеев! Я получил вас посылки с самолета, книжка, журнал, конфеты, фотографии. Учнн рад посылками... Все эскемосы рады посылками, фотографиям... Привет... Мы эскемосы вас помним и не забываем, скучаем о вас, — пишет Таян, добавляя, что он „хотел бы что-нибудь прислать, но не может“.

„Мы бы вам что-нибудь послали, — пишет Таян, — но у нас нечего нет. Ну, мы знаем, вы проживете как нибудь. Помни, если почему небудь нужно будут деньги, — пиши телеграмму, а мы, поможем вам, пошлем денег!“

Это письмо — воспроизведенное с сохранением орфографии автора — живое свидетельство любви и доверия, которые сумели завоевать у эскимосов тт. Ушаков и Минеев, эти настоящие, подлинные большевики. Они сумели внушить им уважение, доверие, любовь, симпатию к себе, а следовательно, и к нашему государству, к нашей партии. Неудивительно и то, с какой болью в сердце расставался Ушаков, а потом Минеев с эскимосами. Нечего удивляться и тому, что, например, Минеев, как он здесь заявил, до сих пор скучает по своим северным друзьям.

Письмо Таяна — достойная награда за правильное проведение нашими товарищами нашей национальной политики, хозяйственной и культурной работы, которую они вели в Арктике. В итоге, говорит Ушаков, и это подтверждает и ряд других объективных материалов, остров Врангеля на всем Чукотском полуострове прославился, как „земной рай“. И действительно — это был рай!

За три года пребывания т. Ушакова на острове, благодаря его прекрасной организаторской работе, песцов было собрано 800 штук, медведей убито 285, моржовых клыков собрано 2 тонны, и не малое количество было собрано мамонтовых костей. Это свидетельствует о большом материальном благосостоянии острова. Так же обстояло дело и при Минееве. И когда мы здесь стали задавать вопросы, а не было ли там недоедания, переходящего порой в голод, и не было ли на этой почве болезней и не было ли на этой почве смертей, — Минеев ответил:

„Туземцы мясом были вполне обеспечены. Нужно знать, что для туземцев главный продукт питания — это мясо, как для нашего крестьянина главный продукт питания — это хлеб“.

Нас это удивило, и председатель суда спросил: достаточны ли были нормы питания? Минеев сказал:

„Совершенно достаточны, и вообще никаких норм у нас не было. Я давал туземцам столько, сколько они просили. Если они приезжали и просили 2 мешка муки, а у нас были мешки по 50 английских фунтов, то я им отпускал; если они приезжали и просили

сахару, то я им отпускал, впрочем до тех пор, пока они из этого сахара не начали варить себе бражку".

Минеев как большевик, как хозяйственник, как организатор, сейчас же насторожился: из сахара вы, друзья мои, варите бражку, отравляетесь сахарным пивом,—я сахару вам на это не дам. И не дал, и правильно и хорошо сделал. Выходит, что и Минеев иногда отказывал в выдаче продуктов, но сравнивать отказы Минеева с теми отказами продуктов, которые позволял себе Семенчук, абсолютно нельзя. Минеев готов был продать туземцам вещи, которые не являлись предметом первой необходимости, но лишь в том случае, если эскимосы обеспечены были уже предметами первой необходимости. Всю заботу свою он направил к тому, чтобы обеспечить эскимоса предметами первой необходимости, укрепить основу его хозяйства, поднять это эскимосское хозяйство на дальнейшую высоту и на основе этого расцвета эскимосского хозяйства уже дальше раздвинуть круг его потребностей, всемерно и всячески эти потребности удовлетворяя. И так должен делать всякий, кто идет на Крайний Север полпредом нашего великого государства.

„У нас осталось,—говорит Минеев,—после пяти лет хозяйствования, когда люди ни в чем не нуждались, такое количество муки, риса, сливочного масла, что могло бы хватить на много лет вперед. Из предметов ширпотреба,—говорит он,—осталось много мехов".

Мехов оставил Минеев несколько тысяч шкур, тысячу пыжиков, пять тысяч лап для сапог, даже была росомаха, готовые кухлянки, т. е. полный ширпотребовский ассортимент, которым могли бы похвастаться не только полярные „мосторги".

На вопрос: „много ли при вашем отъезде оставалось продуктов",—Минеев ответил: „Невероятно много. Я даже уговаривал Семенчука отправить половину муки, потому что она была бы обузой". И уточняя, что это за „невероятно много", Минеев сказал: „у Семенчука было муки лет на десять".

Я просил Семенчука дать свои объяснения по поводу показаний т. Минеева и т. Ушакова, спросил, что он может сказать по поводу их показаний. И что же? Нехотя и вяло, как всегда во время процесса, Семенчук пробормотал: „Ничего". И действительно, нечего ему сказать и ничего не может он сказать в свое оправдание.

Что мы можем констатировать? В результате правильно организованной работы в течение восьми советских лет на зимовке остров Врангеля действительно превратился в цветущий земной рай, поднялся на большую высоту материального благополучия, и вместе с тем поднялось на громадную, недостижимую до нашего прихода на этот остров высоту и материальнокультурное положение эскимосского населения. Семенчук получил, таким образом, большое и прекрасно устроенное хозяйство, большое и прекрасное наследство.

А что же он с этим наследством сделал? Он превратил это хозяйство в дым и прах, в дым и прах, обвиняемый Семенчук, в прямом смысле слова!

Спросили Минеева, что собою представляла зимовка, на которой хозяйничал Семенчук. Он сказал:

„Зимовка, на которой хозяйничал Семенчук, была какая-то дикая, странная, и я думаю, что нормальные люди не могут жить в таких условиях. Мы жили пять лет, у нас люди, извините за выражение,—говорит Минеев,—не дошли. Там прожили несколько месяцев, и люди начали умирать пачками. Ничем другим,—говорит Минеев,—кроме как вредительством, я этого объяснить не могу".

„В 1921 году канадцы начали хищнически эксплуатировать остров, они завезли туда группу людей, которые все погибли, за исключением одной эскимоски. Мы, советские люди, при освоении острова стремились к тому, чтобы не прибавлялось крестов, а Семенчук эти кресты умножил“.

Вот как охарактеризовал т. Минеев итоги „работы“ Семенчука на острове Врангеля.

Если сравнить некоторые данные хозяйственного порядка, то и в этом отношении будет виден тот развал, до которого довел зимовку Семенчук. При Минееве заготавливалось 280—300 песцов в год, при Семенчуке было заготовлено 50 песцов; при Минееве было заготовлено немалое количество моржовых клыков, при Семенчуке — ничего, при Минееве было заготовлено немалое количество моржового мяса, при Семенчуке — ничего. 50 песцов и 25 медведей за 8 месяцев — вот итоги так называемой „работы“ Семенчука!

Может быть Минеев не объективен, может быть Минеев говорит, несколько поддаваясь человеческой слабости, стараясь чужое умалить, а свое возвеличить? Но нет оснований так думать, ибо все это подтверждается документами, имеющимися в материалах настоящего дела. Это целиком подтверждается и т. Ушаковым. Минеев в одной только бухте Роджерс оставил около 25 моржовых туш. Семенчуку нужно было только хранить это мясо, чтобы улучшать дальнейшее благосостояние острова, но он не только не пополнил этих запасов, он не сумел даже сберечь оставленное ему мясо, и большая часть этого мяса была смыта, а частично съедена и испорчена собаками. Тов. Ушаков говорит, что все запасенное мясо, оставленное Семенчуку Минеевым, пропало. Конечно, это вредительство, конечно, это развал!

Я спрашивал т. Ушакова, какое количество песцов заготовил Семенчук, и он ответил: „Точно не знаю, но все это были единичные экземпляры, потому что значительная часть эскимосов-охотников погибла от голода, а остальные охотники болели“...

Позвольте сослаться на письмо Таяна. Вот человеческий документ, который пришел к нам в суд с острова Врангеля. Оно составлено еще 21 августа 1935 года, т. е. в то время, когда и речи не было о том, что мы будем сегодня, 22 мая 1936 года, судить Семенчука. Это письмо ярко и глубоко проникнуто большим человеческим горем этих маленьких северных людей, истерзанных Семенчуком. Вот что пишет т. Таян:

„Болел очиня сильно, хорошо, что доктора были хороший“.

Это он говорит про тех самых докторов, которых травил Семенчук, а одного из которых, доктора Вульфсона, убил потом руками одного из своих „адъютантов“ — Старцева.

„Если бы не было докторов, я бы умер, а сын мой Володка умер; жалею его, он уж начал говорить по русски. Инкали сама пишкой ходила за дровами, на себе тащила нарту потому что, говорят, Семенчук дров не давал... Почему мало поймали песцов? Говорят потому, что работы много и много болели охотники: умерли Тагью, Таграк... Эти охотники умерли после гибели доктора. Я сам лежал 4 месяца, дажи был без памяти: говорят, что я простудился на Севере. Семья Пянули ела собак, у меня собаки подошли, потому что мало было корму. У меня мясо было, собаки обглодали. Продукты нам выдавали по одной банке мясной на человека на месяц. Сперва сахара по два килограмма, а потом по одному килограмму, рису 0,25, круп тоже охотникам выдавали спирва в кредит и на 6 мес., потом только под пушнину“.

Вот как хозяйничал Семенчук. Охотнику — одна банка консервов на месяц, а семья? А жена, а дети, а старики?

Хорошо, что сравнительно скоро на смену Семенчуку прилетел Жердев, прибавили продуктов. И бедный Таян пишет:

„Он охотникам поддержку дал, он помог охотникам, даже мы хотели его оставить“ (начальником зимовки).

Они хотели оставить Жердева своим начальником; они считают, что начальник зимовки — это их представитель, и им должно принадлежать здесь слово, решение, и они правильно так рассуждают. С сожалением т. Таян вспоминает, что Жердев отказался остаться, потому что был болен, хотел лечиться. Таян кончает письмо новым упреком Семенчуку:

„и насчет моржовой охоты — она на Роджерсе совсем была плохая, потому что не зная нами начальник Семенчук руководствовал, даже носовым стрелкам нельзя было махать рукой, указывать направление“.

Какая же может быть охота, когда человек, не знающий охоты, пришел и мешают „носовым махать“? А моржи славу Семенчуку поют: вот приехал с Большой земли настоящий морж, всем моржам морж; за ним, как за крепкой каменной стеной: ни один охотник не достанет! Охота сорвана, „носовой не машет“, охотники не стреляют, моржи по берегу „гоголем“ ходят...

Семенчук доволен, — все, говорит, в порядке. Но люди начинают голодать! Его это мало трогает. Люди начинают умирать! Его это тоже не смущает. Ему говорят товарищи-зимовщики: „Обрати внимание, помоги“. Он говорит: „Они лодыри.—Чего им помогать?“ У них, говорят, мяса не осталось свежего. — Он говорит: „Да им свежего и не нужно, пусть тухлое едят“.

Вот „политика“ Семенчука.

Я понимаю возмущение свидетелей, прошедших перед судом, горюющих, что это вредительство, антисоветское дело.

Тов. Ушаков говорил:

„Я мог бы расценивать деятельность Семенчука, как вредительство и желание скомпрометировать национальную советскую политику и всю работу на острове Врангеля. По-моему, он эту свою задачу — скомпрометировать советскую власть, советское государство, советскую страну, советский народ — народ Большой земли, он эту задачу частично выполнил, и если бы не приехал Жердев, который за короткий период времени сумел выправить положение, сумел восстановить нормальное положение, если бы еще некоторое время Семенчук был на острове Врангеля, — к тем смертям, которые были, прибавились бы еще новые. Все население и вся работа на острове были бы разгромлены Семенчуком“.

Семенчук это отрицает. Но что он противопоставляет этим убийственным фактам, кроме голого отрицания? Что он может противопоставить этим, в высшей степени обоснованным, достоверным, полным жизненной правды фактам, кроме голого „нет“? — Ничего, ибо нет у него ничего, что бы можно было противопоставить выдвинутому против Семенчука тягчайшему обвинению. И если я в качестве одного из важнейших и тягчайших обвинений против Семенчука дам такую характеристику результатов его управления: разгром, разложение, развал советской зимовки, созданной в неимоверно трудных условиях упорным героическим трудом лучших представителей нашей страны под руководством нашей партии, — то это будет правильно и непоколебимо сформулированное обвинение.

Я предъявляю Семенчуку тягчайшее обвинение от имени советского государства, советской власти в том, что он довел до гибели охотников,

и если я скажу, что за эти многочисленные человеческие смерти вся ответственность лежит на Семенчуке, — я не допущу никакого преувеличения!

Вот, товарищи-судьи, основное обвинение, которое не сумеет поколебать никто, никто не сумеет, и не сможет, и даже не осмелится и попытаться здесь колебать.

Лучшим доказательством этих преступлений Семенчука является приказ Главного управления Северного морского пути от 2 ноября 1935 года. Это не показания свидетелей. Это даже не заключение экспертов, это не описание путешествия. Это официальный приказ, который не может быть поколеблен никакими разговорами и оговорками:

„1. Отметить, что во время зимовки 1934/35 года:

а) на важнейшей полярной станции остров Врангеля во время зимовки 1934/35 года основные научные и промысловые работы были сорваны;

б) местное туземное население в количестве 63 чел. было предоставлено само себе, не велось с ним никакой работы и не было даже элементарной заботы, особенно в части питания, результатом чего явились массовые заболевания населения и даже смертельные случаи, как следствие недоедания (при наличии на станции продуктов на 3 года);

в) на станции царил беспорядок, порча ценнейших продуктов, недисциплинированность, антисемитизм, разложение и большая склока среди работников станции. В свете такого состояния зимовки загадочными явились гибель врача т. Вульфсона, самоубийство биолога т. Вакуленко и смерть каюра-эскимоса т. Тагью.

2. Все это явилось прямым результатом преступной беспечности, административного произвола и бездушного отношения к людям со стороны начальника станции Семенчука, который довел зимовку до полного хозяйственного и политического развала.

3. Даже после снятия Семенчука с работы и вывоза его на станцию мыс Шмидта, он „не понял“ происшедших событий на Врангеле, не подчинялся распоряжкам на станции мыс Шмидта, отказался работать и вел по существу паразитический образ жизни“.

Этот приказ констатирует наличие на станции порчи ценнейших продуктов, недисциплинированности, антисемитизма. Мы проверяли в течение судебного следствия, что собой представляет Семенчук и его друг-приятель-наперсник Вакуленко. Общее мнение — отъявленный антисемит. Это говорили все свидетели, начиная от Клечкина, Каймука и кончая Смирновым и даже Карбовским, о котором речь будет специально дальше.

„...В свете такого состояния зимовки загадочными явились гибель врача Вульфсона, самоубийство биолога Вакуленко и смерть каюра-эскимоса т. Тагью“.

Загадочно, но мы постараемся сегодня, в конце концов, эту загадку разгадать.

...„Все это явилось прямым результатом преступной беспечности, административного произвола и бездушного отношения к людям со стороны начальника станции Семенчука, который довел зимовку до полного хозяйственного развала“.

Вот что констатирует приказ за № 628. Может быть Отто Юльевич очень строг? Может быть, герой челюскинской эпопеи предъявляет к своим работникам требования сверх человеческих сил? — Нет, это не так. Тов. Шмидт остается на почве строго установленных фактов, проявляя в высшей степени объективное отношение к делу и не беря на себя здесь решения задач, которые должны быть и могут быть решены лишь в результате всестороннего проведения предварительного следствия и проверки материалов этого предварительного следствия на следствии судебном. Перейдем же к этой проверке.

Проверим их. Посмотрим на факты, которые позволили Шмидту издать свой приказ.

Впервые стало известно о безобразиях, творящихся на острове Врангеля, в результате прилета на остров Врангеля инспектора Главного управления Северного морского пути т. Жердева. Тов. Жердев рядом фактов подробно освещает и характеризует деятельность Семенчука, показывая нам эту деятельность с разных сторон, повертывая Семенчука, начальника зимовки на острове Врангеля в период 1934/35 года, всеми сторонами его лица. Но раньше всего т. Жердев должен был поставить перед собой вопрос о взаимоотношениях Семенчука с местным населением. После всестороннего ознакомления с положением вещей, как говорит т. Жердев „окончательно убедившись“, он пришел к заключению, что

„Семенчук раньше всего по совершенно непонятым соображениям вводил в заблуждение Главное управление Северного морского пути. Например, Семенчук посылал телеграммы, что эскимосы болеют какими-то эпидемическими болезнями, вроде тифа, что в условиях Арктики исключается и чего в действительности и не было“.

Мы из сообщения доктора Крашенинникова видели, что люди заболевали и умирали в действительности из-за недоедания.

Вместо того чтобы использовать небольшое количество дней, когда можно вести охоту на морского зверя — нерпу, моржа, тюленя, Семенчук собирал всех охотников и заставлял их таскать ящики, не считаясь с тем, что для охоты бесполезно уходит время. Теперь, в свете письма т. Таяна, которое я тут огласил, это становится совершенно бесспорным и абсолютно доказанным. Были охотники, которые советовали ему поступить иначе, — он таких охотников не слушался, и в результате все население, 63 человека, осталось без корма, без продовольствия. Склад был полон продовольствия. Если бы Семенчук не проявлял безжалостного, бездушного, совершенно бесчеловечного отношения к окружающим, он, по крайней мере, видя свои неудачи, мог бы помочь населению из собственных складов; там было продовольствия на три года, а Минеев говорит — муки на 10 лет, и это подтверждают все свидетели. Но Семенчук этого не сделал. Почему?

На это один ответ: потому, что это был человек, которому абсолютно чужды были интересы и эскимосов и советского строительства, ибо он сам чужд Советской Стране, интересам организации социалистического советского хозяйства, интересам социализма.

Я не думаю, чтобы Семенчук имел какую-то определенную политическую программу, по которой он действовал. Нет. Он действовал так потому, что он — Семенчук. Он действовал так потому, что „не понимал“, что такое ленинско-сталинская национальная политика.

Но могут сказать: ну, разве за то, что люди не понимают, можно привлекать к уголовной ответственности да еще по такой строгой статье, как 59-3, которая грозит самым грозным наказанием, имеющимся в системе наших уголовных наказаний?

Конечно, нельзя. Если бы он так действовал только потому, что он не понимал, — так действовать по отношению к Семенчуку было бы нельзя. Но не понимать этого мог только сумасшедший человек, как это говорил т. Ушаков, а Семенчук, хотя он и пытался симулировать психическую болезнь, изображая из себя в Бутырской тюрьме марсианина, — является совершенно нормальным и абсолютно вменяемым, а раз он совершенно нормальный, значит — он должен был это понимать, значит — он должен был видеть, к чему это ведет. Значит — дело далеко выходит за пределы простого „непонимания“.

Семенчуку были чужды, как чужды могут быть только врагу, интересы и задачи социалистического строительства острова. Семенчук так рассуждал: „Пусть все идет прахом, пусть вымрут эти самые эскимосы, которым от природы суждено есть тухлое мясо“. Такова „идеологическая“ установка Семенчука. И он действовал в соответствии с этой установкой, беря твердый курс на бессердечное отношение к людям, результатом чего явились голод, болезни и смерть. Ему говорили, ему указывали, ему советовали, против него пытались бороться, не так бороться, как „боролся“ Карбовский, который как крайнюю меру борьбы применял роспуск производственного совещания, а пытались бороться по-настоящему, как это делали Вульфсон, Фельдман, эти непартийные большевики, оказавшиеся на зимовке Врангеля настоящими большевиками. Ничего, к сожалению, нельзя сказать о тех „большевиках“, у которых были в карманах партийные и комсомольские билеты.

Мы спрашивали т. Жердева: „Можно ли было избежать на острове Врангеля человеческих жертв?“ Жердев ответил: „Можно. Склады были заполнены запасами продовольствия не меньше, чем на три года. Можно было авансировать эскимосов из запасов станции, и эскимосы это с лихвой вернули бы в течение года“.

„На мой вопрос Семенчуку, — рассказывал здесь т. Жердев, — почему ты не снабдил эскимосов, он отвечал: „Существует какая-то инструкция, какой-то закон“, которого, однако, никто не видел и он сам не видел, потому что такого закона не существует. Он говорил: „Надо беречь государственное добро“. А люди — разве это не государственное добро? По представлению Семенчука, люди, создающие это добро, — это не добро, их беречь не нужно.

Ведь дело дошло до того, что эскимосская семья Аналько на севере острова питалась сдохшей собакой и моржовой шкурой, снятой со старой байдары. Хотя Семенчук и это обстоятельство пытался, как вы помните, отрицать, но оно подтверждается и показаниями Старцева (вот он кивает и сейчас головой утвердительно). Это подтверждается показаниями и целого ряда свидетелей. Вот почему радист Богданов справедливо говорит:

„Семенчук вел антисоветскую политику в отношении туземцев, жестоко с ними обращался, срывал заготовку морского зверя, не выдавал продуктов, обрек туземцев на голод. Дошло до того, что туземцы питались оболочкой байдары“.

Вот профорг Золотовский, механик, показывает, что поведение Семенчука было преступно, что он вел антисоветскую политику по отношению туземцев, и перечисляет ряд фактов, подтверждающих это. То же говорили и гидролог Смирнов и Каймук. И, наконец, т. Долгий — начальник полярной станции на мысе Шмидта.

Показаниям Долгого я придаю особенное значение, потому что Долгий был в хороших отношениях или, как он говорил сам, „в самых хороших отношениях с Семенчуком“. Он не стал это отрицать, а, наоборот, признавши это, отбросивши затем эту условность, дал развернутые показания, которыми он ярко характеризовал преступную деятельность Семенчука.

Тов. Долгий говорит о жутких безобразиях, которые творил Семенчук, что он вел себя как „сатрап“, издевался над людьми. Мы знаем, что у Семенчука процветало и рукоприкладство, и не только с его стороны, но и со стороны его жены, которая один раз крепко прошла по физиономии Зарубы, что, конечно, осталось совершенно без всяких последствий со стороны Семенчука.

Вот положение вещей, которое было создано на Врангеле Семенчуком. „Жестокое, нечеловеческое отношение к туземцам, которых он обрекал на голод, смерть“, — говорит свидетель Долгий.

Куцевалов, молодой гидролог, который на меня произвел впечатление наиболее свежего человека из всех зимовщиков 1935 года (я исключая т. Фельдман из числа протухших людей этого бессильного, гнилого коллектива, который не носит в себе ничего коллективного. Это был не коллектив, а какое-то механическое соединение фигур, называемых людьми), — Куцевалов, мне кажется, является лучшим из них. Он говорит: „Семенчук сорвал заготовку морского зверя, не давал разрешения производить охоту“. Это, заметим кстати, опять-таки целиком подтверждается письмом Таяна. Когда Семенчука спрашивали, чем же будут питаться туземцы, Семенчук, по показаниям Куцевалова, отвечал: „Не ваше дело. У меня имеются свои соображения“. Куцевалов правильно добавляет: „Какие были у него соображения, я так и не знаю, но туземцы остались без мяса“. В самом деле, „соображениями“ Семенчука нельзя быть сытым!

Вы видели здесь молодого Ключкина, который говорит то же самое. Был такой характерный случай. Ключкин приехал к Кмо и увидел всю его семью в чрезвычайно тяжелом состоянии. У них не было пищи. Ключкин отдал им все свои продукты и вернулся обратно. „Когда, — показывает Ключкин, — я рассказал об этом Семенчуку и просил его послать Кмо продукты для больных, то Семенчук отказал и заявил: „Они — лодыри, продуктов не дам“. В результате продукты так и не были посланы, и спустя несколько дней Етуи и Таграк умерли, умерли голодной смертью“. Это охотники, лучшие охотники умирали от голода.

В течение полутора часов говорил Семенчук и ничего не мог сказать, не мог выдвинуть ни одного факта, не мог привести ни одного аргумента в защиту своей позиции, в опровержение всех этих фактов. Он бессилен их опровергнуть, потому что фактов у него нет, потому что то, что здесь говорилось, — это есть подлинная, настоящая правда.

Можно, пожалуй, так поставить вопрос: где же люди не умирают? Везде умирают, везде есть больные. Но я прошу учесть то обстоятельство, что на Врангеле в период 1934/35 года подавляющее большинство смертей зарегистрировано от голода, подавляющее большинство смертей на Врангеле явилось прямым последствием голода, организованного Семенчуком.

И второе: этот голод и недоедание явились не результатом какого-нибудь стихийного бедствия, а результатом сознательно, планомерно осуществлявшейся преступной бандитской деятельности Семенчука, направленной к тому, чтобы расшатать, поколебать советский правопорядок, пренебрегая интересами людей и пренебрегая интересами советского государства.

Позвольте кратко объяснить обстоятельства, требующие квалификации преступлений Семенчука по ст. 59-3, как бандитизм. Бандитизм есть не просто и не только, как это принято представлять себе, разновидность имущественных преступлений, преступных действий грабительского, разбойного характера. **Бандитизм это прежде всего, — и данный случай я считаю классическим примером бандитизма в собственном смысле этого понятия, — преступление, своим острием направленное против государственного управления или направленное именно на то, чтобы подорвать самые основы советского строительства, советского правопорядка.**

Деятельность Семенчука колебала основы хозяйственного строительства и правового строя Советской Страны, ибо остров Врангеля — это часть нашей страны.

Бандитизм является преступлением, опасным раньше всего для государства, так как он колеблет основы государственного управления, приводит к нарушению правильной деятельности органов управления, извращает эту деятельность, приводит в конечном итоге к колебанию государственного правопорядка и защищающих и охраняющих этот правопорядок законов, вызывает ослабление силы и авторитета власти.

Точный текст ст. 59-3 говорит о бандитизме, как об организации вооруженных банд и участии в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан. Но этот точный текст ст. 59-3 не может исключать необходимость и правомерность квалификации в качестве бандитизма и таких преступлений, которые совершаются людьми, пробравшимися к той или другой должности, занимавшими то или другое официальное положение в системе органов управления и использовавшими это свое положение в преступных целях, путем издевательств, нанесения всякого рода обид и несправедливостей, преследования, травли и даже прямого убийства своих жертв.

Но именно так обстояло дело на острове Врангеля при Семенчуке, который вместе со Старцевым и Вакуленко, имевшими в своем распоряжении, хотя и на легальном основании, оружие, образовали фактическую группу вооруженных людей („вооруженную банду“), позволявших себе бесчинства по отношению к населению, установивших преступно-бесчеловечный режим на зимовке и в отношении всего населения, приведших к подрыву хозяйственного благополучия и материального благосостояния населения острова, приведших к болезням, голоду и голодным смертям и завершивших свою „деятельность“ предательским убийством доктора Вульфсона.

Весь характер деятельности Семенчука и его соучастников, вся совокупность творимых ими безобразий и преступлений полностью укладывается в понятие бандитизма и дает все основания для квалификации этого преступления по ст. 59-3 УК РСФСР.

В документах, приобщенных к делу, есть телеграмма, мимо которой я не могу пройти именно потому, что это телеграмма от туземцев острова Врангеля, имена которых стали для нас не только знакомыми, но и родными, — это Таян, Кмо, Инкали и др., и зимовщиков — Петрова, Казанцева и др. Этой телеграммой они откликаются на наш процесс.

Я приведу из этой телеграммы несколько выдержек:

„Зимовщики и туземцы, — читаем мы в этой телеграмме, — целиком присоединяются к письму начальников полярных станций по поводу судебного процесса над Семенчуком и Старцевым. На острове еще не изгладилась воспоминания о времени преступлений Семенчука, которые лежат тяжелым и темным пятном на светлом десятилетии советского освоения острова“.

Не изгладилось до сих пор. Не изгладилось до сих пор на острове жуткое воспоминание о Семенчуке.

Осиротевшие семьи лучших охотников-эскимосов, погибших в результате бесчеловечного отношения к ним Семенчука, лишавшего их самого необходимого, лишавшего их помощи в суровых условиях Арктики, требуют сурового приговора над этим человеком.

Он втоптал в грязь почетнейшее в мире имя советского человека. Весь наличный состав охотников эскимосов

„с чувством негодования вспоминает Семенчука, ставшего в их памяти проклятием того времени, рабского времени, когда их народ был предметом угнетения, бесправия и издевательства. Нет возврата к прошлому, — пишут они. — Нет и не должно быть места в Советской Стране человеку, который пытался оживить прошлое“.

Это пишут Таян, Кмо. Это пишут далекие северные охотники, по радио откликнувшиеся на наш процесс. Они этой своей телеграммой прислали свой отклик, приняли активное участие в нашем процессе. Это живые свидетели.

Я прошу вас, товарищи-судьи, оценивая все обстоятельства дела, собранные по этому делу доказательства и улики, не забыть и об этой радиотелеграмме. Это тоже живой свидетель, имеющий полное право сказать свое слово о злодеяниях Семенчука.

У Семенчука был свой волчий, семенчуковский закон. Вы помните, как здесь Семенчук сказал, что в условиях Арктики приходится говорить одно, а делать другое. Он таким образом принципиально стоит на такой позиции, что в основе отношений между людьми в условиях Арктики должны лежать ложь и обман, должны быть лицемерие и предательство, двурушничество. Этот свой волчий закон объявил Семенчук священным законом Арктики и действовал и пытался управлять зимовкой в соответствии с этим законом. Семенчук просчитался. Его „закон“ — не закон Советской Арктики. Настоящий закон Советской Арктики говорит иначе. Это тот закон, который сформулировали охотники и зимовщики острова Врангеля в только что оглашенной телеграмме. Этот закон говорит о чувстве высокого товарищества друг к другу в этой суровой, полной опасностей обстановке. Именно это чувство высокого товарищеского отношения друг к другу и есть основной закон Советской Арктики. Но этот закон — не закон Семенчука. Минеев сказал, что на Севере к людям вообще относятся бережно. И что законом Севера и Арктики является обязанность дорожить человеческой жизнью больше, чем своей собственной.

Семенчук попрали этот закон. Он не дорожил человеческой жизнью, а если когда-нибудь какой-нибудь жизнью дорожил, так это только своей собственной.

Анализ деятельности Семенчука, как начальника зимовки, может быть выражен немногими словами: развал зимовки, издевательства, колонизаторское отношение к эскимосам, антисоветская деятельность, деятельность человека, не защищавшего интересы советского государства, а, наоборот, направлявшего свои усилия против этих интересов. Он действовал не как организатор, а как дезорганизатор, не как советский человек, а как враг Советской земли. Вся деятельность Семенчука, и это подтверждают все материалы и предварительного и судебного следствия, была направлена на подрыв авторитета советской власти, на вселение в души людей чувства обиды и тяжелых и незаслуженных оскорблений. Его деятельность представляла собой удар по нашим основным принципам национальной политики.

Семенчук в качестве начальника зимовки действовал грубо-преступно, нарушая все принципы ленинско-сталинской национальной политики, позволяя себе чудовищные извращения указаний нашей партии и вождя народов СССР тов. Сталина.

На совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства тов. Сталин говорил в своем выступлении о том, что есть одна вещь, более ценная, чем хлопок, — это дружба народов нашей страны, а дружба

между народами СССР большое и серьезное завоевание, ибо пока эта дружба существует,—говорил тов. Сталин,—народы нашей страны будут свободны и непобедимы.

Семенчук осмелился поправить эти замечательные слова, это замечательное указание нашего вождя и учителя.

На совещании передовых колхозников и колхозниц Узбекистана, Казахстана и Кара-Калпакии выступил т. Молотов. И я считаю необходимым сегодня напомнить об этом, ибо слова т. Молотова определяют наше отношение к тем извращениям, к преступным, бандитским извращениям советской национальной политики, которые допустил и продолжал систематически допускать Семенчук.

„Чем особенно велика,—говорил т. Молотов,—сила Советского Союза? Тем, что трудящиеся нашей страны, принадлежащие к разным национальностям, по-братски помогают друг другу. В свое время рабочие промышленных районов центра России первыми сбросили власть помещиков и капиталистов, а затем помогли крестьянам и дехканам построить колхозы. Теперь растет мощь наших колхозов, и колхозники самых различных районов Советского Союза являются в Москву с сообщением о своих больших успехах и об улучшении жизни в колхозах. На вашем примере мы видим также, как передовые колхозники с радостью отдают свои силы борьбе за лучшую жизнь не только для себя, но и за лучшую жизнь для трудящихся всех национальностей, всех народов Советского Союза.

Дружба народов Советского Союза—наша великая сила в борьбе за лучшую жизнь для трудящихся нашей страны. Но мы строим новую жизнь на территории, которая составляет не только значительную часть Европы, но и немалую часть Азии. А надо вспомнить, что четыре пятых населения земного шара—1600 миллионов из 2 миллиардов с лишним—составляют жители Европы и Азии. Если, с одной стороны, к тому, что происходит в Советском Союзе, внимательно присматриваются рабочие и крестьяне Европы, а с другой—трудящиеся Азии, как и трудящиеся других частей света, то каждый наш действительный успех в улучшении жизни трудящихся и в росте национальных культур в Советском Союзе является не только вопросом борьбы народов нашего Союза, но и живым, заразительным примером для народов всего мира.

Мы можем только радоваться тому, что такие слова, как „совет“ и „колхоз“, стали уже понятными трудящимся во всех частях земного шара. Чем успешнее мы будем двигаться вперед в строительстве новой, лучшей для трудящихся жизни, и чем больше трудящиеся других стран будут знать о том, что мы достигаем этого путем уничтожения классов помещиков и капиталистов на основе уничтожения господства одного народа над другим, на основе укрепления дружбы между рабочими и крестьянами всех национальностей,—тем заразительнее наш пример будет для трудящихся других стран. Мы добились этого благодаря тому, что слова „большевик“ и „большевизм“ сделались понятными трудящимся во всех уголках земного шара, как знамя освобождения трудящихся, как основа нашей победы“.

Так говорил т. Молотов, так учит нас тов. Сталин. А как действовал Семенчук? Семенчук сделал все, что от него зависело, сделал все, что только мог, чтобы эту национальную политику взорвать, чтобы слова „большевик“, „большевизм“, „советы“ превратить из родных и близких каждому трудящемуся понятий—в чуждые, а может быть и враждебные понятия. Это, правда, Семенчуку не удалось. Несмотря на всю слабость, коллектива зимовщиков 1934/35 года, карта Семенчука оказалось бита, преступления Семенчука оказались разоблаченными, честь и достоинство Советской Страны защищены. Ваш приговор в этой части должен будет закрепить эти наши усилия по охране достоинства и чести нашей Советской земли.

ПИСЬМО ЭСКИМОСА ТАЯНА

На имя А. И. Минеева, бывшего начальника острова Врангеля в период зимовок 1929—1934 годов, было прислано еще в августе 1935 года письмо эскимоса Таяна.

Письмо Таяна, отражающее любовь к лучшим людям нашей страны и ненависть к семенчуковщине, приводим ниже полностью с сохранением орфографии оригинала.

Редакция

А. И. МИНЕЕВУ и В. Ф. ВЛАСОВОЙ

Здравствуй бывший мой начальник (умилек)!

Я получил вас посылки с самолета, книжка, журнал, конфеты, фотографии. Учин рад посылками. Получил с парохода „Красина“ посылки и письмо от Казанского. Все эскемоя рады посылками и фотографиям. Я раздал всем кому написану. Шлем искрыни привет тебе и анахаку. Мы эскемоя вас помним, забываем, скучайм по вас.

Я живу на севере охотникум. Этом году охота очин плохая, мало песцов и медведи. Я сам не одного песца не поймал и не убил медведи, потому часто я болел очиня сельно. Хорошо что доктора были хороший, мне спасли. Если бы не было докторов я бы умер. А сыно мой Володка умер, жалием его. Он ужич начал говорит по русски, здоровался докторами.

Когда я лижал, Инкали сама пишком ходила за дровами на кошку. На себя тащила нарту потому, говорить, Семенчук дров не давал.

Насчет других охотников, чем оне болели я незнаю. Почиму мало поймали песцов? Оне говорят потому, что работы много было и проболели. Все охотники заболели, также умерло охотников: Тагею, Етуй, Навок, Тагаак (новыи приежий), Синомы, Кивуткак.

Эти охотники умерли после гибели доктора. Он сам замерз, оне уехали в Влоссом с Степкой. Пурга их застала по дороге, друг другу потеряли и он погиб — так я слышал от Степки. Еще один русски биолог сам застрелился. Это я не знаю по чиму, он застрелился, потому, что я только что начал ходит немного. Я лыжал 4 месяц, дажи был без памяти. Говорят, что я простудился на севере.

Семя Пнакуля ели собак и кожи лахтаци. И у меня собаки подохли, очин мало осталось, по тому, что мало было корму. У меня мясо не убрали с косы, та собаки, писали, обклотали миного.

Насчет продуктов. Нам выдавали по одной банки на месяц мясных на человека. Охотникам сахару спирва по 2 кило, а потом по 1 кило, рису 0,25 на человека, компот тоже. И крупы охотникам выдавали спирва в кредит на 6 месяц, а потом только под пушину.

А когда сменили Семенчука, прилител Жертев, припавили продуктов. Охота ужа прошла, он охотникам дал поддержку и он помог охотникам. Дажи мы хотели его оставит, он отказался, потому что он больной, хотел лечится.

Мы бы вам что небудь послали, но у нас нечего нет. Ну мы знайм вы проживети как небуд. Ну помни, если по чиму небуд нужно будет дениги, пиши телеграму, а мы поможем вам, пошлем дениг.

Шлю тебе и Власовой мой искрыни привет. Не забуду вас и все эскемося опищают, не забыт. Очин довольный все охотники подарками и фотографий. Пока так.

Насчет моржовый охоты онас на Роджре совсим было плохо, потому что не зная нам начальник Семенчук руководствовал. Дажн носовому стрелку нельзя был махат рукой, сказыват направление лыжи, все таки знаем ход немного.

Но пока ничего писат. Еще раз шлю вам горячи, ярки, искрыны привет, жилаю числивой прожизвания.

Ваш Таян.

Остров Врангеля. 1935. 31 августа

ПРИГОВОР ВЕРХОВНОГО СУДА НАД СЕМЕНЧУКОМ И СТАРЦЕВЫМ

Приговор

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Верховный суд РСФСР в открытом судебном заседании от 17 мая 1936 года по 23 мая 1936 года в составе: председательствующего т. Бермана Я. Л., нарзаседателей тт. Бабушкина М. С. и Кругловой Э. А. с участием государственного обвинителя в лице Прокурора Союза т. Вышинского А. Я., гражданского истца ЧКЗ т. Брауде, и защиты Фрунзенского коллектива защитников — ЧКЗ т. Комодова Н. В. и Казначеева С. Г., при секретаре т. Кушельниковой, рассмотрел дело по обвинению:

1) Семенчука Константина Дмитриевича, 38 лет, бывшего члена ВКП(б) с 1919 года, исключенного в связи с данным делом, происходящего из крестьян, со средним незаконченным образованием, женатый, несудившийся, — в преступлении, предусмотренном ст. 59-3 Уголовного Кодекса РСФСР,

2) Старцева Степана Павловича, 37 лет, происходящего из рабочих, малограмотного, беспартийного, вдовец, несудившийся, — в преступлении, предусмотренном ст. 59-3 Уголовного Кодекса РСФСР.

Суд, проверив материалы предварительного следствия, опросив свидетелей, экспертов, заслушав объяснения обвиняемых и прения сторон, установил:

Летом 1934 года ГУСМП была организована группа зимовщиков во главе с обвиняемым Семенчуком К. Д. и отправлена на остров Врангеля на зимовку. Ввиду того, что в это время руководство ГУСМП было занято организацией спасения челюскинцев,

набор этих зимовщиков был проведен плохо, без достаточной предварительной проверки их. И поэтому, как оказалось впоследствии, в этой группе зимовщиков, отправленной на одну из ответственных зимовок Советского Севера, большинство из них были абсолютно непригодными для советской зимовки в Арктике: трусливые, нерешительные, алкоголики, не понимавшие задач советской зимовки, лишенные чувств товарищества, особенно необходимых в суровых условиях арктической зимовки. Прошедшие перед судом в качестве свидетелей зимовщики Карбовский, Богданов, Золотовский, Семенчук Надежда, характеристики, данные кончившему самоубийством биологу Вакуленко, — ярко продемонстрировали, из каких случайных, абсолютно непригодных для зимовки людей в большинстве своем была составлена эта группа зимовщиков. Но среди всех них особенно выделялся всеми своими отрицательными качествами сам начальник зимовки Семенчук К. Д.

Свои обязанности начальника зимовки он рассматривал только как право неограниченного бесконтрольного командования зимовщиками. Своих задач, как представителя советской власти на далеком Севере — обязанность помощи местному туземному населению в организации и развитии их промысла, в поднятии их культуры — он не понимал. Более того, с первых дней своего появления на острове Врангеля он начал воскрешать нравы капиталистических торговцев в отношении к местному населению; показал, что ему совершенно чужды их интересы; проявлял к ним безжалостно-бездушное отношение.

Верховный суд считает установленным, что начальник зимовки острова Врангеля в 1934/35 году Семенчук К. Д. за короткий срок своего пребывания на острове разрушил начавшееся укрепляться хозяйство

эскимосов, довел их до такого состояния, что промышленники и охотники эскимосы со своими семьями начали голодать, не смогли кормить самых необходимых в их хозяйстве помощников — собак, и те начали погибать; в отдельных случаях вынуждены были начать питаться моржовой кожей (охотник Апалько); и в результате несколько человек эскимосов умерло от голода (лучшие охотники острова Тагью, Таграк, Етви, жена Анакак, сын Таяна, Навак и др.).

Вывод о том, что разрушение хозяйств эскимосов в 1934/35 году имело место благодаря антисоветской, колонизаторской политике Семенчука К. Д. — Верховный суд делает на основании следующих, проверенных на судебном следствии фактов и материалов:

1) Семенчук, как начальник зимовки, сорвал охоту на острове Врангеля. В самые горячие месяцы охоты на моржей (сентябрь — октябрь) он, вместо того чтобы самому помочь организовать охоту, сорвал ее, заставив всех работать на строительных работах на зимовке; не давал охотникам, несмотря на их просьбы, катера для охоты на моржей. В результате местное население не смогло запастись на зиму моржовым мясом для прокорма. За все время пребывания Семенчука начальником зимовки было заготовлено всего 50 песцов, тогда как за предыдущие годы их заготавливали сотни. Благодаря этому, процветавшее со времени первых советских зимовок, с 1926 года, хозяйство местных туземцев на острове Врангеля пришло в полный упадок. И потребовалось, после его отъезда, продолжительное время для восстановления этих хозяйств.

2) Когда местное население, исчерпав все имевшиеся у них с прошлых лет запасы продовольствия, начало голодать, Семенчук, несмотря на то, что на полярную станцию было завезено разных продуктов в значительном количестве (не менее чем на три года), упорно отказывается в выдаче им продуктов в порядке хотя бы авансирования, сопровождая этот свой отказ заявлением, что „туземцы все лодыри, кормить их не буду“. Таким образом, Семенчук, сорвав охоту туземцам, оставив их благодаря этому без мяса, в то же время отказывался выдать им продовольствие со складов станции, отказывался авансировать их продуктами (хотя эта система практиковалась на острове Врангеля все время при Ушакове и Минееве, вполне себя оправдала, так как туземцы всегда честно погашали свою задолженность). А если в отдельных случаях Семенчук и соглашался выдать продукты, то он устанавливал возмутительно-мизерную норму (одна банка мясных консервов на охотника в месяц).

3) Лишенное продовольствия население начало голодать. И на почве голода начались заболевания. Но, однако, это мало

смущало Семенчука. Последовательный до конца в своей политике к местным жителям, в своем отношении к ним, как к людям „черной кости“, нужда и страдание которых его совсем не беспокоили, он отказывает в выдаче продовольствия даже и больным. Ярким примером такого зверского отношения Семенчука даже к больным является случай, имевший место при заболевании детей одного из лучших охотников острова Врангеля — т. Таяна. Семенчук не хочет выдать консервированное молоко детям. Только по категорическому настоянию врача Вульфсона он, наконец, выдает на больных детей четыре банки консервированного молока, но при следующей выдаче он немедленно удерживает это молоко; и дети вновь заболевают.

4) Несмотря на наличие на зимовке больших запасов топлива, Семенчук отказывает местному населению и в выдаче топлива. Доходит дело до того, что некоторые зимовщики, проникшись жалостью, сами тайно таскали и приносили им топливо (семье Таяна).

5) Умирает несколько человек от голода, недоедания, Семенчука это мало тревожит, и никаких мер он не принимает. А в ГУСМП, для своего оправдания, он посылает ложное сообщение о том, что на острове началась поголовная эпидемия брюшного тифа (телеграмма от 26 февраля 1935 года), что, естественно, в ГУСМП вызвало большое недоумение.

Такое отношение Семенчука к местному населению Верховный суд рассматривает, как воскрешение политики капиталистической эксплуатации малых, отсталых народностей, как полное поправление ленинско-сталинской национальной политики. Этим своим особо-тяжким и опасным преступлением Семенчук поставил под удар установившуюся крепкую дружбу, связь, величайшее доверие к советским героическим полярникам, к советской власти, со стороны северных народов, впервые в советских полярниках увидевших подлинных друзей, товарищей и помощников. Только укрепившаяся любовь и доверие к советской власти не дали возможности Семенчуку своим преступным отношением к местному населению дискредитировать в их глазах советскую власть. Имеющиеся в деле письмо охотника Таяна, не мало преследований испытывавшего от Семенчука, посланное быв. начальнику зимовки на острове Врангеля т. Минееву — служит этому прямым подтверждением.

Преступная деятельность Семенчука не ограничивалась только бесчеловечным отношением к местному населению. Его деятельность как начальника зимовки ознаменовалась целым рядом преступных действий и по отношению к зимовщикам. Научной работой зимовщиков он не интересуется. Выполнением плана работ зимовки не за-

нимается, и план не выполняется. Жизнь зимовщиков, главным образом, заполняется дразгами, склоками, пьянками и даже дракой. Сам Семенчук не только ничего не делает для того, чтобы оздоровить коллектив зимовщиков, но сам всем своим поведением способствует такой обстановке. Приблизив к себе в качестве главного своего помощника биолога Вакуленко, алкоголика, по общей характеристике разложившегося человека, антисемита (кончившего в марте 1935 года по невыясненным причинам самоубийством); Карбовского, трусливого, безвольного парторга, беспрекословно исполнявшего распоряжения Семенчука (привлеченного к судебной ответственности специальным определением Верховного суда); Старцева, целиком ему преданного и послушного, жителя острова Врангеля; и свою жену Надежду Семенчук — создает группу, помощью которой он пытается запугивая всех других зимовщиков, прикрыть свои преступные действия. Они у него постоянные свидетели, очевидцы для составления всяких актов, рапортов, показаний, часть из которых, как установлено судом, являлась подложной, искажающей факты. Творимые ими безобразия остаются безнаказанными. Вакуленко пьянствует, крадет спирт, все это остается безнаказанным. На Старцева поступает заявление от эскимоса Паля, что Старцев изнасиловал его дочерей, — это заявление даже не рассматривается. Семенчук Надежда в столовой бьет по лицу рабочего Зарубу — никаких мер воздействия не принимается. Между тем как в отношении всех других Семенчук исключительно строг, грозит тем, что он на острове Врангеля объединяет в себе все органы советской власти и облечен всеми правами. «Я здесь прокуратура, ГПУ и суд», — обычно заявлял он. И для подтверждения этих якобы принадлежащих ему прав, он устраивает в бане арестное помещение, куда сажает провинившихся зимовщиков (дважды арестовал Клечкина).

Такова обстановка, созданная Семенчуком в 1934/35 году на острове Врангеля. Безвольный, трусливый, абсолютно лишенный всяких чувств товарищества коллектив зимовщиков молчит. Видит преступные, безобразные действия Семенчука — но не протестует, сам подавленный угрозами Семенчука. В этом отношении коллектив зимовщиков на о. Врангеля в 1934/35 году представлял из себя печальное исключение по сравнению со всеми другими советскими зимовками, показавшими примеры высокого героического чувства товарищества, коллективности и величайшей заботливости к местному населению.

Только два человека во всем коллективе начинают борьбу против Семенчука: врач Вульфсон и его жена Фельдман Г. Б. Вульфсон врач-общественник, со всем рвением взявшийся за работу на зимовке, — сразу

встречает резкое противодействие со стороны Семенчука. Это противодействие еще более усиливается, как только Вульфсон, возмущенный поведением Семенчука начинает против него выступать. Семенчук отказывает ему в различного рода требованиях, связанных с организацией медицинской помощи населению. Отказывает ему в выдаче теплых вещей, необходимых для поездки по острову. Доводит до того, что Вульфсон вынужден подать рапорт об освобождении его от работы, так как в создавшихся условиях он не может обеспечить нормальную медицинскую помощь населению. Но, несмотря на это, как показали все свидетели, Вульфсон до своей гибели добросовестно ведет свою работу.

26 декабря доктор Вульфсон, по приказанию Семенчука, якобы получившего вызов врача к больным туземцам в бухту Предательскую и мыс Блоссом, выезжает в сопровождении Старцева на двух нартах из мыса Роджерс. 31 декабря Старцев возвращается один на мыс Роджерс и сообщает, что он 27 декабря выехав с доктором Вульфсоном из бухты Сомнительной, в бухту Предательскую, во время пути потерял доктора, что он пытался из бухты Сомнительной, вместе с туземцем Кмо искать доктора, но не нашел и поэтому приехал спобить о потерю доктора на полярную станцию. По настоянию нескольких зимовщиков в ночь с 31 декабря 1934 года на 1 января 1935 г. с полярной станции выехали в бухту Сомнительную несколько нарт с зимовщиками и охотниками для розысков. В первый день поисков 1 января зимовщик Куцевалов нашел нарту доктора к северу от бухты Сомнительной на расстоянии примерно шести километров. Нарта оказалась крепко застопоренной, из восьми собак семь живыми, а одна мертвой. На нарте овчинный тудуп и оленья постель. И только 5 января 1935 г. был найден труп доктора Вульфсона. Труп был найден зимовщиком Вакуленко и охотником Тагью, примерно в двух километрах от места, где была найдена нарта. По показаниям Вакуленко, доставившего труп доктора в бухту Сомнительную, труп был найден лежащим на снегу, вверх лицом, со сбившейся с головы шапкой, около него на расстоянии пяти метров лежали рукавицы и недалеко поломанный винчестер о одной простреленной гильзой. Согласно акту первого осмотра, произведенного в бухте Сомнительной, — лицо доктора было обезображено, ссадинами на лице, лице и шарф вокруг шеи в крови, нос приплюснут, и оторван носовой хрящ; на руках у запястья кольцевые ссадины; одна пола кухлянки оторвана. 7 января труп доктора был привезен на мыс Роджерс и там, без вскрытия, 11 января был похоронен.

Несмотря на то, что ряд обстоятельств (найденные отдельно от трупа застопоренные нарты, разбитое лицо, поломанный вин-

честер и др.) давал все основания предположить насильственную смерть доктора, и несмотря на то, что разговоры о Старцеве, как виновнике смерти доктора, были в первые же дни после нахождения трупа, Семенчук сам проводит следствие и, без вскрытия трупа, без всякого анализа всех обстоятельств гибели доктора, исключительно основываясь на показаниях самого Старцева, что он потерял доктора, составляет заключение о том, что доктор, потеряв Старцева, заблудился, бросил нарты и сам, в пьяном виде, замерз. И когда доктор Фельдман, сразу заподозрившая насильственную смерть Вульфсона, потребовала сообщения в Москву о присылке постороннего лица для расследования гибели доктора Вульфсона, Семенчук начинает своими привычными методами преследовать ее. Он задерживает ее телеграммы и письма, не отправляет их. Он грозит расправиться с ней. Он снимает ее с довольствия, мотивируя это тем, что она якобы отказывается лечить больных, тогда как в действительности Фельдман в оказании медицинской помощи никому не отказывала. Он запрещает зимовщикам и туземцам посещать ее квартиру. Больную, с маточным кровотечением и с температурой в 40°, он хотел заставить поехать по острову, якобы для лечения. И когда она отказалась, мотивируя своим болезненным состоянием, он отдает приказ 23 февраля о ее немедленном выселении из пределов зимовки в другой район, мало населенный пункт. И велел Клеккину в тот же день приготовить нарты для ее отправки. Только вмешательство некоторых зимовщиков заставило его отказаться от этого выселения Фельдман.

Причины и мотивы такого жестокого обращения Семенчука с гр. Фельдман для суда вполне ясны в свете других материалов дела и судебного следствия. Эти материалы привели Верховный суд к твердому убеждению, что доктор Вульфсон был убит, что непосредственным убийцей Вульфсона является бывший с ним в дни убийства обвиняемый Старцев, что обвиняемый Старцев это убийство совершил по указанию Семенчука.

Этот вывод Верховный суд делает на основании следующих данных:

1) Акт медицинского вскрытия трупа Вульфсона от 19 апреля доктором Крашенинниковым и анализ этой экспертизы, сделанный на судебном заседании судебным экспертом доктором Семеновским, по мнению суда, исключает смерть Вульфсона от замерзания или от какого-нибудь несчастного случая (падение с нарты, падение на лед, на камень и т. п.) и совершенно точно приводит к заключению, по всем внешним и внутренним признакам трупа Вульфсона, к выводу, что смерть Вульфсона могла последовать только от удара, нанесенного в лицо убитого и вызвавшего сотрясения мозга.

2) Объяснения Старцева, что доктор Вульфсон его обогнал в пургу на его, Старцева, передовых собаках, и он его потерял, суд, основываясь на показаниях опытных полярников тт. Ушакова и Минеева, — признает абсолютно неправдоподобными, в особенности еще потому, что доктор Вульфсон в эту поездку впервые один ехал на нарте. Отвергая эти объяснения Старцева полностью, суд кроме того считает, что Старцев, давший несколько противоречивых показаний о том, что он делал с 27 декабря по 31 декабря в бухте Сомнительной, на самом деле в течение этих четырех дней сам не ехал на розыски якобы потерянного им доктора и не посылал на розыски бывших в то время в бухте Сомнительной охотников Кмо и Тагью. Если бы Старцев действительно потерял доктора, он бы в эти дни сам искал доктора. И тот факт, что он его не искал, и то что он дает неправдоподобные объяснения о потере доктора, и то, что в это время в этом районе других людей не было и не могло быть, приводят Верховный суд к убеждению, что доктор Вульфсон убит Старцевым.

3) Материалами дела можно считать установленным, что Старцев был всегда послушным и абсолютно преданным исполнителем у Семенчука, он был предан последнему. У Старцева и Вульфсона не было каких-либо личных столкновений. Убить Вульфсона Старцев мог только по указанию другого лица и в интересах этого лица. Таким лицом мог быть только Семенчук, что по мнению Верховного суда подтверждается целые рядом хотя и косвенных, но достаточных улик, характеризующих поведение Семенчука как до, так и после убийства Вульфсона. Семенчук был заинтересован в устранении Вульфсона, единственного человека на зимовке, выступавшего против него и опасного для него, как возможного разоблачителя его преступных действий на острове. По показаниям свидетелей, до убийства Вульфсона Семенчук угрожал тем, что он может с ним расправиться. И, повидимому предвидя такую расправу, доктор Вульфсон перед отъездом 25 декабря оставляет дома записку, в которой пишет, что в случае своей гибели просит винить только Семенчука К. Д.

Материалами дела показано, что Семенчук, приказывая доктору Вульфсону ехать в Предательскую и мыс Блоссом, выдумал о том, что оттуда был вызов врача. Такого вызова врача не было. Семенчук назначает Вульфсону проводником Старцева, ранее никогда проводником не ездившего, и в то время, когда на мысе Роджерс находились два охотника с запада (Таграк и Игуй) и они могли поехать с доктором, но Семенчук их отправляет на север за керосином, в то время когда на мысе Роджерс был керосин. Семенчук 31 декабря при получении известия о якобы потере Старцевым доктора

пытается отложить выезд на розыски до следующего дня. По приезде в Сомнительную Семенчук направляет Старцева на поиски на восток, в направлении как раз обратном тому, где, по словам Старцева, он потерял доктора. При нахождении трупа он вместе с Вакуленко пытается сорвать труп в лунку, что сделало бы невозможным раскрытие причины гибели доктора. Без всякого какого-либо основания, более того, вопреки всем данным нахождения трупа и его внешнего вида, он сразу пускает версию, что доктор погиб пьяный, заблудившись пешком. Он задерживает всякие сообщения о гибели доктора, особенно со стороны Фельдман, проявляя исключительное опасение к тому, как бы не выпало из его рук проводимое им следствие по делу о смерти Вульфсона, и держит это следствие в секрете от всех (кроме Вакуленко). Он систематически, последовательно начинает сейчас же после гибели Вульфсона травлю Фельдман, вплоть до попытки выселения ее в малообитаемую часть острова, что было бы для нее равносильно смерти. Это обстоятельство суд не может рассматривать иначе как попытку расправиться с Фельдман, как с опасным для него свидетелем его преступлений, как с единственным человеком на зимовке, который открыто говорит об убийстве доктора. О том, что он именно намеревался с ней расправиться, Семенчук не скрывал; говорил об этом Старцеву, что последний и подтверждает. Особые опасения он высказывает и тогда, когда Фельдман отправляли на мыс Шмидта; тогда Семенчук, повидимому, надеясь на свои приятельские отношения с нач. зимовки мыса Шмидта г. Долгий, специально пишет ему о Фельдман, о том, что у нее имеются какие-то документы, что не надо давать ей сгравок, что не надо давать ей работу.

Все эти вместе взятые улики, по мнению суда, служат достаточным основанием для вывода, что Семенчук подготовлял расправу с доктором, что он был в ней заинтересован, что Старцев мог совершить убийство только по его указанию, что причастность Семенчука к убийству доктора Вульфсона несомненно подтверждается всем его поведением после убийства, представляющим последовательную линию на то, чтобы уничтожить все то, что могло бы раскрыть подлинные причины гибели доктора. И, наконец, Верховный суд не может пройти мимо того факта, что упорно отрицающий свою вину Старцев один раз выдал Семенчука, как участника убийства, ответив на суде на вопрос, что вам сказал Семенчук перед отъездом с доктором: „Оставьте его в дороге“.

Переходя к оценке и квалификации преступных действий, совершенных Семенчуком К. Д. и Старцевым С. П. на острове Врангеля, Верховный суд считает, что эти преступления должны быть квалифицированы по ст. 56-3 УК.

Все преступные действия Семенчука — развал зимовки, бессердечное, жестокое, колонизаторское отношение к местному населению, полное пренебрежение его интересами даже тогда, когда они стали голодать; антисоветское, граничащее с вредительством поведение его, как начальника зимовки, как представителя советской власти на важнейшем форпосте Советской Арктики, организация с помощью Старцева убийства преданного зимовщика — врача-общественника Вульфсона и, наконец, подлоги актов, рапортов, следственных материалов, издевательства над Фельдман, как единственным возможным разоблачителем всех его преступлений, — все эти тягчайшие преступления, совершенные Семенчуком, Верховный суд рассматривает, как особо-опасные для социалистического правопорядка, как преступления, подрывающие великую ленинско-сталинскую национальную политику помощи, дружбы, поддержки малых народов Севера, в прошлом жестоко эксплуатиремых; как преступления, вызвавшие смерти эскимосов от голода и завершившиеся зверским убийством Вульфсона. Такие преступные действия — это действия бандита, пробравшегося на ответственный пост представителя советской власти, использовавшего эту власть для издевательства, насилий, подлогов, предательства и убийства.

В нашей великой социалистической родине, стране, являющей примеры исключительной товарищеской коллективной спаянности, организованности в самых тяжелых условиях борьбы за освоение и процветание далекого Советского Севера, — эти преступления как Семенчука, так и Старцева, непосредственного убийцы доверившегося ему доктора Вульфсона, требуют самого сурового наказания.

На основании изложенного Верховный суд, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК, п р и г о в о р и л:

1. Семенчука Константина Дмитриевича и
2. Старцева Степана Павловича к высшей мере наказания — к расстрелу.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Председатель Берман

Члены: Бабушкин, Круглова

Н. М. ЯНСОН

НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

Поездка на Шпицберген началась с осмотра в Мурманске наших северныхстроек.

В этом году к началу навигации должна быть закончена большая гостиница. Мы отправляем на Шпицберген и обратно большие группы рабочих. До сих пор на время ожидания парохода люди не имели пристанища. Теперь построен большой, неплохо оборудованный дом. По удобствам и чистоте наша гостиница не должна уступать самой лучшей городской гостинице.

Другой объект — Мурманский судоремонтный завод. В ожидании „Литке“ мы имели достаточно времени, чтобы хорошо ознакомиться с этой стройкой.

В отличие от гражданского, промышленное строительство шло слабее. Заводская площадка — пока в самом начале работ. За этим строительством нужно повседневно следить. Оно должно быть нашей первой заботой. Надо своевременно закончить проекты и сметы, чтобы представить их на утверждение правительства.

„Литке“ прибыл в порт только 9 апреля. Он шел во льду трое суток. „Ленин“ ему

Первая роза (в теплицах
Баренцбурга)

помог только выколоть лед на Северной Двине и оставил его около бара. Через бар реки и через Белое море „Литке“ пришлось пробираться самому.

Во время рейса я наблюдал за работой т. Хлебникова и считаю, что это один из самых способных молодых капитанов, который заслуживает выдвижения. Он и способный администратор и хороший навигатор.

9 апреля мы пришли в Мурманск, а 11-го отправились в плавание. Около Шпицбергена встретили мелкобитый лед. Утром подошли к пристани, и первое, что бросилось в глаза, — это колоссальные груды угля. Мы воочию убеждались в прекрасной работе советских углекопов-зимовщиков.

Кроме береговых складов, наиболее важным и основным участком была электростанция. Каждый знает, что электростанция — сердце предприятия. Она всегда должна содержаться особенно опрятно. Но когда я пришел на станцию, ее начальник был недоволен: почему мы так рано к нему пришли, — он еще не успел навести чистоту. Мы застали его врасплох. Нам даже пробовали доказать, что здесь, в угольном городе, невозможно поддерживать чистоту. Однако, когда я зашел туда перед отъездом, внешность станции была неузнаваемой.

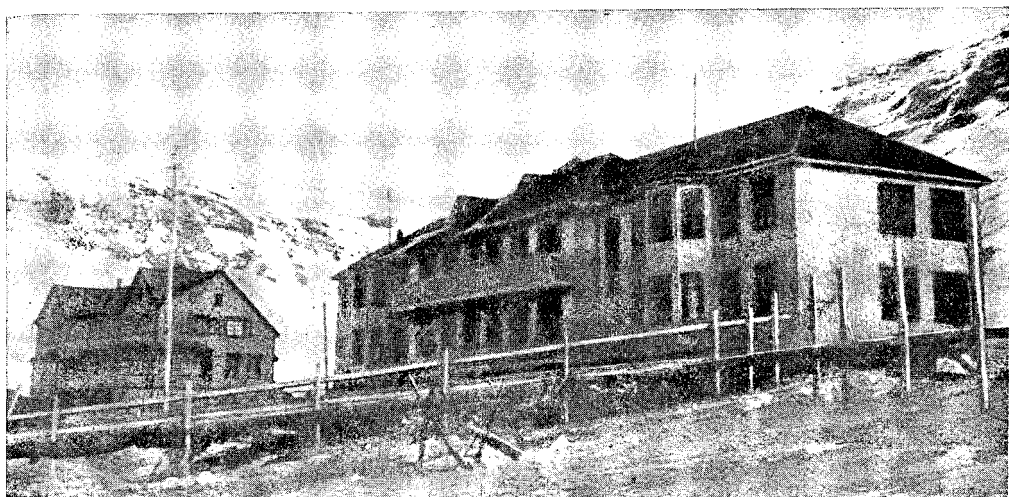
Мы зашли и в пожарное депо. Иностранные туристы очень интересуются нашими общежитиями и тем, как мы обслуживаем рабочих. Но если туристы зайдут в пожарное депо, то выводы будут далеко не в нашу пользу. Мы хотели испробовать действие мотопомп, но оказалось, что один моторист ушел спать, а другой к мотопомпам этого вида не привык. Разве не может случиться то же самое и во время пожара?

Обошли мы и общежития.

Те, кто видел эти общежития в прошлом году, не могут сравнивать их с теперешними. Порядок и чистота. В каждом общежитии за чистотой следит староста. Соревнование вызывает желание более культурно обставить свое жилище. В женских комнатах мы видели на кроватях пикейные одеяла и кружевные накидки на подушках.

Стахановец И. А. Лохман в забое

Дом для семейных рабочих в Баренцбурге

Но кое-где, однако, люди чувствуют себя временными жителями. Сохранилась, например, привычка прятать в сундук вещи. Общественным организациям пришлось немало разъяснять этот „сундучный“ вопрос.

Работа в шахте также имеет свои удобства. Здесь нет обычной для шахт воды, а следовательно и грязи. Вся работа проходит в полосе вечной мерзлоты среди сухих и чистых пластов.

В новом „Доме отличника“, культурно оборудованном, живут стахановцы. Хорошее впечатление также оставляет больница. Ей предоставлен так называемый „консульский дом“, где при голландцах жил директор, а после жил наш консул. Это самый лучший дом Баренцбурга, к тому же вместительный. Больнице соответствует и врачебный персонал. Хирург Папавьян успешно делает на острове сложные операции.

В Баренцбурге работает новая механизированная прачечная. В помещении же прежней маленькой прачечной — теперь свинарник. 250 голов свиней прекрасно кормятся, полнеют.

Предприятие, которым гордятся шпицбергеновцы, — это теплицы. Уже в конце апреля на острове были свои огурцы, лук и салат. Правда, всего этого было немного, но все же разнообразило меню. Когда появились первые четыре огурца, весь рудник пришел смотреть на них.

В Баренцбурге довольно большой клуб — на 800 человек. 8 разных кружков охватывают культурной 268 человек. За 3 месяца проведено 30 вечеров и состоялось 134 киносеанса. Слабее развит спорт. Лыжников недостаточно.

Самое большое здание на 78 параллели, которым гордятся шпицбергенцы, — это новое здание управления (и столовая). Первое каменное (шлакобетонное) здание — два с половиной этажа. Во втором этаже столовая с кухней, а в полуподвале — кладовки. Столовая хорошо обслуживает посетителей. Недаром на руднике обычное приветствие: „А, здравствуй, сколько прибавил?“ — и оказывается, 4—8 и даже 10 килограммов.

На рудниках создана неплохая бытовая обстановка — питание, общежитие, культурные развлечения, там можно весело жить и работать.

Работа на советском руднике механизирована не хуже, чем у норвежцев, а в некотором отношении даже лучше.

Из лавы уголь попадает на рештак. Так как пласт имеет наклон от 10 до 15°, то уголь идет самотеком до самого штрека. С рештака уголь сыплется в вагонетки. 50 вагонеток, образовавших поезд, увозит электровоз. В главной штольне, куда приходит этот поезд, стрелочник ловко отцепляет электровоз, который уходит по одним рельсам, а поезд по инерции перекачивается на другие. Опрокидыватель опорожняет каждую вагонетку, уголь падает в бункер, а вагонетка снова занимает прежнее положение.

Уголь из бункера попадает в „грохот“, который делит породу на три сорта. Мелкий уголь высыпается, а куски передаются на ленточный конвейер, где работают 3—4 сортировщицы. Там же стоит рабочий с молотом и раздробляет большие куски. Отсюда уголь падает на кран.

Кран—замечательное сооружение. Я хорошо знаю наши портовые устройства, но такого мощного агрегата нигде не встречал. Уголь развозится по конвейеру и попадает наконец на склад.

По норме, установленной Наркомводом, кран выгружает 3600 тонн в сутки. В действительности же таким краном можно погрузить еще больше. Недавно 3 тысячи тонн угля было нагружено срочно на судно в 11—12 часов. Наша задача заключается не в том, чтобы хранить на острове большое количество угля, а, наоборот, больше его вывозить.

В нынешнем году мы на 36 дней раньше начали навигацию. Считаю, что в 1937 году мы можем работать уже 8 месяцев, т. е. увеличить навигацию на 2 месяца (главным образом за счет более раннего начала). Тогда у нас перерыв будет уже только 4 месяца. Подготовив радиомаяки и организовав лучше службу погоды, нам нетрудно будет увеличить время навигации.

Трест все время перевыполняет свой производственный план. С развертыванием стахановского движения и благодаря рекорду **Лохмана** в марте были увеличены нормы на 30%. Лава раньше давала 16 тонн, а теперь уже—21 тонну.

В Баренцбурге 148 стахановцев, из них 20 мастеров забоя; перевыполняющих нормы от 125 процентов и выше—62 человека. Тов. **Лохман**, навалотбойщик второго участка, выполнил план на 304%, мастер первого участка т. **Штонда**—на 300,5%. 25 апреля т. **Лохман** перекрыл прежний свой рекорд и дал 159 тонн. Понятно, что успех дела зависит от хорошей подготовки, организации. Это является заслугой не только т. **Лохмана**, а и всего коллектива участка и инженерно-технического персонала. Главная заслуга т. **Лохмана** состоит в том, что он разбил старые нормы.

Тот, кто хочет работать, на заработки не жалуется. После пересмотра норм значительно повысился заработок и у инженерно-технического персонала. Главный инженер за первый квартал заработал 30 тысяч рублей.

30 апреля мы устроили торжественное заседание. Восстановили доску почета. В прошлом году по постановлению общего собрания была водружена „доска почета“ людей, работающих там по 2—3 года. Ныне администрация решила эту доску снять. Это было незаслуженной обидой для горняков. После восстановления доски прибавилось еще 7 имен...

Едем обратно. Мы взяли курс восточнее острова Медвежьего прямо на Мурманск. Причем нужно сказать, что мы здесь побили рекорд скорости, идя на шпицбергенском угле. Надо больше внедрять шпицбергенский уголь, он весьма нужен для нашего Крайнего Севера.

Р. Л. САМОЙЛОВИЧ

ВЫСОКОШИРОТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1936 ГОДА

I

Центральный участок Севморпути, расположенный в районе Новосибирских островов, является наиболее трудным в навигационном отношении, и в то же время он наименее исследован. Трудность плавания в этих водах объясняется полным незнанием общей навигационной обстановки, проходимости проливов Лаптева и Санникова, отсутствием сведений о ледовом режиме и характере льдов в море Лаптевых и Восточносибирском, и особенно в части океана, расположенной к северу от Новосибирских островов.

Между тем именно район к северу от Новосибирских островов представляет особый интерес, как вариант пути, соединяющий запад с востоком (в случае тяжелых ледовых условий в проливе Лаптева и невозможности прохождения глубоко сидящих судов через проливы Санникова и Этирикана). Работы высокоширотной экспедиции на л/к „Садко“ в 1936 году должны проходить, главным образом, в этом трудно доступном северном районе.

Чем будет заниматься экспедиция?

Работами экспедиции „Садко“ в 1935 году под начальством Г. А. Ушакова окончательно установлено, что атлантические воды проникают с запада в полярный бассейн, следуя вдоль континентальной ступени, и проходят на восток от меридиана мыса Молотова.

Это указывает на существование атлантических струй в пределах вод, подлежащих исследованиям экспедицией 1936 года. Судя по распределению водных масс в Карском море, можно ожидать более интенсивного проникновения их в море Лаптевых и Восточносибирское по глубоким жолобам, простирающимся на юг из центральной впадины полярного бассейна. Проблема эта в особенности важна в связи с существованием гипотезы о подъеме атлантических вод по склону шельфа и о выходе их на поверхность, что, конечно, должно оказывать решающее влияние на распределение льдов. Кроме того, с проблемой Гольфштрема тесно связана задача ледовых прогнозов для западного сектора.

До сих пор для восточного сектора не ясен вопрос о связи ледового режима с интенсивностью притока атлантических вод в полярный бассейн. Возможно, что разрешение этой проблемы осветит и причины существования так называемой **Сибирской полыньи**.

Вопрос о проникновении атлантических вод в этот район имеет научный интерес и с точки зрения влияния их на фауну морского дна и приноса с запада чуждой полярным водам планктонной фауны. Последнее оказывает влияние не только на фауну данного района, но позволит разрешить и общую проблему проникновения атлантической фауны в Тихоокеанскую область, что, в свою очередь, важно для решения вопросов миграции морского зверя.

Не меньший интерес представляет собою вопрос о вековых пульсациях Гольфштрема. В связи с этим экспедицией будут проведены специальные бентонические и грунтовые работы, которые в то же время дадут навигационную характеристику грунтов.

Одним из факторов, определяющих проникновение Гольфштрема в полярную область, является граница и характер материковой отмели. Всестороннее изучение этого ската шельфа и будет служить одним из разделов работ экспедиции. Не меньший интерес представляет эта граница и в геологическом отношении, поскольку северный край шельфа является фактическим берегом Азиатского континента.

В навигационном отношении весьма существенно изучение рельефа морского дна, в связи с наличием небольших глубин, крайне затрудняющих здесь мореплавание. От рельефа дна в значительной мере зависит и распределение течений, как **придонных**, идущих со стороны полярного бассейна по депрессиям, так и **поверхностных**, влиянием которых объясняются распределение и дрейф льда.

Не менее существенный вопрос — распространение теплых речных вод в северной части моря Лаптевых и Восточносибирском. Изучению их влияния на ледовый режим и на условия навигации в высоких широтах этой части Арктики будет обращено особое внимание.

Действительное **распределение суши и моря** исследуемой области до сих пор неизвестно. Возможно, что на север от острова Котельного располагаются какие-либо земли. Вопрос этот может быть разрешен экспедицией. С другой стороны, геологическое строение архипелага Де-Лонга указывает на вероятность нахождения в этом море и других малых островов типа острова Жохова и острова Вилькицкого, случайно открытых экспедицией на л/к „Таймыр“ и „Вайгач“.

Но и известные острова, в частности Жаннета и Генриета, нанесены на карту (экспедицией Де-Лонга) на основании неточных данных. В связи с этим большое значение приобретают гидрографические работы, как попутные (фониметрические промеры, определения навигационные и астрономические и т. д.), так и на островах.

В тесной связи с проблемами распределения суши и моря, а также проблемой шельфа, стоит вопрос о **тектонической структуре пространства**, расположенного к северу от Новосибирских островов. Тектоника этой части Арктики имеет большое принципиальное значение. От изучения ее зависит и понимание строения более южных районов, в частности Верхоянья и прилегающей к нему складчатой области.

Если подтвердится существование плиты островов Де-Лонга, то неминуемо возникнет вопрос об отношении ее к Лавренции, что явится самостоятельной геологической проблемой.

Необходимо также изучить возраст гранитов Новосибирских островов и связь их с мезозойским интрузивным циклом Верхоянья, четвертичное оледенение и историю моря Лаптевых и Восточносибирского моря.

Среди **географических проблем** на первом месте — земной магнетизм, как непосредственно связанный с навигацией (морской и воздушной) и как имеющий интерес с точки зрения геомагнитной съемки, поскольку исследованный район является краевой частью обширной Восточносибирской аномалии. К северу от этого района можно ожидать перехода от аномальной области к нормальному распределению магнитных элементов.

Очень важно произвести гравитационные определения в этом районе, где никогда подобной работы не производилось. Гравитационные измерения пополняют скудный для Арктики материал по силе тяжести. Это необходимо для разрешения вопросов высшей геодезии о точной форме земного эллипсоида, а также об отклонении истинной формы земли

(гесида) от эллипсоида в арктической области. Для разрешения ряда геотектонических вопросов, например, о степени и форме изостатической компенсации в глубоководной части полярного бассейна, о тектонической структуре, необходимо выявить гравитационные аномалии. Работы эти являются выполнением общей программы гравитационной съемки СССР, утвержденной правительством.

К числу геофизических работ экспедиции относятся работы по атмосферному электричеству. Исследования эти имеют значение в связи с вопросом о туманах, конденсирующихся, как известно, вокруг частиц, распыленных в воздухе. Необходимо определить незаряженные и заряженные частицы в воздухе, свободные заряды и проводимость воздуха.

Вопросы навигации в арктических областях требуют разрешения проблемы пеленгования на коротких волнах. Такое пеленгование может происходить по удаленным станциям, находящимся вне арктической области, в которой радиоточки расположены слишком редко.

Актинометрические работы коснутся определения количества прямой и рассеянной радиации.

Целый ряд вопросов навигационного характера связан с метеорологическими факторами и климатическими особенностями исследуемой области, неизвестными нам вовсе. В течение короткого навигационного сезона невозможно собрать исчерпывающий материал по соответствующим дисциплинам. Поэтому необходимо производство аэрометеорологических наблюдений в продолжение всей навигации и продолжение этих наблюдений на одном из островов Новосибирского архипелага, где предполагается постройка полярной станции.

В 1936 году необходимо поставить комплексное испытание корабля: исследование поведения во льдах корпуса и теплотехнические испытания. Будут применены взрывные работы с учетом механических и химических свойств льда. Такой комплекс исследований пополнит данные для проектирования ледокольных кораблей.

Все научно-исследовательские работы должны носить комплексный характер. Для их осуществления необходимо иметь судно, оборудованное лабораториями, аппаратурой, механизмами и инструментарием. Учитывая опыт предыдущих плаваний, следует полагать, что таким кораблем может быть л/к „Садко“.

Для ледовой разведки и уточнения распределения суши и моря к нему будет придан самолет с достаточным радиусом действия, снабженный радиоустановкой и совершенным навигационным оборудованием.

II

Отправление экспедиции назначается из Архангельска в момент прибытия „Ермака“ на остров Диксона (15—20 июля 1936 года). Выход в море Лаптевых, пролив Вилькицкого предполагается вслед за „Ермаком“.

На мысе Челюскина — бункеровка донецким углем в количестве, необходимом для 35-дневного экономического хода. Учитывая короткий рабочий период (не более 20 дней), заход для бункеровки в бухту Тикси невозможен.

По выходе из пролива Вилькицкого (середина августа) ледокол направляется к северной оконечности острова Котельного с гидрологическими разрезами. Станции располагаются в 45 милях одна от другой.

От северной оконечности Котельного экспедиция направляется на норд-ост до пакового льда, обследует район предполагаемой Земли

Санникова. В случае возможности будет использована на этом маршруте авиаразведка.

Крайняя северная точка маршрута определяется положением пакового льда или северной границей шельфа. На пути от Котельного производятся четыре гидрологических станции, из которых одна в самой северной точке. Отсюда ледокол поворачивает на юго-восток, направляясь к островам Де-Лонга для постройки станции. В случае открытия более северных островов, пригодных для указанной цели, станция будет построена на одном из них.

После постройки станции на острове Де-Лонга ледокол выходит с гидрологическим разрезом на норд-ост по направлению к району **недоступности**, пересечет атлантические воды и определит северную границу континентальной платформы. На этом маршруте гидрологические станции запроектированы через 30 миль.

После достижения границы пакового льда ледокол направляется прямо на запад, примерно до 136 меридиана, по которому поднимается на север. На крайней северной точке этого маршрута делает поворот на запад и по 126 меридиану спускается снова на юг до широты пролива Вилькицкого. Отсюда ледокол доходит до глубин континентальной платформы и снова поворачивает на север до границы пакового льда.

Затем ледокол направляется к мысу Молотова (18—20 сентября) со станциями через 45 миль, для обратного возвращения в Архангельск (в начале октября).

В случае невозможности прохождения на запад (выяснится до подхода ледокола к мысу Молотова) может оказаться необходимым идти на восток, в Берингов пролив. На этот случай необходимо иметь запас угля в бухте Провидения или бункероваться при помощи ледокола „Красин“.

При возвращении восточным вариантом ледокол из крайней восточной точки указанного выше маршрута спускается к югу, ведя научные работы до 74° северной широты, затем поворачивает на юго-восток к острову Врангеля.

На этом пути он пересекает место Земли Андреева, предполагавшееся где-то между Новосибирскими островами, устьем реки Колымы и островом Врангеля.

Конечный пункт этого маршрута — остров Врангеля, откуда ледокол идет снова на северо-восток, делая попытку пробраться в область больших глубин. На этом пути ледокол пересекает струю атлантических вод и обследует Сибирскую полынью Чукотского моря. Затем от 76° северной широты идет к мысу Барроу, оттуда к мысу Лисбурн и проводит стандартный разрез к острову Врангеля.

От острова Врангеля маршрут — прямо на юг, до побережья, затем на восток до американского берега, откуда к мысу Дежнева (25 сентября). На всем пути до Берингова пролива (включительно) производятся гидрологические и океанографические работы.

Само собою разумеется, что **намеченные маршруты как западного, так и восточного вариантов могут быть коренным образом изменены в зависимости от ледовой обстановки, которая в 1936 году ожидается малоблагоприятной.**

Комплексность работ экспедиции требует привлечения специалистов по отдельным дисциплинам: астрономии, магнетизму, гравитации, аэрологии, геологии, гидробиологии, гидрографии, гидрологии, гидрохимии,

кораблестроению, метеорологии, по подрывному делу, радиоволнам, физике и электронавигации.

Научный состав экспедиции представляет собой категорию высококвалифицированных исследователей Советской Арктики. Заместитель начальника по научной части — проф. **В. Ю. Визе**, дважды орденоносец. Заместитель начальника по административно-хозяйственной части — **И. А. Жердев**, участник двух зимовок: на Земле Франца-Иосифа и полярной станции Уэлен.

В качестве гидрохимика приглашен **А. Ф. Лактионов**, орденоносец; лаборантом **М. А. Долженкова**; гидрологами **Л. Л. Балакшин** и **И. В. Максимов**; геологом **М. М. Ермолаев**, орденоносец; гидробиологом **Г. Г. Горбунов**; планктонологом проф. **П. И. Усачев**.

В качестве физика приглашен **Л. С. Боришанский**; астрономом проф. **И. Д. Жонголович**; гидрографом **Я. Я. Гаккель**, орденоносец; корабельными инженерами **М. К. Тарсис** и **А. П. Апокин**, орденоносец; метеорологом **И. Л. Русинова**, орденоносец; радиоинженером **В. В. Иванюк**, орденоносец; практикантами — **Шумский**, **Елтышева** и **В. Саймолович**; механиком по научным приборам — **Цельм**.

В экспедиции участвуют писатель **С. А. Семенов**, орденоносец, и доктор **Гагарин**.

Команда корабля будет состоять из 45 человек, куда войдут также два водолаза.

Все участники экспедиции полны желания положить все свои силы на осуществление задач, поставленных перед высокоширотной экспедицией „Садко“ в 1936 году.

Д. Д. КОЗЬМИН

НА УЧАСТКАХ ИРКУТСК — ЯКУТСК

Иркутск — узловой пункт, через который в значительном количестве проходят наши грузы, направляемые вниз по Лене. В 1936 году через Качуг пройдет больше 10 тыс. тонн груза.

Транспорт должен значительно повысить свою работоспособность. В прошлом году за движением „связок“ никто не наблюдал, отправляющие организации старались только выпроводить карбуза с Качуга; отсутствовала массовая работа на карбузах. Все это привело к тому, что свыше 25 тыс. тонн груза застряли на реке Лене, не дойдя до Якутска. Наблюдалось и расхищение грузов, не говоря уже о том, что много товаров не пойдет по назначению.

В 1936 году вниз по Лене идут с нашими грузами 33 „связки“. На каждой „связке“ занято до 26 человек, а на всех свыше 600 человек. Эту массу надо обслужить. Парторг Транспортной конторы должен развернуть политико-массовую работу среди рабочих под лозунгом: „Ни одного килограмма потери в пути, весь груз в срок доставить в Якутск“. Надо установить премии для артелей, доставивших грузы в Якутск ранее срока и без потерь.

На основе стахановского движения якутские хозяйственные предприятия в этом году приходят с лучшими показателями, чем в прошлом. Пеледуйская верфь на полтора месяца раньше заканчивает баржестрое-

ние. На Пеледуде 250 стахановцев. Все они охвачены профтехучебой. Ремонт „Пятилетки“ и „Партизана Щетинкина“ заканчивается на месяц раньше против намеченного плана. Стахановцы-строители Якутстроя перевыполняют норму на 150 и больше процентов.

Но есть большой минус в работе. Предприятия слабо реализуют решения Пленума ЦК ВКП(б) о пересмотре технических норм; слабо передается опыт работы стахановцев всему рабочему коллективу.

Томпонская культбаза в силу исключительной бесхозяйственности б. начальника строительства **Чудинова** не имела средств на покрытие расходов по содержанию базы и на строительство. За базой числилась также кредиторская задолженность в сумме 125 тыс. руб.

В течение 1935 года Томпонская база, израсходовав все средства, закончила только один объект. Остальное строительство было выполнено лишь от 30 до 70%, причем школа построена настолько плохо, что деформировалась и рухнула.

Все объекты Томпонской базы, выстроенные в устье реки Хунхада на „похороненном“ льду с циркулирующей под ним водой, находятся под угрозой разрушения. Они подлежат немедленному переносу на новую строительную площадку. Ответность по Томпонской базе запущена и запутана.

Несмотря на крайне тяжелое положение, особенно Томпонской культбазы, сохранена на базах вся рабочая сила. В Томпо посланы медицинский и ветеринарный врачи, зоотехник, фельдшер, заведующий Домом туземца, школьный работник, прораб и ряд работников других специальностей. На Оленек посланы ветврач, зоотехник и два учителя.

Третья Ленская экспедиция, как известно, зазимовала в 1935 году в 170 километрах от Якутска, — у Турьего взвоза. Она не дошла до своего конечного пункта — г. Якутска — по вине руководства экспедиции, которое не смогло правильно организовать погрузочно-разгрузочные работы, сократить количество простоев. Отсутствовал продуманный план движения каравана вниз по Лене. Организации, пользующиеся нашим транспортом, не были поставлены в известность, где они должны сосредоточить свой груз, чтобы без задержки, по прибытии каравана, приступить к погрузке. Клиентам не было также известно, где будет проходить разгрузка прибывающего для них груза, к приему они не были подготовлены.

Разгрузка проходила в 100 и больше километрах от расположения заинтересованных организаций. Последние вынуждены были перевозить выгруженный груз другими средствами. Грузы, предназначенные Булуну, засылались в Жиганск, и наоборот. Часто сгружали не тот груз. Например, в Жиганске вместо 2 бочек бензина было выгружено 2 бочки растительного масла; вместо авиабензина авиапорты получили бензин, негодный для самолетов; вместо болотных сапог, предназначенных для охотников, сгружены простые короткие сапоги, и т. д.

В Ленских операциях не было единоначалия. В движение каравана вмешивались другие организации. Все это привело к срывам в третьей Ленской экспедиции.

Якутское теруправление обязано учесть все ошибки прошлых ленских экспедиций и исправить их. Только при этом условии четвертая ленская экспедиция в 1936 году закончится успешно. Налицо имеются все условия для этого.

★

Жиганская районная пушная контора объединяет 156 охотников. Удельный вес наших пушнозаготовок в этом районе достигает свыше 60%.

Районная пушная контора имеет три фактории: **Оленевскую** (заведующий Борисов), состоящую из избы и склада и находящуюся в 750 километрах от районной конторы; **Линдинскую** (заведующий Протопов), расположенную в 150 километрах от районной конторы и размещенную в юрте (в этом году необходимо перебросить туда дом и склад), и **Коноринскую** (заведующий Миронов), находящуюся в 250 километрах от районной конторы и имеющую избы и склад.

Бесспорно, что на Оби наши фактории находятся в более культурном состоянии, являясь действительно культурными очагами, к которым тянутся промышленники. Если обские фактории имеют общежития, хлебопекарни, бани, школы и больницы, то в Жиганском районе это отсутствует. Там нет ни культинвентаря, ни литературы. Никакой воспитательной работы не ведется. Культурно-воспитательную работу среди охотников Жиганского района надо перенести на фактории и в предстоящую навигацию снабдить последние культинвентарем и литературой.

Наблюдаются недопустимые явления в заводе орудий промышленности. Например, в Жиганск для охотников завезены мелкокалиберные винтовки, а патроны к ним даны от карабина.

★

Кисюрская центральная база насчитывает 4 организации нашей системы: оленсовхоз, гидрологическую экспедицию, метеостанцию, пушную перевалочную базу.

В начале 1935 года Булунский совхоз насчитывал 12 651 голов оленей. Приплод 1935 года дал 5039 голов. Вместе с молодняком совхоз имел всего 17 690 голов оленей.

На протяжении 1935 года пало (легочное заболевание) 2686 телят; вынужденная выбраковка—46 телят; проданы колхозам 50 телят. Из взрослого поголовья пало 1130 голов; вынужденная выбраковка—835 голов, продали колхозам 272 головы, выделены пушным конторам и факториям 1700 голов. Сейчас оленье поголовье в совхозе состоит из 11 197 голов.

Булунский совхоз разбит на 9 стад. От центральной базы стада находятся на расстоянии от 60 до 300 и даже до 500 километров. В каждом стаде 5—6 пастухов.

Связь центральной базы со стадами зимой с октября по апрель осуществляется кольцевой связью—оленьим транспортом. Гораздо хуже связь Центральной базы с Якутском, которая осуществляется через рацию Наркомсвязи и работает только час в сутки.

Комсомольская организация Булунского совхоза насчитывает 14 человек. В совхозе и в стадах выходят две стенные газеты—„Красный оленевод“ и „Полярный работник“.

Коммунисты центрального аппарата, а также члены ВЛКСМ охвачены политучебой. Но если на центральной базе проводится некоторая партвоспитательная работа и имеется небольшой красный уголок, то организованные в стадах красные чумы работают очень слабо: нет литературы на якутском языке, нет плакатов, культинвентаря. Члены партии и ВЛКСМ политически малограмотные. Надо усилить Булунский

совхоз двумя-тремя пропагандистами, чтобы они могли развернуть работу, подготовить из местных работников свои кадры.

Необходимо серьезнее заняться подготовкой для наших факторий и оленеводческих совхозов квалифицированных кадров. В Якутске имеется пуштехникум; при нем нужно создать группу подготовки культурных пастухов, давши минимум техзнаний, чтобы пастух мог оказать первую помощь оленю. У молодежи есть тяга к учебе, но надо эту работу организовать и довести ее до конца.

До сего времени Булунский оленеводческий совхоз неблагоустроен. Плохо с орудиями лова волков (капкан № 7), засылается недоброкачественный стрихнин: от него волки недохнут.

★

Очень плохо поставлена радиосвязь. Самолет, улетая из Якутска на север, лишается всякого наблюдения за собой. Об улетевшем самолете узнают только тогда, когда он возвращается обратно в Якутск. Рации Наркомсвязи работают в сутки один час, и самолеты улетают с аэропортов без сводок о погоде, без радиосвязи. Без четко работающей авиации, повседневная связь руководства с коммунистами одиночками и северными нашими парторганизациями чрезвычайно затруднена. Этот участок надо привести в состояние полной работоспособности.

★

Несмотря на то, что в Иркутске больше 600 работников нашей системы, там нет не только клубов, но даже и красного уголка. Культурно-массовая, политико-воспитательная работа не ведется. Например, декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) до февраля парторганизацией не прорабатывался; решений последней Сессии ЦИКа рабочие не знали, этот вопрос также не был проработан.

Местные партийные общественные организации свое бездействие пытаются оправдать отсутствием помещения для развертывания воспитательной работы. Но никто из них не пытался договориться с другими организациями о совместном использовании имеющихся культучреждений в Иркутске.

Подготовка к партийным собраниям проходит плохо, решение по этому вопросу Пленума Ленинградского горкома партии не выполняется.

Ленская воздушная линия имеет партийно-комсомольскую прослойку свыше 50%, но партийно-комсомольская работа поставлена слабо. Абсолютное большинство из них даже не читает центральных и местных газет, такое простое дело, как организация своевременной доставки газет, не организовано.

Г. С. СМЕРНОВ

ХАТАНГА

I

В прошлом году на реке Хатанге (Таймырский национальный округ) начала работать экспедиция Главного управления Северного морского пути. Задача экспедиции — детальное обследование Хатанги и выбор места для устройства порта. Работы экспедиции продолжаются и по плану закончатся осенью текущего года.

Хатанга — районный центр, удалена на 1000 километров от окружного центра Дудинки и почти на 3000 километров от краевых организаций, находящихся в Красноярске.

На огромной площади Хатангской тундры (270 тыс. кв. километров), летом малодоступной для передвижения, разбросаны фактории и становища местного национального населения (свыше 2500 чел. якутов, долганов, ненцев).

Единственные средства сообщения здесь — олень и периодические рейсы самолетов Полярной авиации. Доставка товаров обычно производится зимним путем на оленях по маршруту: Кресты — Волосянка — Хатанга. Грузы идут из Красноярска Пясинским караваном до Дудыпты и выгружаются в Крестах. Отсюда доставляются аргишами на оленях районным факториям, удаленным от Крестов более чем на 1000 километров.

Гужевые перевозки требуют мобилизации большого количества оленей, отрывая их от пушного промысла. Перевозки ложатся большим накладным расходом на завозимые товары. Например, доставка тонны грузов в факторию Карго обходится около двух тысяч рублей. Нередко поэтому ощущается недостаток товаров.

Хатангский район богат пушшиной. В реке и озерах много ценной рыбы. Летом изобилуют дикие гуси, утки; зимой — белая куропатка. В тундре бродят большие стада дикого оленя. В Хатанге на 72° сев. шир. имеются леса (лиственница). Древесина может быть использована не только на дрова, но и на постройку жилых зданий. Необходимо только обследовать местные массивы, организовать планомерные разработки и лесосплав. На Хатанге имеются выходы бурых углей, а в верховьях Котуя (в 300 километрах от Хатанги) найдены залежи полноценного каменного угля. Верховья Котуя ожидают еще своих исследователей. Несомненно, там должны быть полиметаллы и другие полезные ископаемые, аналогичные норильским. В районе Нордвика имеются все признаки наличия нефти и вполне реальные мощные залежи соли.

Все эти богатства района могут быть освоены, если Хатанга будет доступна с моря.

Хатангская портоизыскательская экспедиция пришла к выводу, что Хатангский залив и река Хатанга обладают всеми положительными качествами судоходной магистрали, по которой можно транспортировать все виды грузов. Морские суда с осадкой до 7 метров смогут беспрепятственно заходить в залив и подниматься вверх на 80 миль до залива Сындаска. Этот небольшой залив типа лагуны экспедиция рекомендует для устройства порта внутрирайонного значения с последующим его расширением.

Путем дноуглубительных работ (300—500 тыс. куб. метров) в заливе можно устроить превосходную гавань для разгрузки морских судов и отстоя речных.

У конца Сындаскинской косы, в 20 метрах от берега, имеются глубины свыше 8 метров. Нужны сравнительно минимальные затраты на устройство причального фронта, которому будут не страшны двухметровые льды, сковывающие Хатангский залив.

Наличие мощного пласта бурого угля и плавника в заливе Сындаска дает возможность создать там топливную базу и получить электроэнергию.

При элементарной обстановке фарватера бара в районе мыса Карго и на немногочисленных перекатах реки Хатанги вполне возможен проход судов (с осадкой 3,5—4 метра) до села Хатанги и выше по реке Котуй до первых порогов.

Суда с осадкой 1,5 метра могут подниматься по Хете до села Волосянка и завозить грузы в Авамскую тундру. Широкое использование речных путей для внутрирайонных перевозок оживит далекие уголки Авамо-Хатангской тундры.

Хатанга по характеру своих глубин находится в лучших условиях, чем другие крупнейшие реки Восточной Сибири (Лена, Колыма, Индигирка и др.). Это обстоятельство надо учесть и начать планомерное освоение водных путей богатейшего района, и строительство речного флота для внутрирайонных перевозок. Доставка первой тысячи тонн груза Северным морским путем в навигацию 1936 года—новое доказательство той заботы, которую проявляют партия и правительство к развитию производительных сил в отдаленных районах Крайнего Севера.

Местные партийные и советские организации, особенно Красноярское территориальное управление Главсевморпути, должны свое внимание сосредоточить на включение национального населения Авамо-Хатангской тундры в орбиту регулярной хозяйственной деятельности путем создания первичных коллективных организаций по оленеводству, заготовке пушнины, ловле рыбы, разработке леса, местных углей и т. д.

Заместитель начальника Политуправления Главсевморпути т. **И. О. Серкин**, побывавший недавно в Авамо-Хатангской тундре, резко поставил этот вопрос перед партийными и хозяйственными организациями Главсевморпути. Надо полагать, что 1936 год будет переломным в развитии потенциальных возможностей отдаленного Хатангского района.

II

Хатангская экспедиция в основном закончила технические работы в районе залива Сындаска и у села Хатанги. Основной отряд экспедиции работает сейчас в Нордвике, где производит технические изыскания в связи с проблемой вывоза соли и строительством рудника.

Район полуострова Юрунг-Тумус, где находится соляная сопка, не обладает всеми положительными качествами естественных условий, при которых возможно устройство морского порта с минимальными затратами. Открытый рейд, подверженный сильному волнению, тяжелый ледовой режим и значительная удаленность от берега глубин—все это вызывает необходимость устройства массивных гидротехнических сооружений или производства больших дноуглубительных работ.

Во время разгрузки парохода „Десна“ в сентябре прошлого года личный состав экспедиции на собственном опыте убедился в крайне тяжелых условиях рейдовых операций у Юрунг-Тумуса. Судно оставалось на рейде слишком 19 суток. Было выгружено 1967 тонн. Выгрузка грузов производилась при ветре до 3 баллов и заняла 7 суток. Выгрузка леса сплавом при ветре 4—5 баллов продолжалась 5 суток. Простои (ветер 6 баллов и выше) составили свыше 7 суток.

Основные затруднения были при работе у берега, который совершенно не защищен от штормового волнения. Это обстоятельство — одно из причин продвигания портоизыскательской экспедиции вглубь Хатангского залива.

Личный состав экспедиции был разбит на два отряда. **Первый отряд** (13 человек) под руководством инженера **Христенко** направился в Синдаска; **второй отряд** (10 человек) вместе с катером направился зимовать в село Хатангу.

В течение зимы 1935/36 года (октябрь — март) **первым отрядом** произведены подробные промеры со льда, бурение, гидрометрические наблюдения и топографические работы. В результате получен материал, вполне достаточный для эскизного проектирования порта в Синдаска.

В течение навигации текущего года будут собраны данные по ледовому режиму и движению наносов. С самого начала работ в Синдаска ведутся метеорологические наблюдения. Зимовщики построили хорошо оборудованный теплый дом и баню. В свободное от работ время зимовщики заняты учебой и оказывают помощь местному национальному населению (щепство над школой, починка посуды, плотничные работы и т. д.). Националы охотно приезжают в Синдаска, называя зимовку „городом“, и с нетерпением ожидают первого парохода с грузами. Местные районные организации перенесут в Синдаска факторию и открывают там школу. Так на пустынной косе далекой северной лагуны возникает новый культурный очаг, о котором говорят по всей Хатангской тундре.

Второй отряд зимовщиков выполнил аналогичную работу у села Хатанги и в основном подготовил материал по речному затону и гидроаэропорту. Наблюдения за весенним паводком и ледоходом дадут исчерпывающий материал, который позволит судить о достоинствах и недостатках протоки, рекомендуемой экспедицией для строительства затона.

В Хатанге собран обширный материал по экономике, говорящий о больших потенциальных возможностях этого далекого района.

В марте этого года было получено сообщение из Москвы о развертывании строительства на Нордвике, в связи с предстоящей эксплуатацией соляных месторождений. Получив задание, экспедиция развернула изыскательские работы на Нордвике, с учетом конкретных требований, предъявленных к транспорту в связи с предстоящим строительством рудника и эксплуатацией соляного месторождения.

Идет бурение на рейде, и производятся механизированные промеры. Бурением установлено наличие плотного глинистого грунта в районе рейдовой стоянки парохода „Десна“, т. е. в том самом месте, куда мы должны вывести основное гидротехническое сооружение для швартовки судов и установки механизированной подачи соли. Наличие твердого глинистого грунта дает возможность устройства массивных сооружений, способных преодолеть тяжелый ледовый режим.

Устройство этих сооружений связано с рядом трудностей. Например, строительные материалы, включая и камень, будут привозными. Без устройства специального механизированного причала, защищающего суда от волнения, мы не сможем в течение короткого срока навигации (30—35 дней) пропустить нужное количество грузов.

Особое внимание мы должны уделить использованию местных строительных ресурсов и заблаговременной подготовке материальной базы для строительства. Необходимо использовать местное топливо, древесину, найти строительный камень, песок, гравий и создать специальные артели для заготовки мяса и рыбы. Было бы грубейшей ошибкой надеяться лишь на привоз этих важнейших продуктов. Хатанга обладает ими в достаточном количестве.

До постройки капитального причала транспортные операции будут крайне затруднительны без устройства временных защитных сооружений для разгрузки и погрузки судов карбасами. Это необходимо учесть, не забывая опыт разгрузки „Десны“ в прошлом году.

Необходимо продолжить исследовательские работы на нефть, соль и уголь за пределами полуострова Юрунг-Тумус, обратив особое внимание на район залива Сындаска. Наличие исчерпывающих материалов о потенциальных возможностях этого района даст нам полную уверенность в правильности выбора места эксплуатации природных богатств.

На сегодняшний день мы еще не обладаем всеми материалами для составления полноценного проекта. Мы еще не имеем достаточной практики весьма трудоемкого строительства на 74° сев. шир. и в отдельных его видах должны стать на путь эксперимента. Нам потребуются специальные суда, землечерпательные снаряды, мощная механизация — весь арсенал современной портостроительной техники. Мы не должны останавливаться перед теми трудностями, которые возникают в развертывании строительства порта. Преодолеть их стахановскими методами труда — такова задача всего коллектива строителей и его руководства.

П. ВАРАКИН

Директор Игарского
лесопромкомбината

ИГАРКА ГОТОВИТСЯ К ВОСЬМОЙ КАРСКОЙ

В навигацию 1936 года Игарским лесопромкомбинатом будет отгружено 56 850 стандартов пиломатериала против 46 500 стандартов в 1935 году, или 120,9% к прошлогоднему плану. Кроме того по договору мы доставляем Норильстрою 70 000 кубометров строительного леса и Мурманрыбе 5000 стандартов ящичной клепки. Из общего количества пиломатериала идет на экспорт 46 000 стандартов и на внутренний рынок 10 250 стандартов.

Как мы обеспечиваем погрузку?

К маю например, всего надо было распилить экспорта 28 000 стандартов, а напилено 20 594 сдандартов, или 72,5%; на внутренний рынок из 10 250 стандартов напилено 7817 стандартов. Весь напиль для экспорта будет закончен не позднее конца июля.

В начале года на бирже пиломатериалов имелось значительное отставание. Теперь это отставание преодолено. Еще в середине мая было перебрано 26 190 стандартов, или 79%, зашито торцов 22 084 стандарта,

Погрузка леса в порту Игарки

или 70%, и общито крыш 20 174 стандарта, или 66%.

Для выполнения программы отгрузки пиломатериалов требуется 1368 человек рабочих, 329 человек адмтехперсонала, 62 человека обслуживающего персонала, а всего 1759 человек.

Для подготовки квалифицированной рабочей силы лесопромкомбинатом организованы и проводятся курсы: рубщиков, форманов, отводчиков, шоферов и бригадиров.

В отличие от прошлых лет мы добились значительного улучшения в организации труда.

Упразднили „Погрузбюро“, что дает возможность ликвидировать обезличку на бирже пиломатериалов, более четко руководить биржей, поднять ответственность работников и укрепить единоначалие.

Вводятся „спаренные“ бригады по принципу: одна доставляет пиломатериал к борту парохода (погрузочная бригада), а вторая укладывает материал в пароход (стивидорная бригада). Причем погрузочные бригады работают в составе 62 человек

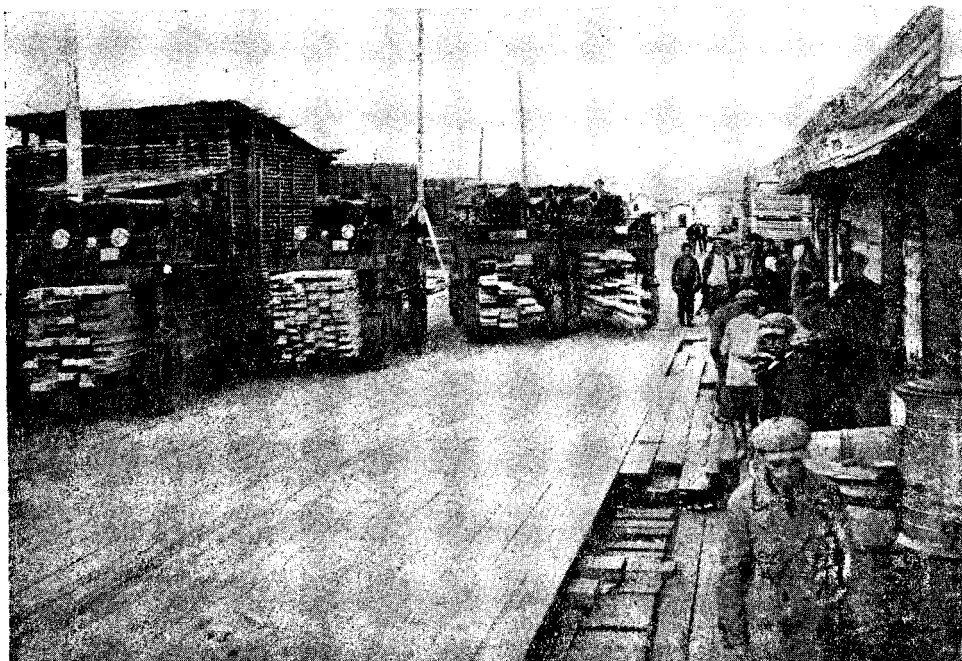
при погрузке автолесовозами и 114 человек при погрузке гужтранспортом. Вторая же (стивидорная бригада) работает в составе 33 человек. В договорах всех бригад предусмотрена взаимная гарантия.

Такая организация труда при широком внедрении стахановских методов работы дает полную возможность выполнить задание — 160 стандартов¹ погрузки в сутки на один пароход — и в срок выполнить Карскую в целом.

Транспорт — исключительно важный участок. В нынешнюю операцию мы должны отгрузить пиломатериалов более чем на 40 пароходов и 16 барж. Если бы лесокombинат стал доставлять пиломатериалы на морпричалы только гужтранспортом, то это заставило бы увеличить число завозной рабсилы на 500—600 человек, что в свою очередь потребовало бы лишних затрат в размере 600 тыс. руб.

Чтобы избежать этого, приняты меры для приобретения дополнительно к имею-

¹ В 1935 году погрузки на пароход в сутки составляла 120 стандартов.

Экспортный игарский лес отвозится на лесную биржу автовозами

щимся 12 автолесовозам еще 5 автолесовозов. Другим транспортным инвентарем мы обеспечены полностью.

Не менее важно для успеха дела жилищное строительство. В 1936 году предусмотрено построить 10 домов по 28 квартир в каждом, причем 6 из них должны быть готовы к 8-й Карской. К строительству домов уже приступлено, но Стройтрест слабо обеспечивает нужные темпы в строительстве.

В новых домах жилая площадь представлена рабочим Карской. В каждом доме создаются красные уголки с художественной и периодической литературой, кипяильники и особые сушилки. Каждый рабочий должен иметь все элементарные удобства, начиная с постельных принадлежностей и кончая тумбочкой. Общежития будут электрифицированы и радиофицированы.

Приобретают большое значение вопросы общественного питания. Сделана заявка

на промышленные и продуктовые товары всего на сумму до 7 миллионов руб. Общественное питание будет обеспечено работой трех столовых.

К Карской готовится дополнительная торговая сеть. Вновь строятся на морпричалах и бирже 4 ларька с полным ассортиментом потребительского товара. Кадры для обслуживания торговых точек и столовых обеспечиваются организованными курсами. Для этого выделено из комсомольской организации лесопромкомбината 10 человек.

Для проведения Карской вновь строятся капитальные причалы и съезды. Если в прошлом году постоянных причалов было только три, то в предстоящую навигацию будет семь постоянных причалов.

Несомненно, очередная Карская будет выполнена более успешно, чем в прошлые навигации. Она будет проведена по-стахановски.

П. Г. ГОЛОВИН

Пилот

НА „СТАЛЬ-2“

(Полеты 1936 года)

Самолет построен заводом № 81 целиком из нержавеющей стали. Мотор на нем поставлен „Райт Уир-луинд“ 360 сил с металлическим трехлопастным винтом Гамильтон. По приеме самолета сразу же возник вопрос о его дооборудовании. Были установлены на шите пилота две световых точки, посадочный рефлектор на плоскости, переносные лампы для механика и плафон в пассажирской кабине. Установили два указателя скорости про запас, на случай отказа одного из них. Полностью перебрали щиток с пилотажными приборами, добавив полукompас Сперри и искусственный горизонт.

Мне кажется, что завод должен обладать определенным стандартом для оборудования самолетов пилотажными приборами.

Была установлена радиостанция „13-СК“. На „Сталь-2“ трудно установить радию так, чтобы пилот имел возможность вести самолет, настраиваться и вообще пользоваться в полете радиостанцией. Пришлось установить ее в пассажирской кабине. Так как радиста у нас не было, то я имел в виду пользоваться ею только как аварийной с земли и в особо нужных случаях передавать и принимать ключом с длинным шнуром, установленным к колену пилота. Таким же способом предполагали использовать и телефон. Для работы с земли были приобретены телескопическая алюминиевая мачта и мотор „Бристоль“ со вторым генератором.

Остартовали мы из Москвы 17 января 1936 года. По трассе Аэрофлота нас задерживали в каждом порту из-за плохой погоды. Это имело до некоторой степени свой плюс: просидев в Казани 5 суток, за это время механик В. О. Камразе учился радиоприему и радиопередаче, и когда мы прибыли в Красноярск и сделали еще 2—3 рейса на Игарку, он уже научился работать, свободно принимая около 40 знаков. В дальнейшем он был „хозяйном“ радиции.

„13-СК“ — надежная радиция. Мы ею пользовались все время, работала она без отказа в течение четырех месяцев. Если бы что-нибудь у нее сломалось, то вряд ли мы могли бы ее исправить, так как ее мате-

риальной части никто из нас толком не знал.

При полетах по трассе выяснились все недостатки „Сталь-2“. У него оказался длинный старт, особенно при взлете с глубокого снега. Были случаи, когда с нормальной нагрузкой и в штатных условиях не хватало аэродрома.

Положительные же стороны самолета — это хороший обзор для пилота, комфортабельные сиденья для пассажиров и для механика, довольно высокая температура в кабине, несмотря на то, что никаких специальных обогревателей не было, а также хорошее качество всех деталей самолета.

✱

В конце февраля нам пришлось сделать полет на Нордвик, имея на борту заместителя начальника Политуправления Главсевморпути И. О. Серкина. Маршрут: Красноярск — Игарка — Дудинка — Черная — Волосьянка — Хатанга — Нордвик.

Маршрут на участке Дудинка — Волосьянка довольно трудный в навигационном отношении, так как на пути нет почти никаких ориентиров.

Дудинка. За два дня ожидания получили телеграммы о том, что аэродромы подготовлены, обозначены и что они вполне соответствуют для приема самолетов. На деле вышло иначе. Прилетев на Черную, я убедился, что на аэродроме большие заструги и сесть, не поломав самолет, невозможно, а поэтому мы пошли прямо на Волосьянку.

С выходом на Хету погода резко изменилась — низкая слоистая облачность и снегопад. Подойдя к Волосьянке, мы увидели аэродром с выложенным знаком „Г“, но все же из-за пасмурной погоды нельзя было судить о качествах аэродрома. Сделав два круга, мы сели в обозначенном месте. Поломали правую ногу самолета — на аэродроме оказались заструги до 50 сантиметров высотой, жесткие как лед.

Сейчас же мы сообщили управлению авиалинии в Красноярск о высылке оленями из Дудинки запасной ноги, которую на самолете нам привез летчик Купчин,

доставив также запасные части к нордвикским вездеходам.

На другой день двумя самолетами мы были уже в Нордвике. За всю зиму лучшие Нордвикского аэродрома я не видел. Коллектив нордвикской зимовки исключительно толково и грамотно принял нас в первый и второй полеты.

Прилетев снова в Красноярск, я предполагал сделать полет на Диксон с начальником Игарского политотдела т. Остроумовой. Но с Усть-Порта нас вернули, приказав мне вести опять на Нордвик звено самолетов.

При полете звеном летчик Купчин в Хатанге сломал винт, а на самолете Еремко в моторе появился какой-то стук, так что полет с таким мотором на участке Хатанга—Нордвик был довольно рискован. Поэтому пришлось снять с одного самолета винт, поставив его на другой, и продолжать полет только двумя самолетами.

★

На другой день после прибытия в Нордвик была получена телеграмма от начальника полярной авиации т. М. И. Шевелева о срочном вылете в район Гальчихи для поисков пропавшего самолета „Н-125“. На другой день мы вылетели обратно в Дудинку, и еще через день были уже в Дудинке. Забрав все необходимое, мы установив на одном из свободных пассажирских сидений добавочный бак, емкостью около 200 литров, мы отстартовали в Гальчиху. Имея запас горючего приблизительно на 8 часов, не делая посадки в Гальчихе, вылетели в тундру.

После 6½ часов полета вернулись в Гальчиху. Были осмотрены верховья рек Зырянки, Каменки и Глубокой. Самолет обнаружен не был. Полеты не носили определенной системы, так как в тундре привлекает каждая темная точка и всюду мерещится самолет.

В Гальчихе нас ждала неприятность — горючее (20 бочек) оказалось тракторным, и для самолета оно было непригодно, а масло АЦ—автомоб. Мобилизовав весь личный состав зимовки, разрыли снег там, где хранились пустые бочки, и нашли около 10 бочек бензина, но масла не было.

Следующий полет был предпринят на другой день и носил уже несколько иной характер. Вылетев к опорному пункту — устью реки Глубокой, — я ходил компасным курсом через каждые 10°, с удалением от берега Енисейского залива до 60 миль. И этот полет никаких результатов не дал.

У нас кончилось авиамасло. Пришлось снова лететь в Дудинку и привести оттуда несколько бидонов.

Снова возобновили полеты, но так же безуспешно. По полученному радио от Петрова, они находились на сопке высотой около 100 метров и видели на западе

и северо-западе хребты гор. На расстоянии 150 километров от устья Глубокой мы также увидели цепи гор. Осмотрели их — и так же безрезультатно.

Потом получили точные координаты местонахождения Петрова, полученные радиопеленгами с Диксона и с острова Белый. В эту точку был направлен трактор с Диксона с радиустановкой, а также собаки нарты. В дальнейшем я убедился, что в этом районе самолета нет, так как во время полетов я видел и трактор и собаки упряжки. Такие же собаки упряжки выставили с Омудевой и из Гальчихи, но не видел самолета, который был больших размеров. Когда прилетели на Диксон, я заявил, что в районе, указанном радиопеленгами, и в истоках рек Зырянки, Каменки и Глубокой самолета нет, так как мы сделали уже 5 продолжительных полетов и видели все, кроме самолета. Шевелев предложил искать несколько южнее.

Отстартовав с Диксона и забрав максимальное количество горючего, так как в Гальчихе уже горючего стало мало, при низкой облачности и видимости (приблизительно в 5 километров), мы летали до мыса Шайтан. В этот полет я не пользовался темными очками и испортил себе глаза, которые слезились и даже в очках сильно болели.

Отсюда мы сделали полет в район значительно южнее, чем искали раньше, и, избрав мыс Шайтана как опорный пункт, так же через каждые 10° стали ходить компасными курсами. С запада напирал слой густого тумана, и поэтому, сделав два захода, нам пришлось идти в Гальчиху, чтобы сделать посадку до прихода тумана.

В полете механик мне передал телеграмму с Диксона от Петрова, что Игнатьев видел нас идущими в направлении норд-ост около 5 миль к югу. Но я этому не особенно верил, так как из троих видел только один и он мог галлюцинировать. Но все же на следующий день я повторил тот же самый полет, несколько исправив маршрут в том районе, как указывалось телеграммой. Идя уже со стороны тундры к берегу, увидел подозрительную точку, но зря сходить с курса было нельзя, так как, сбывая с курса, потеряешь ценность всего полета — маршрут будет уже сделан не точно, а район будет считаться осмотренным, этого я и боялся в течение всего времени поисков. Камразе также смотрел в эту точку и также не мог определить, что это такое. Все-таки мы повернули, и чем ближе подходили к этому месту, тем больше вырисовывался самолет, поставленный на свечу хвостом вверх. Около самолета людей не было, стояла мачта и палатка.

Когда мы сделали несколько кругов, появились и люди.

Я посадки делать не стал, так как место было слишком пересечено, погода пас-

мурная, к тому же страшно болели глаза. Ограничились тем, что сбросили им 5 мешков продовольствия, папиросы и две лопаты, и, сделав промеры расстояния до берега Енисея с точностью от 1,5 — 2 миль, определили координаты. Было дано радио на Диксон, и на другой день к месту аварии уже пришли трактор и собаки упряжки.

Подходя к Гальчихе, я встретился с другим самолетом, идущим в помощь мне. Выждав погоду (приблизительно через два дня), мы двумя самолетами пробовали отстартовать при сильном береговом ветре. Со стартом у меня ничего не вышло, так как самолет совершенно не набирал скорости из-за свежего выпавшего снега и высокой температуры. Задав компасный курс Купчину, снабдив секундомером, я отправил информированного Купчина на самолете „Р-5“ и через час уже имел сведения о том, что Купчин благополучно сел, а еще через полчаса экипаж „Н-125“ был уже в Гальчихе.

Надо отметить большую неорганизованность полетов по оказанию помощи экипажу Петрова. Фактически ими никто не руководил. Начальник острова Диксона Боровиков нам, летчикам, больше мешал, чем помогал. С первого же дня начала поисков я послал телеграмму о производстве радиопеленгования самолета и получил ответ, что маяки поставлены по принципу, не позволяющему брать никаких радиопеленгов. От него нам требовалась только дача сводок, подготовка аэродрома на Диксоне и в случае нашего прилета — дать нам возможность отдохнуть в человеческих условиях, так как в течение последних полутора месяцев мы сильно измотались, спали где придется в спальных мешках. Нам заявили, что аэродром держится всегда в полном порядке, а при посадке на Диксоне

мы чуть не разбили самолета и только случайно попали между застругами. Аэродром был совершенно неподготовлен.

В ту же ночь мы отстартовали из Гальчихи в Дудинку, куда прибыли с попутным ветром через два часа. На следующий день вылетели в Игарку, где провели два дня. Нам еще предстоял путь до Красноярска.

Несмотря на то, что лед в Енисейске и Красноярске уже прошел, 14 мая двумя самолетами отстартовали из Игарки, пройдя без посадки до Подкаменной Тунгуски, где температура была уже $+10^{\circ}$. Лед был мягкий и в некоторых местах уже проваливался под ногами.

Для того чтоб забрать двух человек, мы в Игарке сняли радиостанцию, оставив только личные вещи и почту. Переменив лыжи на колеса, которые мы предусмотрительно забрали с собой еще зимой, выходя из Красноярска, мы пробовали отстартовать с аэродрома на колесах, но из этого ничего не вышло, так как колеса тут же провалились.

Я исходил около 20 километров по Енисею в поисках подходящего для старта места, каковое и нашел на середине Енисея, километрах в 5 от аэродрома. Снова поставив самолеты на лыжи и прилетев туда, мы занялись опять перестановкой на колеса. В этот момент самолет Купчина при посадке провалился под лед по самые крылья.

Южный ветер скоро переменялся на северный, за какой-нибудь час температура упала до 0, пошла низкая облачность и сильный дождь, чередовавшийся со снегом. Забрав 4 бидона бензина, мы удачно отстартовали на колесах и, пройдя около 100 километров под дождем, при видимости порядка 300 метров вышли на хорошую погоду. Лед по Енисею уже шел. Забрав высоту около 1500 метров, мы благополучно прибыли в Красноярск.

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ СОСТАВА СОВЕТА ПРИ НАЧАЛЬНИКЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Утвердить следующий состав Совета при начальнике Главного управления Северного морского пути:

1. **Шмидт** Отто Юльевич—начальник Главсевморпути (председатель Совета).

2. **Янсон** Николай Михайлович—заместитель начальника Главсевморпути (заместитель председателя Совета).

3. **Бергвинов** Сергей Адамович—начальник Политуправления Главсевморпути.

4. **Ушаков** Георгий Алексеевич—заместитель начальника Главсевморпути.

5. **Берман** Матвей Давыдович—заместитель начальника Главсевморпути.

6. **Алексеев** Анатолий Дмитриевич—летчик.

7. **Архангельский** Андрей Дмитриевич—академик-геолог.

8. **Бабушкин** Михаил Сергеевич—летчик.

9. **Баевский** Илья Леонидович—начальник Красноярского территориального управления Главсевморпути.

10. **Балагул** Михаил Львович—начальник Финансового отдела Главсевморпути.

11. **Белоусов** Николай Александрович—начальник Ленинградского территориального управления Главсевморпути.

12. **Бобров** Алексей Николаевич—начальник Инспекции Главсевморпути.

13. **Богомолкин** Яков Федорович—начальник Сельскохозяйственного управления Главсевморпути.

14. **Бурке** Артур Карлович—капитан ледокольного парохода „Садко“.

15. **Вавилов** Николай Иванович—академик.

16. **Визе** Владимир Юльевич—заместитель директора Всесоюзного Арктического института.

17. **Водопьянов** Михаил Васильевич—летчик.

18. **Воробьев** Александр Васильевич—начальник Сектора радиослужбы Главсевморпути.

19. **Воронин** Владимир Иванович—капитан ледокола „Ермак“.

20. **Вылка** Иван Кириллович—председатель Новоземельского национального совета.

21. **Галышев** Виктор Львович—летчик, начальник авиалинии Якутск—Тикси.

22. **Губкин** Иван Михайлович—академик, начальник Главного геологического управления НКТП.

23. **Дуплицкий** Дмитрий Сергеевич—начальник Мобилизационного отдела Главсевморпути.

24. **Евгенов** Николай Иванович—гидрограф, заместитель начальника Гидрографического управления Главсевморпути.

25. **Земцов** Клавдий Петрович—капитан теплохода „Пятилетка“.

26. **Иванов** Никита Александрович—начальник политотдела Архангельского территориального управления Главсевморпути.

27. **Иванов** Николай Иванович—начальник политотдела Дальневосточного территориального управления Главсевморпути.

28. **Ильяшенко** Евгений Васильевич—начальник Чукотского-Анадырского треста Дальневосточного территориального управления Главсевморпути.

29. **Ипатов** Евстафий Михайлович—начальник Омского территориального управления Главсевморпути.

30. **Копусов** Иван Александрович—начальник Управления полярных станций Главсевморпути.

31. **Кошкин** Ян Петрович—директор Института народов Севера.

32. **Крастин** Эдуард Фрицович—начальник Управления морского и речного транспорта Главсевморпути.

33. **Кренкель** Эрнест Теодорович—начальник полярной станции на острове Каменева.

34. **Кривдун** Григорий Тимофеевич—заведующий пушной факторией на Чукотском полуострове.

35. **Крылов** Алексей Николаевич—академик-кораблестроитель.

36. **Кузьмин** Николай Николаевич—начальник Архангельского территориального управления Главсевморпути.

37. **Лавров** Борис Васильевич — начальник строительства соляных рудников на Нордвике — „Нордвикстрой“.

38. **Леваневский** Сигизмунд Александрович — летчик.

39. **Лисс** Юлий Мойсеевич — начальник Якутского территориального управления Главсевморпути.

40. **Минеев** Арефий Иванович — бывший начальник полярной станции острова Врангеля.

41. **Молоков** Василий Сергеевич — летчик, командир особого Московского отряда Главсевморпути.

42. **Михайлов** Александр Александрович — бывший начальник полярной станции острова Диксона.

43. **Михайлов** Александр Павлович — начальник Обдорского территориального управления Главсевморпути.

44. **Нацаренус** Сергей Петрович — начальник Планово-экономического отдела Главсевморпути.

45. **Николаев** Николай Михайлович — капитан Ленинградской комиссии по наблюдению за строительством новых судов для Главсевморпути.

46. **Орловский** Петр Владимирович — начальник Гидрографического управления Главсевморпути.

47. **Остроумова** Валентина Петровна — начальник Игарского политотдела Красноярского территориального управления Главсевморпути.

48. **Папанин** Иван Дмитриевич — бывший начальник полярной станции мыса Челюскина.

49. **Петров** Гавриил Герасимович — начальник полярной станции острова Врангеля.

50. **Петросян** Гай Григорьевич — начальник „Арктикснаба“ Главсевморпути.

51. **Плисецкий** Михаил Эмануилович — начальник треста „Арктикуголь“.

52. **Пошеманский** Михаил Борисович — начальник Дальневосточного территориального управления Главсевморпути.

53. **Самойлович** Рудольф Лазаревич — профессор, директор Всесоюзного Арктического института.

54. **Серкин** Иван Онисимович — заместитель начальника Политуправления Главсевморпути.

55. **Скачко** Анатолий Евгеньевич — заместитель начальника Управления по развитию хозяйства и культуры народов Севера Главсевморпути.

56. **Урванцев** Николай Николаевич — геолог, заместитель директора Всесоюзного Арктического института.

57. **Ферсман** Александр Евгеньевич — академик-геолог.

58. **Чухновский** Борис Григорьевич — летчик, старший инспектор Управления полярной авиации Главсевморпути.

59. **Шевелев** Марк Иванович — начальник Управления полярной авиации Главсевморпути.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР

В. МОЛОТОВ.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР

И. МИРОШНИКОВ.

Москва, Кремль.

3 июня 1936 г.

Н. Р.

„ВОДЯНЫЕ САНИ“

Изобретенные конструктором Кручевским „водяные сани“ уже дали при испытании благоприятные результаты.

Изобретение принято Комиссией по изобретению и рационализации Главсевморпути и передано в Полярное управление для реализации — постройки опытного образца, о чем уже есть договоренность с заводом аэросаней и глассеров в Москве.

Эти „сани“ имеют большое значение в исследовательской работе полярных станций. Они могут свободно продвигаться по ледяным полям, по снеговому покрову, по шуге и воде, покрытой плавающими льдами, а также по чистой воде.

Скорость по чистой воде — 30—35 километров, а по гладкому льду со снеговым покровом в 10 сантиметров — 75 километров в час.

На санях устанавливаются мотор „М-11“ с воздушным винтом, окованным латунью, а также полный набор измерительных приборов; пять мягких сидений и необходимый комплект судового инвентаря (весла, багры и т. д.).

Днище „саней“ строится из сухого прямостойного ясеня; бимсы и бортовые шпангоуты — из сухой сосны; обшивки — из текстолита; верхняя палуба — из казенной фанеры. „Сани“ покрываются специальной водоупорной краской.

С. И. НИКОЛАЕВ

ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ 1936 ГОДА

Ежегодные беломорские экспедиции, применяющие на зверобойном промысле ледокольные и зверобойные суда и авиаразведку, дают нашей стране тысячи тонн жиров и десятки тысяч штук кожевенного и ценного мехового сырья.

Зверобойной экспедицией 1936 года руководил челюскинец капитан В. И. Воронин. Ледокольные пароходы „Русанов“ (капитан Н. И. Хромцов), „Сибиряков“ (капитан М. Р. Марков), „Садко“ (капитан А. К. Бурке), „Малыгин“ (капитан Ю. К. Хлебников) и „Садко“ (капитан Д. И. Шведов), а также специальные зверобойные суда „Нерпа“ (капитан Н. П. Воротилов), „Новая Земля“ (капитан Д. М. Аполлонов), „Мурманец“ (капитан И. В. Вайгин) и „Ленгосторг“ (капитан В. И. Романов) — вот техническая база экспедиции.

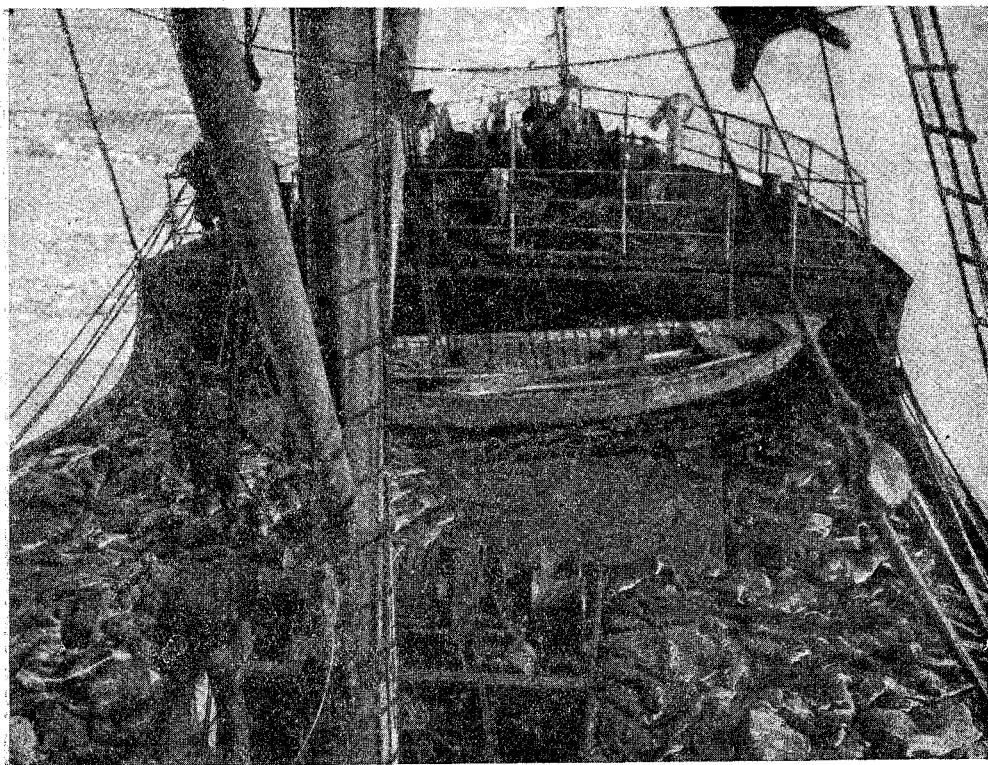
Остров Моржовец, как и прежде, был штабом экспедиции с подсобными авиабаза-

ми в Зимней Золотике (Зимний берег) и Кузомени (Терский берег). В распоряжении экспедиции находились два самолета типа „Сталь-2“ (пилоты М. И. Козлов и Г. П. Власов) и один самолет-амфибия „Ш-2“ (пилот Д. М. Вершинский). Связь между самолетами, судами и авиабазами осуществлялась с помощью радиотелефона.

План добычи гренландского тюленя — прежний, но количество судов уменьшено на три зверобойных бота, а также сокращено и количество промышленников; вместо прежних 640 человек взято на промысел 560.

Воздушные разведки произведены заблаговременно. Это позволило руководству еще до прихода судов знать места залегания зверя и расставить суда, чего не было в экспедициях предыдущих лет.

Удачно начатый промысел вначале, был нарушен аварией „Малыгина“. Ледокол потерял рулевое управление. На помощь

„Сибиряков“ за сбором битого зверя

„Малыгину“ пришел ледокол „Садко“. Это отвлекло и „Садко“ от непосредственной промысловой работы.

План промысла выполняли оставшиеся суда. Из них ледоколы „Русанов“ и „Сибиряков“, укомплектованные зверобоями Долгощельского и Ручьевского колхозов, руководимые капитанами Хромцовым и Марковым, показали образцы подлинно стахановской работы. Они выполнили план первого рейса „Русанов“ на 236% и „Сибиряков“ на 208%. Наиболее высокие показатели дали ударники из числа зверобоев промышленников — тт. Широкий, Буторин, Юрьев, Васильев, Кулаков и др. а также стахановцы судокоманд — тт. Филатов, Рогачев, Вавилов, Игнатенко и др.

Промысел второго рейса, отличавшийся в прошлые годы добычей большого количества крупного зверя, в этом году осложнился. Ледовые условия оказались неблагоприятными. В условиях теплой весны и южных ветров льды почти не приходили в состояние сжатия. Зверь располагался или по кромкам льдин или на тонком нилосе, облегчающем уход зверя в воду.

Первые крупные залежки тюленя найдены на битом нилосовом льду. Зверь постоянно менял места залегания. Нередко на больших залежках, исчислявшихся десятками и сотнями тысяч голов, зверь при первых выстрелах уходил в воду. Работа авиаразредки становилась напряженнее. Свыше 120 разведок провели самолеты, пройдя над льдами более 60 000 километров.

В задачу самолетов входило также наблюдение за найденными уже залежками, учет направления и скорости дрейфа льдов со зверем, указание путей для лучшей проходимости. Кроме того необходимо было разыскивать увесенных в море береговых промышленников.

Во время промысла проведен удачный опыт базирования самолета непосредственно на ледоколе. Для этой цели во втором рейсе ледоколу „Садко“ придан самолет-амфибия.

Во втором рейсе применен также метод коллективной работы двух ледоколов. Про-

мышленники выходили на лед общей бригадой. Каждый из ледоколов в равной степени обслуживал своих и „чужих“ промышленников, перебрасывая их в случае надобности с места на место и производя подряд сборку куч добытого зверя. Это дало промыслу более организованную систему работы и больший производственный эффект.

Точного учета выработки зверобоев до сих пор не было. Учитывалось лишь общее количество добычи всем судном. В этом году поставлен учет позвеньева работы, лучше организован труд бригад (л/к „Садко“).

Прежние данные о сырьевой базе гренландского тюленя устарели. Между тем знание сырьевых запасов, влияния выбора различных возрастных групп зверя на основное стадо крайне необходимо. В экспедиции 1936 года изучением сырьевой базы занималась научная группа Всесоюзного Арктического института и ВНИРО. О результатах этой работы можно будет судить лишь после обработки материалов.

В результате широко развернутого стахановского движения на ледоколах и зверобойных судах, план добычи зверя выполнен в ценностном выражении свыше 120%.

О чем говорит опыт работы этого года? Необходимо, особенно во втором рейсе, добиться организованной работы судов на совместных залежках. Удачно начатую в текущем году практику спаренной работы ледоколов надо продолжать.

Для базирования самолетов надо использовать не только береговые пункты, но и ледокольные пароходы, предоставляя каждой паре ледоколов отдельный самолет.

Необходимо распространить на ледоколы применявшиеся в этом году методы учета и организации труда внутри бригад.

Учитывая повышенную пугливость зверя, надо разработать тактику промысла. Первый шаг в этом направлении — организуемые Архангельским теруправлением курсы стрелков-зверобоев. На курсы отобраны лучшие стахановцы-зверобои, которые после окончания их будут инструкторами по обучению кадров снайперов-зверобоев.

Т. А. КАРАВАЕВА

СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК ПО ОКЕАНОГРАФИИ

В конце мая в Москве проходила сессия группы географии и геофизики Академии наук, посвященная океанографии. Заслушаны доклады по исследованию Тихого и Атлантического океанов и северных морей, ряд докладов по физике моря и биологии и доклады, посвященные проектам новых больших экспедиций.

Сессию открыл член-корреспондент Академии наук Ю. М. Шокальский, который

в интересном докладе рассказал об истории русских и иностранных океанографических экспедиций и о степени изученности различных участков мирового океана. Он отметил, что, несмотря на большое количество океанографических экспедиций, до сих пор рельеф дна мирового океана недостаточно исследован. В этой области необходима постоянная работа специальных экспедиций. И все же, несмотря на это, в нашем „Ат-

лаسه мира* будут представлены новейшие карты морей и океанов.

Специальное заседание было отведено вопросам Севера. Выступили с докладами проф. Р. Л. Самойлович и проф. Н. Е. Евгенов.

Для полного освоения Северного морского пути нужны всесторонние исследования на всем его протяжении. За последние годы широкое развитие получили полярные экспедиции комплексного характера. Таковы за последние годы экспедиции "Сибирякова", "Седова", "Малыгина", "Таймыра", "Челюскина", "Литке", "Садко".

Такой же комплексной будет и высокоширотная экспедиция "Садко" в 1936 году. О ее маршруте и задачах подробно рассказал в своем выступлении Р. Л. Самойлович.¹

Район, где будет работать "Садко", наиболее труден в навигационном отношении и наименее исследован. Он расположен к северу от Новосибирских островов. Так же, как и проливы Лаптева и Санникова, он вероятно труднопроходим из-за малых глубин и отсутствия сведений о ледовом режиме и характере льдов.

Есть предположения, что этот район впоследствии может служить одним из вариантов Северного морского пути в том случае, если невозможно пройти проливом Санникова.

Экспедиция "Садко" должна будет доказать эту возможность.

Кроме того перед экспедицией поставлено разрешение многих научных проблем. Нужно выяснить вопрос о проникновении атлантических вод на восток. Экспедиция 1935 года на "Садко" установила, что они проникают с запада в полярный бассейн и идут вдоль береговых отмелей. Экспедиция 1936 года должна выяснить существование атлантических струй в районе ее действия. Выяснение этого имеет большое значение. Например, с проблемой Гольфштрема тесно связаны ледовые прогнозы в западном секторе Арктики, но относительно восточного сектора в этом отношении ничего не известно.

Экспедиция должна выяснить, не является ли Сибирская полынью результатом проникновения теплых вод в восточный район. Предстоит выяснить также вопрос о приносе с запада планктонной фауны. Известно, что она влияет на фауну данного района. Исследованием можно выяснить вопрос о проникновении атлантической фауны в тихоокеанскую область, с чем в свою очередь связана миграция морского зверя.

¹ Подробно об экспедиции "Садко" в 1936 году см. статью Р. Л. Самойловича в настоящем номере журнала (стр. 88).

Необходимо также разрешить вопрос о вековых пульсациях Гольфштрема. Одним из факторов проникновения теплых вод Гольфштрема в полярную область является граница и характер материковой отмели. Всестороннее изучение этого — в плане работ экспедиции.

Экспедиция изучит и ряд других вопросов Арктики: рельеф морского дна и распределение теплых речных вод в северной части моря Лаптева и Восточносибирского; земной магнетизм; сила тяжести; атмосферное электричество, тесно связанное с исследованием вопроса о происхождении туманов, и т. д.

Впервые на "Садко", в качестве опыта, будет поставлено радиопеленгование на коротких волнах, чтобы использовать станции внеарктической зоны.

Кроме этого экспедиция займется изучением льдов, определением прямой и рассеянной радиации; проведет специальные наблюдения кораблеисследовательского характера (поведение корабля во льдах, работа его моторов, приборов и т. д.).

В экспедицию на "Садко" отправляются 45 человек команды и 36 человек научных работников. Предполагается закончить работу в одну навигацию. Если при возвращении экспедиции создадутся неблагоприятные условия и на запад она вернуться не сможет, то разработан второй вариант рейса на восток. В этом случае будет исследован район вокруг острова Врангеля; затем "Садко" пойдет к северным берегам Америки, и экспедиция закончится во Владивостоке.

В своем докладе проф. Евгенов рассказал о гидрографической изученности северных морей. Систематическое исследование наших полярных морей началось в советский период. Но работы советских экспедиций, главным образом, проводились в западной части. Экспедиции 1930—1935 годов дали много нового по изучению Карского моря. Это были уже не рекогносцировочные работы, а подробное изучение побережья и прилегающего к нему моря. Но восточная часть Советского Севера оставалась мало исследованной.

Экспедиции на "Красине", проведя в 1934 и 1935 годах комплексные работы по исследованию Чукотского моря и в районе острова Врангеля, кое-что сделали в этом отношении. Но несмотря на все это, полярные моря еще далеко не изучены. Сейчас Главсевморпуть уделяет особое внимание гидрографической работе, увеличивает гидрографический флот и вообще флот для исследовательских работ. В ближайшие 2—3 года восточный сектор Севморпути будет полностью исследован и изучен.

Т. К.

ВТОРОЙ РЕЙС ЗАПОЛЯРНОГО ТЕАТРА

В середине мая коллектив Заполярного театра начал второй рейс по Советскому Заполярию. Составленный в прошлом году из актеров нескольких московских театров и работников эстрады, коллектив приступил к работе почти в полном своем прошлогоднем составе.

Работа Заполярного театра протекает в необычной обстановке: спектакли ставятся иногда в мало подготовленных помещениях, в различных населенных пунктах, национальных поселках, на бортах пароходов и ледоколов.

Многие зрители первый раз в жизни видят спектакли. В своих воспоминаниях о работе в 1935 году, актеры рассказывали, что ни одна аудитория в больших городах не смотрела их спектакли с таким вниманием, как в Заполярье.

Актеры Заполярного театра выполняют и другую культурно-просветительную работу. Они популяризуют новинки литературы, последние театральные постановки и кинофильмы, рассказывают о художественных выставках, проводят обсуждение вопросов искусства. Кроме того, коллектив театра должен инструктировать, руководить художественной самодеятельностью Заполярья.

Разносторонняя культурно-просветительная деятельность актеров Заполярного театра требует от них большой подготовительной работы зимой, когда они находятся в центре. Но в Москве пока еще не оформлен постоянный театр. Надо его создать. Он должен находиться или в ведении Ко-

митета по делам искусств, или в ведении Главсевморпути. Это диктуется тем, что в зимнее время актеры обязаны повышать свои знания, поднимать общий культурный уровень, давать спектакли в столице и других крупных центрах.

Возможен и другой вариант. Театр может превратиться в стационарный и находиться в одном из крупных полярных центров; в летнее же время отдельными небольшими группами театр может выезжать для обслуживания более мелких населенных пунктов.

В 1936 году коллектив театра состоит из 17 человек. Ими подготовлен следующий репертуар: Мольер — „Тартюф“, Островский — „Без вины виноватые“, Арбузов — „Дальняя дорога“ и „Шестеро любимых“ и целый ряд концертных программ.

В этом году маршрут их начинается с Иркутска, затем — Витим, Пелелуйская верфь, Якутск, Кангалахские копи, Сангар-Хайя, Жиганск, заполярный совхоз Булун, бухта Тикси. В бухте Тикси они будут обслуживать также суда Ленской экспедиции и все заходящие в бухту сквозные суда.

Кроме Заполярного театра в Арктику едут несколько групп работников московских гостеатров: группа Малого театра под художественным руководством народной артистки Пашеной, с маршрутом — Туруханск, Игарка, Дудинка, Усть-Порт, остров Диксона и др.; едет также группа артистов Большого театра, в состав которой входят солисты оперы и балета.

Т. К.

ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКА МЕРКУЛОВА

В июне в Москве была открыта отчетная выставка художника А. А. Меркулова „Арктика и Советский Север“.

Меркулов — молодой художник, в 1930 году окончивший художественные курсы АХР.

В 1934 году на судне „Персей“ художник впервые попадает на Север, и с этого года он большую часть времени проводит в северных экспедициях (на судах „Персей“, „Таймыр“, „Малыгин“). Он побывал на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, Шпицбергене, на островах Моржовец, Визе, Ян-Майен и др.

Весь представленный на выставке материал написан Меркуловым исключительно во время его путешествий, и многие вещи он сам рассматривает как эскизы для будущих

больших полотен. Меркулов оперативен. В его вещах чувствуется свежесть восприятия явлений действительности. В этом — положительные элементы творчества Меркулова, но и его минусы. Краткосрочность работы снижает качество.

На выставке художник Меркулов представлен главным образом как **пейзажист**. Изучив северную природу и будучи талантливым живописцем, Меркулов умело передает в пейзажах Север. Особенно удается ему изображение природы Арктики. Среди работ этого цикла, выполненных маслом, нужно отметить следующие: „Новорожденный“ — большой зеленовато-прозрачный айсберг, „Бухта Тихая“, „Льдины“, „Скала Рубини-Рок“, „Штиль в Гренландском

море", „Северный день", „Шторм" и „Тишина".

Особенно запоминаются две удачных картины Меркулова, в северные пейзажи которых введены корабли. Это „Судоремонтный завод Буревестник" и „В тумане". На картинах Меркулова нет следов торопливости и небрежности, все они производят впечатление вполне доработанных.

Наиболее яркой и радостной по краскам является картина „Коттеджи. Туломстрой". На переднем плане дано белое снежное пространство, а дальше, за деревьями, проступают коттеджи с яркими красными крышами, живописно выделяющимися на сером фоне неба.

В светлых тонах исполнены и акварели, большинство которых удачно и выразительно. Наиболее выделяются: „У собранных шкур", „Устье Северной Двины", „Речной буксир", „Вечер на Северной Двине", акварели с мыса Желания и др.

Хороши у Меркулова пять рисунков тушью „Бельки". Бесма скупыми средствами достигнут максимум выразительности.

Рисунки тушью на производственную тематику (Грумант-Сити, Баренцбург, Мурман и др.) не производят большого впечатления. Они сухи и носят налет чертежных работ. Среди них выделяются только рисунки судов, как, например, „Ледокол Литке у пристани", в котором удачна композиция.

Вызывает недоумение зрителя тот факт, что почти все картины даны в довольно мрачных тонах. Ни северное сияние, ни яркие северные краски не нашли своего

отражения в работах Меркулова. Некоторые наши художники воспроизвели эти краски и абсолютно не в ущерб качеству своих работ.

Но если в чисто „арктических" морских пейзажах эта серовато-мрачная гамма и может найти себе некоторое оправдание, то она производит просто неприятное впечатление в городских пейзажах, посвященных Мурманску, которые вообще мало удались художнику. В этом отношении обращает на себя внимание картина „Парад физкультурников", который по темноте и мрачности скорее подходит на погребальное шествие.

В картинах Меркулова почти не отражены люди, особенно представители народов Севера. Они выпали из поля зрения художника. На выставке имеется всего лишь два портрета зверобоев и две больших, но малоудачных картины с людскими группами: „Выходной день в Баренцбурге" и „Возвращение с геологической разведки". Вот картина „Охота на белого медведя". Рычащий раненый медведь больше удался художнику, чем охотник. Портреты кранов также больше понятны зрителю, чем копошащиеся около них люди.

Все остальные картины или абсолютно безлюдны, или люди в них даны, как незначительные живописные детали. Возможно, что в дальнейшей своей работе Меркулов восполнит этот серьезный пробел.

В целом же художник Меркулов показал себя на этой выставке растущим живописцем, которому особенно удаются морские пейзажи, природа Арктики.

В. С. АНДРИАНОВ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ

Экспедицией Зоологического института Академии наук раскопаны в 4 километрах от Сале-Харда, в устье реки Полуя, остатки древнего поселения, случайно обнаруженные при рытье фундамента еще в 1932 году. Эти раскопки за полярным кругом дали исключительно интересный материал—вещественные памятники, не имеющие аналогий.

Всего было собрано в пяти различных пунктах, на территории 250 кв. метров, 1500 различных поделок и большое количество керамического и костного материала.

Среди поделок особое место занимают гребенки из кости, украшенные резьбой и скульптурными изваяниями. Наличие всего 5—6 зубьев, редко расставленных и длинных, говорит о назначении гребней для высокой прически. Всего собрано 6 таких гребней.

Неменьший интерес представляют найденные в большом количестве ложки. Они

относятся к наиболее примитивной группе. Сделаны из грудных костей водоплавающей дичи и мамонтовой кости. В одном случае ручка ложки имеет вид изогнутой шеи гуся, заканчивающейся прекрасно вырезанной головкой, настолько реалистично выполненной, что нет сомнения в принадлежности этой головы черной казарке. В другом случае ложка не имеет ручки и сразу переходит в голову зайца с вытянутыми вдоль по краям ушами, а на голове зайца, хвостом к носу, сидит утка с повернутой назад головой. Эта сложная композиция разработана с большой тщательностью и говорит о высоко развитом искусстве. Обе эти ложки имеют вполне нормальную рабочую часть, отличаясь от современных только величиной рукоятки.

Следующая группа ложек имеет сравнительно нормальную величину, но рабочая часть углублена очень мало и скорее при-

ближается к лопаточкам. Большая часть ручек этой группы ложек завершается изображением голов или даже целыми фигурами различных животных и птиц. С большим знанием и мастерством выполнены миниатюрные головы лоса, оленя и т. д., аналогии которым можно найти разве только в материалах времен расцвета так называемого скифо-сибирского звериного стиля и в материалах Пазырыкского кургана (IV век до нашей эры).

Кроме отмеченных ложек имеется много предметов в виде лопаточек, сделанных также из кости. Рукоятки их вполне нормальной величины, но назначение лопаточек трудно представить, тем более, что они значительно отличаются между собой. То они заканчиваются довольно остро сточенной частью, то наоборот — тупой. Эта группа лопаточек ни в одном случае не имеет скульптурных изображений животных, но на многих есть резьба геометрического орнамента.

Кроме этих предметов, найдено большое количество разных по форме и назначению пряжек, также орнаментированных резьбой или мелкой пластикой.

Найдены рукоятки ножей, одна из которых завершается фигурой собаки и к тому же в упряжи. На другой рукоятки ножа имеется разный геометрический орнамент, а одна ручка завершается головой зверя, сделанной с исключительным реализмом и мастерством. Из кости же разных животных сделаны наконечники стрел, части лука, костяные ножи, долота и целый ряд предметов неясного назначения. Ни одного наконечника стрелы из какого-либо камня не найдено.

Следует отметить большую доску (кость крупного ископаемого животного) размером 16×22 , толщиной в 1 сантиметр, а по краям, где с трех сторон проходит бортик, до 2 сантиметров толщиной. На доску на-

несен углубленной линией рисунок, изображающий какую-то сцену. В центре этой композиции изображена условным геометрическим стилем голова человека. Есть изображение лодки, сделанной много грубее, а по краям — две фигуры, похожие на ножи-кинжалы. Назначение этой доски не ясно.

Собраны в значительном количестве терки, песты, один из которых орнаментирован двумя углублениями и параллельными линиями. Обнаружены грузила для сетей, скребок из сланца и полированный каменный топорик.

Из железа имеются только лезвия ножей, а из бронзы — предметы украшения и культа. Две поделки из бронзы изображают птицу с распростертыми крыльями и фигуру человека. Третья поделка из бронзы — обломок эполетообразной пряжки с четырьмя фигурами медведей в центре.

Кроме этих поделок из бронзы, есть еще миниатюрная фигура человека, повторяющаяся еще раз на глиняной пластинке, но в уменьшенном виде, и три небольших бронзовых круглых бляшки небольшого диаметра.

Обнаруженные памятники высоко развитого искусства дают основание предполагать, что это поселение — какой-то новый памятник, заставляющий по-новому оценить деятельность древних поселений за полярным кругом.

По собранным бронзовым поделкам можно предположительно отнести это поселение к II—IV векам нашей эры.

Раскопки производились по поручению Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук, где и находится в настоящее время весь собранный материал.

В течение текущего года он поступает в производство как материал к истории развития человеческого общества на Севере.

Редакционная коллегия:

Г. А. Ушаков (ответственный редактор)

А. А. Догмаров

М. Н. Бочачер (зам. ответственного редактора)

Адрес редакции: Москва, улица Горького, 5, тел. 4-35-95

Технический редактор Ю. А. Таубер

Сдано в набор 19 мая 1936 г.

Бум. 72×108 см.

7 печ. л.

3½ бум. л.

Подписано к печати 23 июля 1936 г.

10½ авт. л.

120 000 тип. зн. в 1 бум. л.

Уполн. Главлита № В — 44962.

Заказ № 1163.

Изд. № 72.

Тир. 6500 экз.

ОГОДСКАЯ
ОВЕТСКАЯ

Типография „Коминтерн“ и школа ФЗУ им. КИМ'а. Ленинград, Красная ул., 1.

Цена 1 руб. 50 коп